

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (61)
2023

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. У. Коласаў (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А. М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**1 (61)
2023**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kolosov A. V., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Makarevich A. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A. S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

БУРАКОВ В. Н. Историко-филологический факультет: достижения и перспективы научно-образовательной деятельности	7
БАРСУКОВА Ж. А. Факультет иностранных языков: четверть века	12
ДУК Д. В. На двух берегах и в двух империях: трансформация городского пространства Полоцка в 1772–1793 гг.	17
ЛАВРИНОВИЧ Д. С. Лукьян Михайлович Солоневич: штрихи к биографии общественного деятеля и публициста	22
ЕРМАК Ю. Г. Хозяйственная деятельность женщин иудейского вероисповедания в Гродненской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	31
ЧАЙКИН С. Н. Формирование системы дисциплинарных взысканий осужденных к лишению свободы на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в.	38
МЕЛЬНИКОВА А. С. Г. К. Крейер: общественно-политическая, научная и просветительская деятельность в Беларуси в начале XX в.	44
ЦУМАРЕВА Е. П. Проблема отмены смертной казни в деятельности Первой Государственной думы	49
ВАСИЛЕНКО В. В. Решение продовольственного вопроса и борьба с дороговизной в городах Минской губернии в 1915 г.	54
ГАРМАТНЫ В. П. Развіццё аграрнай сферы Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.	60
ВОРОБЬЕВ А. А. Влияние победы Красной Армии в Московской битве на развитие партизанского движения в Беларуси в 1942 г.	66
ШУТКОВА Н. П. Декоративная обработка пластинчатых печных изразцов Могилевского Поднепровья	71
КАРАКО П. С. В. Ф. Купревич как ученый-биолог и представитель русского космизма (к 125-летию со дня рождения)	78
ГОНЧАРУК А. П. Онуфриевская церковь Мстиславского района как историческая память православия	86
ЛУКИНА О. А. Специфика структуры и семантики иконимов в составе православных экклезионимов Могилевщины	90
ПАПЕЙКО А. А. Лексическая реализация концептов <i>жизнь</i> и <i>смерть</i> в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика	95
БОЛТОВСКАЯ Е. А. Варианты рода несклоняемых нарицательных имен существительных	100
ПІВАВАР К. С. Рэканструкцыя канцэпту «здараўе»на матэрыяле розных тыпаў дыскурсу	105
САМСОНАВА М. А. Прадуктыўныя спосабы ўтварэння аказіяналізмаў-назоўнікаў у паэтычных творах А. Разанава	110

РЭЦЭНЗІІ

ВОРОБЬЕВ А. А., ГАВРИЛОВЕЦ Л. В. Фундаментальный труд по экономической истории Китая (рецензия на книгу Дай Цзяньбина «Война без порохового дыма: валютные битвы в Китае в годы Войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945)». Москва : НИИ истории, экономики, права, 2022)	115
--	-----

CONTENTS

BURAKOV V. N. The Faculty of History and Philology: Achievements and Perspectives in Science and Education	7
BARSUKOVA ZH. A. The Faculty of Foreign Languages: a Quarter of a Century.....	12
DUK D. V. On Two Banks of the River and in Two Empires: Transformation of the Urban Space of Polotsk in 1772–1793	17
LAVRINOVICH D. S. Lukyan Mikhailovich Solonevich: Introduction to the Biography of Public Figure and Publicist.....	22
YARMAK YU. G. Business Activity of Jewish Women in Grodno Province in the Second Half of the XIX – early XX Century.....	31
CHAIKIN S. N. Formation of System of Disciplinary Sanctions for Prisoners on the Territory of Belarus in the Second Quarter of the XIX – early XX Century	38
MELNIKOVA A. S. G. K. Kreyer: Social and Political, Scientific and Educational Activities in Belarus at the Beginning of the XX Century	44
TSUMARAVA A. P. The Problem of the Death Penalty Abolition in the Activity of the First State Duma	49
VASILENKO V. V. The Solution of Food Issue and the Fight against High Price in Cities and Towns of Minsk Province in 1915.....	54
HARMATNY V. P. Development of Agricultural Sphere of Dragichyn Region of Polesie Voivodeship in 1921–1939.....	60
VOROBIEV A. A. The Impact of the Red Army’s Victory in the Battle of Moscow on the Development of the Partisan Movement in Belarus in 1942	66
SHUTKOVA N. P. Decorative Processing of Plate Stove Tiles of the Mogilev Dnieper Region	71
KARAKO P. S. V. F. Kuprevich as a Biologist and Representative of Russian Cosmism (to the 125 Anniversary of His Birth)	78
GONCHARUK A. P. St. Onufry’s Church of Mstislavl District as Historical Memory of Orthodoxy	86
LUKINA O. A. The Specificity of the Structure and Semantics of Icononyms in the Orthodox Ecclesionyms of the Mogilev Region.....	90
PAPEIKO A. A. Lexical Realization of the Concepts of <i>Life</i> and <i>Death</i> in the Works of Poets of the Silver Age: Frequency Response.....	95
BOLTOVSKAYA E. A. Gender Variants of Indeclinable Common Nouns	100
PIVAVAR K. S. Reconstruction of the Concept of Health on the Material of Different Types of Discourse.....	105
SAMSONOVA M. A. Some Ways of Forming Nonce Nouns in Ryazanov’s Poetic Works.....	110

REVIEWS

VOROBYEV A. A., GAVRILOVETS L. V. Fundamental Work on the Economic History of China (Book Review: Dai Jianbing. War without Powder Smoke: Currency Battle in China during the War of Resistance to the Japanese Invaders (1937–1945). Moscow: Sri of History, Economy, Law, 2022).....	115
---	-----

ДА 110-ГОДДЗЯ ЎНІВЕРСІТЭТА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. Бураков

кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Историко-филологический факультет Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова исчисляет свою историю с 1934 г. Именно в этом году были образованы исторический факультет и факультет языка и литературы. За период своей деятельности факультеты развивались независимо друг от друга, корректируя свое название в зависимости от государственных задач по подготовке тех или иных специальностей. Так, исторический факультет в 1956 г. был преобразован в историко-географический и оставался таковым до 1967 г., факультет языка и литературы в 1956 г. трансформировался в филологический, а в 1998 г. – в факультет славянской филологии. С 1 июля 2015 г. оба факультета, взаимно обогатив друг друга опытом работы прошлых лет, мощным научным и кадровым потенциалом, были объединены в историко-филологический факультет, который по праву занимает ведущее место среди других факультетов вуза и продолжает вносить огромный вклад в развитие университета.

Сегодня на факультете действует двухуровневая система подготовки, в ходе которой высшее образование получают почти 300 студентов. Наряду с педагогическими специальностями с 2003 г. факультет открыл подготовку специальностей научно-гуманитарного профиля. На сегодняшний день историческими специальностями являются «История (археология)», «История (религий)», «История и обществоведческие дисциплины». К числу филологических специальностей относятся «Белорусский язык и литература», «Русский язык и литература», «Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)», а также специальность научно-гуманитарного профиля «Журналистика (печатные СМИ)».

На второй ступени высшего образования (магистратура) открыты специальности: «История» (профилизация «Отечественная

история», «Всеобщая история»), «Археология» (профилизация «Археология Беларуси»), «Языкознание» (профилизации «Белорусское языкознание», «Русское языкознание»), «Литературоведение».

Следует отметить, что историко-филологический факультет осуществляет подготовку специалистов высшей квалификации. Аспирантура по специальностям «Отечественная история» и «Белорусская литература» дополнилась открытием в 2018 г. специальностью «Археология». С 2017 по 2022 г. в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова действовал Совет по защите диссертаций по специальности 07.00.02 – Отечественная история на соискание ученой степени кандидата исторических наук. За это время успешно прошли Совет по защите диссертаций 12 соискателей ученой степени кандидата исторических наук, из них 6 выпускников аспирантуры университета. Решением коллегии Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 19/5 от 20.12.2022 г. при МГУ имени А. А. Кулешова создан Совет по защите диссертаций Д 02.03.01, которому разрешено проводить защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

В структуру факультета входят деканат, четыре кафедры со специализированными кабинетами, археологическая лаборатория имени В.Ф. Копытина, Центр первобытной археологии, Научно-образовательный центр русистики и Могилевский религиоведческий центр.

На всех кафедрах факультета среди профессорско-преподавательского состава работают высококвалифицированные специалисты (94 % преподавателей имеют ученые степени и звания). Это один из лучших показателей во всем университете. Например, на кафедре общего и славянского языкознания и кафедре истории и философии этот показатель достигает 100 %. Средний показатель педа-

гогического стажа преподавателей факультета составляет более 15 лет, что обеспечивает подготовку студентов на высоком научно-теоретическом уровне.

Стали традиционными и широко известными в республике международные научно-практические конференции, такие, как «Романовские чтения», «Религия и общество», «Философско-педагогические проблемы непрерывного образования» (совместно с кафедрой педагогики). Завоевали авторитет и международные научно-практические конференции «Копытинские чтения» и «Кулешовские чтения». Ежегодно результаты научно-исследовательской работы преподавателей проходят обсуждение на университетской научно-методической конференции преподавателей и сотрудников, а студенты апробируют свои научные изыскания на региональной научно-практической конференции «Молодая наука».

Филологическое отделение факультета стало центром литературного творчества Могилевской области. Среди преподавателей, причем не только факультета, но и университета, немало профессионалов – членов Союза писателей Беларуси (например, в прошлом В. И. Роговцов, Я. И. Климуць, в настоящее время – В. В. Ясев, Н. А. Михальчук). С 2018 г. проводится Открытый литературный конкурс «И кружится планета Кулешова», посвященный творчеству поэта, в котором ежегодно принимают участие представители талантливой молодежи из числа наших студентов и учащихся других учебных заведений. С 2022 г. университетом совместно с Могилевским областным отделением Союза писателей Беларуси проводится литературный конкурс «Слово критика».

Кафедры, обеспечивающие подготовку студентов по специальностям исторического и филологического профиля, выступают центральным и координирующим звеном научно-образовательной деятельности на факультетском и университетском уровнях.

Кафедра литературы и межкультурных коммуникаций является ответственной за подготовку специальностей первой ступени высшего образования «Русский язык и литература», «Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)», «Белорусский язык и литература», «Журналистика» и специалистов второй ступени высшего образования «Литературоведение».

В настоящее время кафедра литературы и межкультурных коммуникаций развивается в направлении изучения истории литературы и

литературной критики, журналистики, преподавания теоретико-литературного и методического циклов.

Кафедра активно сотрудничает с государственными средствами массовой информации. В 2014 г. на базе информационного агентства «Могилевские ведомости» был создан филиал кафедры с целью практикоориентированного обучения студентов специальности «Журналистика». Студенты получили возможность изучать работу редакции изнутри, общаться с опытными профессионалами. В 2021/2022 г. запущен проект «Блок-тайм информационной безопасности», в рамках которого студенты проводят информационные встречи со школьниками на базе пресс-центра «Могилевские ведомости». С 2014 г. на базе филиала практики прошли более 350 студентов.

Основным направлением научных исследований преподавателей кафедры является тема «Актуальные проблемы современного литературоведения и журналистики». В рамках данной темы ведется работа по подтемам: «Літаратурны працэс першай трэці ХХ – ХХІ ст. у сучасным асэнсаванні. Гісторыя беларускага літаратуразнаўства» (А. Н. Макаревич), «Беларуская драматургія на сучасным этапе развіцця» (Т. И. Борбат), «Национально-культурная идентичность в современной русскоязычной поэзии Беларуси» (О. А. Лавшук), «Традиции русской классики в литературе ХХ века» (М. С. Чернова), «Интертекстуальность в русскоязычной поэзии Беларуси второй половины ХХ – начала ХХІ в.» (Е. И. Сердюкова) и др. С 2015 г. преподаватели кафедры опубликовали результаты своих исследований в 180 статьях, выступили с 256 докладами на научно-практических конференциях.

Перспективными направлениями кафедры литературы и межкультурных коммуникаций являются открытие новых специальностей в рамках филологического профиля и формирование научной школы в сфере журналистики. Основа этому заложена научной и преподавательской деятельностью А. Н. Макаревича, Т. И. Борбат, О. А. Лавшук, С. Э. Сомова, М. С. Черновой, М. И. Чмаровой и Р. В. Дерюжина.

В области научно-исследовательской работы и учебно-методической работы кафедра активно сотрудничает с Национальной академией наук Беларуси, Белорусским государственным университетом, Могилевским государственным областным институтом развития образования и др.

Кафедра общего и славянского языкознания является ответственной за подготовку специальностей первой ступени высшего образования «Русский язык и литература», «Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)», «Белорусский язык и литература», специалистов второй ступени высшего образования «Языкознание». Также кафедра осуществляет подготовку аспирантов по специальности «Белорусский язык», выпускниками которой за последние несколько лет стали уже 5 соискателей, 2 аспиранта в настоящее время продолжают обучение.

В настоящее время кафедра общего и славянского языкознания развивается в области изучения текста в различных аспектах и в направлении научно-методического обеспечения преподавания лингвистических дисциплин.

В 2007 г. на базе университета создан Научно-образовательный центр русистики, с 2015 г. он работает под эгидой историко-филологического факультета (руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. А. Болтовская). Основными задачами центра являются обобщение научных и общеобразовательных знаний в области русского языкознания и литературоведения; использование результатов научно-исследовательской работы центра в учебном процессе; укрепление контактов университета с научными, образовательными и культурными центрами Российской Федерации.

Основные темы научных исследований преподавателей кафедры: «Функционирование русского и белорусского языков в условиях билингвизма» (Т. В. Мосейчук, Е. А. Болтовская, М. В. Ладутько), «Текст в историческом, функциональном, коммуникативном, прагматическом, когнитивном и методическом аспектах» (Д. А. Карпечкина, Н. А. Михальчук, О. Н. Шершнева), «Научно-методическое обеспечение дисциплин белорусского и русского языкознания» (Т. В. Мосейчук, И. Н. Ячменева). Проводится работа по изучению прямой и непрямой коммуникации в речи, семантического пространства текста, описанию языковой картины мира современных авторов Беларуси, невербальных средств коммуникации в художественном тексте, языковых средств выражения комического в драматургии, белорусской терминологии в сфере функционирования.

По результатам исследований подготовлен и издан ряд печатных работ научного, учебного, методического характера. С 2015 г. преподаватели кафедры отразили результа-

ты своих исследований в двух монографиях, опубликовали более 50 статей списка ВАК, выступили с более чем 300 докладами на научно-практических конференциях.

Перспективными направлениями работы кафедры общего и славянского языкознания являются многоаспектное исследование текста, а также разработка научно обоснованных подходов к преподаванию лингвистических дисциплин, совершенствование учебно-методической работы. Основа этому заложена научной и преподавательской деятельностью Т. В. Мосейчук, Н. А. Михальчук, Е. А. Болтовской и О. Н. Шершневой и др.

Кафедра истории и философии объединяет дисциплины философии, религиоведения и всеобщей истории. Кафедра является ответственной за подготовку специальностей первой ступени высшего образования «История и обществоведческие дисциплины», «История (религий)», кроме того, обеспечивает преподавание дисциплин социально-гуманитарного блока «Философия» для студентов всех специальностей.

Кафедра истории и философии сохраняет статус одного из успешных структурных подразделений университета. Высокое качество учебно-методической работы дополняется активной научно-исследовательской деятельностью. В частности, с 2009 г. при кафедре действует Могилевский религиоведческий центр (руководитель В. В. Старостенко). Он осуществляет научную, методическую и экспертную деятельность по вопросам свободы совести и деятельности религиозных организаций (О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко, В. В. Василенко и др.). Только за 2020–2022 гг. им издано 4 монографии, учебное пособие с грифом Министерства образования, 3 научных сборника, 10 методических пособий, 86 статей в журналах, сборниках, материалах конференций. Проведены 4 научно-практические конференции, подготовлено более 100 государственных религиоведческих экспертиз по поручению республиканского органа управления по делам религий.

Также на базе кафедры с 2016 г. действует научно-образовательный Центр первобытной археологии (руководитель А. В. Колосов). Целью данного объединения выступает привлечение к исследованиям в области археологии и первобытной истории Могилевского Поднепровья, проведение полевых археологических экспедиций, учет и изучение археологических памятников.

Основными направлениями научных исследований преподавателей кафедры являются «Содержание и методика философско-культурологического и религиоведческого образования» (В. В. Старостенко, О. В. Костенич, Ю. В. Аленькова, В. В. Василенко), «История цивилизаций: генезис, развитие и взаимодействие локальных цивилизаций» (Я. Г. Риер, Л. Я. Климуть, А. В. Колосов), «История восточных славян (Россия и Украина)» (А. С. Мельникова, Е. И. Головач, Д. С. Лавринович, Э. В. Старостенко, А. В. Бирюков). С 2015 г. кафедрой выполнялись 27 республиканских НИР – 21 задание ГПНИ, 2 гранта БРФФИ и 4 – Министерства образования. В 2015–2022 гг. сделано 764 доклада на научных мероприятиях, опубликованы 833 научные и учебно-методические работы, в том числе 10 монографий, 11 грифованных учебных изданий, 89 статей в журналах, рецензируемых ВАК и 3 – в изданиях Scopus и Web of Science, 183 материала конференций.

Значимым достижением кафедры является функционирование 2 научно-педагогических школ. Первая – «История политических партий и общественных движений России и Беларуси (конец XIX – начало XX в.)» (руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. С. Лавринович). Основной научной проблематикой данной школы является выявление специфики участия политических партий в общественно-политической жизни Беларуси (конец XIX – начало XX в.); определение роли общероссийских партий и их региональных союзников в трансформации политических процессов в белорусских губерниях, выявление подходов к вопросам реформирования страны; влияние деятельности политических партий и организаций на белорусское национальное движение и создание белорусской государственности. С начала 2000-х гг. научная школа дополнила отечественную науку 10 монографиями (Д. С. Лавринович, К. М. Бондаренко, Э. В. Старостенко, А. Д. Кузьмин, С. Н. Чайкин), 4 учебными пособиями с грифом Министерства образования Республики Беларусь и Учебно-методического объединения высших учебных заведений Республики Беларусь, опубликовано более 100 научных статей в изданиях по требованиям ВАК.

Второй научно-педагогической школой является «История цивилизаций» (руководитель – доктор исторических наук, профессор Я. Г. Риер). Основными научными результатами функционирования данной школы стали

выявление закономерностей формирования и развития локальных цивилизаций; определение истоков цивилизационных различий и разных темпов их развития; установление закономерности создания и развития локальных цивилизаций в контексте всемирного исторического процесса, а также белорусских земель в древности и Средневековье. С начала 2000-х гг. научная школа внесла вклад в мировую и отечественную науку посредством издания 5 монографий, 12 учебных пособий с грифом Министерства образования Республики Беларусь и Учебно-методического объединения высших учебных заведений Республики Беларусь (Я. Г. Риер, В. В. Борисенко), почти 60 научных статей в изданиях по требованиям ВАК и в научных сборниках.

Перспективные направления работы кафедры – развитие научных исследований и методической работы в области истории цивилизаций, археологической культуры мезолита, истории восточных славян, философской мысли, религии в современной Беларуси.

Кафедра археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин выступает центром изучения дисциплин археологии Беларуси, отечественной истории и методики преподавания исторических и обществоведческих дисциплин.

Кафедра является ответственной за подготовку специальностей первой ступени высшего образования «История и обществоведческие дисциплины», «История (археология)», осуществляет подготовку студентов второй ступени высшего образования (магистратуры) по специальностям «Отечественная история», «Археология».

Важной составляющей научно-преподавательской деятельности является подготовка аспирантов по специальности «Отечественная история», а с 2018 г. при кафедре была открыта аспирантура по специальности «Археология», что позволило проводить целенаправленную работу по подготовке специалистов по профилю кафедры. Всего за период с 2015 г. кафедра обеспечила подготовку 12 аспирантов, которые успешно сдали квалификационный экзамен и получили диплом исследователя. С 2020 г. на кафедре осуществляется подготовка докторантов по специальности «Отечественная история».

Основным направлением научных исследований преподавателей кафедры является тема «Материальная и духовная культура населения Беларуси с древнейших времен и до

середины XX века» (доценты В. В. Табунов, А. М. Авласович, Н. П. Шуткова, Е. П. Королева, М. И. Матюшевская). С 2015 г. выполнялись 2 задания Государственных программ научных исследований. С 2015 г. сотрудниками кафедры выполнено 143 доклада на научных мероприятиях, в том числе 57 – на международных конференциях. Опубликовано 34 научные и учебно-методические работы, в том числе 12 методических, 25 статей в рецензируемых изданиях ВАК, 131 – в сборниках материалов конференций.

С 1992 г. при кафедре действует Археологическая лаборатория имени В. Ф. Копытина, руководство которой осуществляет доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси, председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь И. А. Марзалюк. В настоящее время лаборатория является научно-образовательным объединением, сотрудники которого осуществляют полевые исследования на территории Могилевской области. Археологические раскопки проводятся на стоянках каменного и бронзового веков, курганных некрополях и поселениях эпохи Древней Руси, а также на городских и сельских поселениях позднего Средневековья и Нового времени.

Основным направлением в области изучения археологии является исследование средневековой истории Беларуси. В рамках этого направления сформировалась и успешно функционирует научная школа по материальной и духовной культуре населения Беларуси в эпоху Средневековья и Нового времени (руководитель – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси И. А. Марзалюк). Основными научными результатами функционирования научной школы стали так-

же изучение процессов возникновения и развития городских комплексов Могилевского Поднепровья и Посожья; выявление особенностей урбанистического развития исследуемых микрорегионов; определение хронологического диапазона начала урбанизационных процессов на данной территории; исследование форм исторического, религиозного и этнического самосознания; установление специфики материальной и духовной культуры населения нашей страны в X – первой половине XX в. С начала 2000-х гг. научная школа внесла вклад в мировую и отечественную науку посредством издания 5 монографий, 2 учебных пособий с грифом Министерства образования Республики Беларусь, почти 50 научных статей в рецензируемых изданиях и научных сборниках.

В настоящее время в университете формируется научная школа под руководством доктора исторических наук, профессора, ректора МГУ имени А. А. Кулешова Д. В. Дука. В результате его научных исследований был установлен факт определяющей роли Полоцка в генезисе государственности на территории Восточной Европы. Обоснована уникальность модели социально-экономического развития города, которая отличается от известных схем формирования крупнейших центров Руси XI–XII вв., в частности Киева и Новгорода.

Таким образом, историко-филологический факультет выступает основным структурным подразделением Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, обеспечивающим высокий уровень образовательной и научной деятельности. Сохраняя вековые традиции университета, факультет остается перспективным и динамичным в своем развитии, вносит значительный вклад в подготовку специалистов исторического и филологического профилей, отечественной и мировой науки.

**ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ:
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА***Ж. А. Барсукова*

кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета иностранных языков
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В 110-летней богатой и насыщенной истории Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова история факультета иностранных языков занимает четверть века. Двадцатипятилетний юбилей – хороший повод подвести итоги, вспомнить прошлое, оценить достижения, подумать о будущем.

Создание факультета иностранных языков стало насущной необходимостью в 90-е гг. прошлого столетия, так как именно в то время в Республике Беларусь, вставшей на путь независимости и самостоятельности, значительно возросла потребность в специалистах, владеющих иностранными языками, в связи с расширением экономических, культурных, научных связей с зарубежными странами. Минский государственный лингвистический университет являлся на тот момент единственным учреждением высшего образования, который обеспечивал республику кадрами, владеющими иностранными языками. Однако регионы испытывали острый дефицит в учителях английского, немецкого, французского языков. В свою очередь, руководство Могилевского педагогического института, а позднее МГУ имени А. А. Кулешова неоднократно выходило в Министерство образования Республики Беларусь с предложением о создании факультета иностранных языков.

Подготовка специалистов в области иностранных языков была начата в университете еще в 1995–1996 учебном году по причине нехватки педагогических кадров такого профиля. Первый набор студентов осуществлялся на филологическом факультете по специальностям «Английский язык. Белорусский язык и литература» и «Немецкий язык. Белорусский язык и литература». В 1996–1997 учебном году началась подготовка студентов по специальностям «Английский язык. Информатика» и «Немецкий язык. Информатика» на физико-математическом факультете.

Базой для создания факультета стала кафедра иностранных языков под руководством кандидата филологических наук, доцента Л. Р. Вайнера. В период с 1973 по 1990 г. Леониду Рома-

новичу удалось объединить на кафедре высококлассных специалистов в области германистики и романистики: С. А. Носкова, В. В. Мартынюка, В. С. Руус, Г. В. Зенчик, Н. И. Краско, Н. И. Фартух, И. В. Фадееву, В. А. Стрельцкого, И. В. Хованского и многих других. Знания и опыт данных преподавателей послужили основой для становления и развития кафедр в составе будущего факультета иностранных языков.

В качестве отдельного структурного подразделения университета факультет иностранных языков был создан 1 декабря 1998 г. Деканом факультета был назначен кандидат политических наук доцент В. В. Ясев, заместителем декана по учебной работе стала Н. А. Иорина, а заместителем декана по воспитательной работе – С. В. Стуканова.

На протяжении всего существования факультета деканатом во главе с деканами (Д. С. Лавринович (2008–2014), В. В. Старостенко (2014–2015), Ж. А. Барсукова (2015 – по настоящее время)) создавались все условия для его развития, становления профессионального «Я» будущих специалистов, повышения профессионального мастерства преподавателей.

В 1998 г., с открытием факультета иностранных языков, в университете началось обучение студентов по специальностям «Немецкий язык. Белорусский язык», «Французский язык. Белорусский язык», затем по специальностям «Немецкий язык. Английский язык», «Французский язык. Английский язык». В 2010 г. на факультете была открыта новая специальность первой ступени получения высшего образования – «Романо-германская филология» с присвоением более привлекательной квалификации «Филолог. Преподаватель английского и немецкого (французского) языков, английской литературы. Переводчик», немного позже специальность магистратуры – «Теория языка (Теоретическая и прикладная лингвистика)». С 2020 г. началось обучение иностранных студентов по специальности магистратуры «Теоретическая и прикладная лингвистика» на английском языке.

Особую роль в образовании и становлении факультета сыграла Т. Н. Андреева, заведующий

кафедрой английской филологии (1998–2000), с 2000 по 2004 – кафедрой теории и практики английского языка. Именно она занималась организацией составления первых учебных программ, разработкой лекционных курсов новых теоретических дисциплин, являлась инициатором многих начинаний на кафедре, ставших потом традицией кафедр факультета – Дней английского языка, Олимпиад по английскому языку, встреч с носителями языка и др.

Преподавание дисциплин в области немецкого и французского языков осуществляла кафедра немецкой филологии, преобразованная позже в кафедру германо-романской филологии. Вплоть до 2011 г. кафедру возглавлял кандидат филологических наук, доцент С. А. Носков, который также внес неоценимый вклад в развитие кафедры и факультета. К работе на кафедру были привлечены преподаватели, имеющие большой практический педагогический опыт: Н. А. Иорина, Т. Н. Чернова, С. Э. Богданович, И. Ю. Филимонова, Н. И. Соколовская, Е. Н. Грушецкая, В. А. Воронина и др.

За время существования факультета неоднократно реорганизовывались кафедры и изменялись их названия.

В 2000 г. начали работу три новых кафедры: кафедра теории и практики английского языка (заведующий Т. Н. Андреева), кафедра фонетики и практики английского языка (Р. Д. Астрашевская) и кафедра английского языка (Т. Н. Тадеуш). В 2002 году на факультете появились кафедра немецкого языка (заведующий С. А. Носков, с 2011 г. – Е. Н. Грушецкая) и кафедра германо-романской филологии (Н. К. Романова). Кафедру английского, общего и славянского языкознания (АОСЯ) с начала ее создания возглавлял Е. Е. Иванов. С 2006 по 2008 г. заведующим кафедрой иностранных языков был А. И. Акулович, затем его сменила Т.М.Н. Тадеуш, а в 2013 г. заведующим кафедрой была назначена Е. В. Рубанова.

Преподаватели факультета плодотворно работали над межкафедральной темой «Лингводидактические принципы разработки учебных пособий по иностранным языкам» и межвузовской программой «Формирование эффективной функционирующей системы образования иностранных языков в Республике Беларусь». По результатам исследований были изданы многочисленные учебные пособия и научно-методические разработки по различным аспектам языка. Учебные пособия кандидата филологических наук доцента С. А. Но-

скова – «Самоучитель немецкого языка» (19 изданий); «Немецкий язык» (3 издания) пользуются спросом не только в Республике Беларусь, но и далеко за ее пределами.

С сентября 2015 г. на факультете начали работу 2 новых кафедры – кафедра английской филологии и культуры (заведующий Н. М. Савченко) и кафедра теоретической и прикладной лингвистики (заведующий Е. Е. Иванов).

В настоящее время на факультете функционируют две кафедры:

- кафедра романо-германской филологии, которая является выпускающей по специальностям первой ступени получения высшего образования – «Романо-германская филология», «Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)» (заведующий – А. К. Шевцова);
- кафедра теоретической и прикладной лингвистики, которая является выпускающей для специальностей второй ступени получения высшего образования – «Теоретическая и прикладная лингвистика» и «Языкознание (романо-германская филология)» (заведующий – Е. Е. Иванов).

На кафедрах факультета работает около 40 преподавателей, из них 9 имеют высшую научную квалификацию (доктор филологических наук Е. Е. Иванов, кандидаты филологических наук Е. Н. Василенко, Е. Н. Грушецкая, А. В. Динькевич, А. В. Довгаль, С. Ф. Доминикова, Ю. А. Петрушевская, Е. В. Рубанова, А. К. Шевцова). За последние 5 лет завершили работу над диссертациями и успешно защитили их Я. А. Риер, А. В. Динькевич, Ю. А. Петрушевская. В 2021 г. заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Е. Е. Иванов защитил докторскую диссертацию «Беларускі фальклорны і літаратурны афарызм як лінгвістычны феномен: семантика, структура, функцыянаванне».

Ежегодно в рамках программы «Приглашенный профессор» в образовательном процессе участвуют отечественные и иностранные специалисты. Так, знаниями в области английской филологии с 2017 по 2021 г. с будущими специалистами делились выпускницы программы Фулбрайт, в области лингвокультурологии неоднократно – референт директора международного института г. Циттау Энс Оливер Теттенборн и научный сотрудник кафедры иностранного языка университета г. Пардубице Я. Чапек и др.

Практическая подготовка студентов осуществляется в том числе и на базе филиала кафедры романо-германской филологии в ГУО

«Средняя школа № 28 г. Могилева (руководитель С.А. Пушкарёва).

Весомую помощь в усилении профессиональной подготовки студентов оказывают образовательные центры, функционирующие на факультете. Центрами были установлены связи с Посольством Франции в Республике Беларусь, Посольством Германии в Республике Беларусь, Британским посольством и Посольством США, с Центрами, организациями и факультетами университетов Германии, Франции, англоговорящих стран.

Так, в феврале 2009 г. на факультете был торжественно открыт Центр информационных ресурсов французского языка и культуры (руководитель – И. Ю. Филимонова), в сентябре 2010 г. – Образовательный Центр немецкого языка и культуры (Н. А. Протасова), в апреле 2015 г. – Информационно-образовательный центр английского языка (А. К. Шевцова, Е. В. Красовская). За годы существования центров студенты принимали участие в различных образовательных мероприятиях и проектах, например, Международный конкурс студенческих проектных работ на иностранных языках в Международном университете «МИТСО» (г. Минск), проекты фонда имени Роберта Боша, Дни Франкофонии в Минском государственном лингвистическом университете, Международный конкурс ораторского мастерства (Public Speaking Competition) и др. Интерес у студентов вызвал проект Образовательного Центра немецкого языка и культуры «Раннее обучение немецкому языку». В рамках сотрудничества Центра информационных ресурсов французского языка и культуры университета и Федерации Французской народной помощи (Па-де-Кале, Франция) делегация факультета во главе с доцентом И. Ю. Филимоновой приняла участие в Национальных Конгрессах Французской народной помощи (2017, 2019).

Многие мероприятия центров стали визитной карточкой факультета, например, Рождественский благотворительный салон дегустации, организуемый Центром информационных ресурсов французского языка и культуры. Хотелось бы, чтобы такой статус получил и новый проект этого центра – открытая в 2022 г. с целью профориентации будущих абитуриентов «Школа юного переводчика».

В учебном процессе активно используются учебно-методические комплексы, электронные учебно-методические комплексы и другие разработки, созданные преподавателями кафедр.

С 2019 по 2022 г. М. В. Заблочкая, Я. А. Ригер, Е. Н. Бэтова, С. Ф. Доминикова, И. Б. Бирюк и Н. В. Тарасова становились победителями университетского конкурса учебно-методических разработок. Активно идет работа над созданием учебных пособий. В период с 2018 по 2022 г. было издано около 30 учебных изданий, рекомендованных учебно-методическим объединением по гуманитарному образованию в качестве учебно-методического пособия для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальности 1-21 05 06 Романо-германская филология (Е. Н. Василенко, Л. В. Глуханько, П. А. Губич, Е. Е. Иванов, В. В. Рингевич и др.), и 5 учебных изданий, допущенных Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности «Романо-германская филология» (Е. Н. Василенко, И. Б. Бирюк, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов, Н. В. Тарасова, А. Н. Шестернева).

Отдельного внимания заслуживают успехи наших преподавателей в научно-исследовательской работе, которая осуществляется не только в рамках кафедральных научных направлений. Преподаватели факультета принимают активное участие в заявочных кампаниях, а также выступают в качестве руководителей и исполнителей научных тем государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», проектов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грантов Министерства образования Республики Беларусь. К научным исследованиям привлекаются аспиранты, магистранты и студенты.

В 2020 г. завершена работа над исследованиями в рамках подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»: «Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)» (руководитель: доцент Е. Е. Иванов).

В рамках проектов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований под руководством доцента Е. Е. Иванова разрабатывался проект «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты) (2018–2020); под руководством доцен-

та А. К. Шевцовой – «Коммуникативный и лингвопрагматический профиль участников детского теледискурса в сопоставительном аспекте (2018–2020); под руководством доцента Е. Н. Василенко – «Коммуникативно-прагматический аспект функционирования «языка вражды» в интернет-дискурсе Беларуси» (2019–2021). Под руководством доцента Е. Н. Василенко проводились исследования также в рамках грантов Министерства образования Республики Беларусь «Языковая игра как средство самопрезентации в интернет-дискурсе (на материале английского, русского и белорусского языков)» (2019), «Гендерно-обусловленный язык вражды в онлайн-коммуникации» (2022).

В настоящее время усилия ученых факультета сосредоточены на выполнении исследований по темам: «Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)» (Е. Е. Иванов), «Напрамкі і перспектывы развіцця беларускамоўнага медыйнага дыскурсу ў сацыякагнітыўным асятленні» (А. К. Шевцова). Старший преподаватель М. В. Заблочкия выполняла и продолжает выполнять исследование в составе исполнителей научных тем подпрограммы «История и культура».

Результаты научных исследований преподавателей кафедр факультета нашли отражение в 7 монографиях (Е. Н. Василенко – 2, Е. Е. Иванов – 3, Ю. А. Петрушевская – 1, Я. А. Риер – 1); более чем 120 статьях в периодических изданиях, включенных ВАК РБ в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований и в статьях в зарубежных периодических изданиях, признаваемых ВАК РБ научными изданиями для опубликования результатов диссертационных исследований, и в 12 статьях в изданиях, зарегистрированных в базах Scopus и Web of Science.

На факультете сложилась и успешно функционирует одна из научно-педагогических школ университета – «Беларуская мова і яе сувязі з іншымі мовамі свету» (руководитель – доктор филологических наук, доцент Е. Е. Иванов), исследования которой сосредоточены на следующих вопросах: язык белорусской художественной литературы; фразеология, паремология, афористика белорусского языка и их связи с другими языками мира; вопросы теоретической и прикладной лингвистики в контексте актуальных проблем белорусского языкознания. Одним из направлений результатов работы ученого и его последователей являются

создание различных словарей по проблематике. Например, впервые создан белорусско-иноязычный полилингвальный словарь универсальных и интернациональных пословиц белорусского языка (на фоне основных европейских и ряда неевропейских языков), в котором отражены более 950 белорусских пословиц и около 8600 их иноязычных аналогов.

Научные достижения наших преподавателей не остались без внимания научной общественности республики, области и университета. Заведующий кафедрой А. К. Шевцова, доцент Я. А. Риер, аспирант В. В. Рингевич становились стипендиатами Президента Республики Беларусь. Доцент И. Ю. Филимонова награждена нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі», доценты Е. Н. Василенко и Я. А. Риер стали лауреатами специальной премии Могилевского областного исполнительного комитета в социальной сфере в номинации «Образование». Победителями на соискание премии МГУ имени А. А. Кулешова «Лучший молодой ученый» в номинации «Кандидат наук» являются А. К. Шевцова (2017) и Я. А. Риер (2019), в номинации «Исследователь» (2018) – Ю. А. Петрушевская.

Все студенты факультета также вовлечены в те или иные формы научной работы. Студенческие научные работы ежегодно получают дипломы Республиканского конкурса научных работ студентов высших учебных учреждений Республики Беларусь.

В апреле 2018 г. было организовано Научно-исследовательское объединение студентов факультета иностранных языков (НИОСФИЯ) в целях привлечения студенческой молодежи к активному участию в научно-исследовательской работе, способствующей улучшению качества их профессиональной подготовки. Возглавляет объединение руководитель Учебно-научной лаборатории языкознания и лингводидактики доцент Е. Н. Василенко.

В 2022 г. на факультете создан Совет молодых ученых, который возглавляет доцент Ю. А. Петрушевская, с целью объединения молодых ученых, содействия их профессиональному росту, развитию молодежных научных инициатив, распространению и внедрению результатов их исследований.

Факультет является организатором четырех научных мероприятий международного уровня – Международной научно-практической Интернет-конференции «На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования», Международного научно-прак-

тического онлайн-семинара (вебинара) «Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО», Международной научной конференции «Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте».

За свою историю факультет иностранных языков выпустил более двух тысяч выпускников. На факультете иностранных языков обучаются иностранные студенты из Туркменистана, Узбекистана, Китая, Тайваня.

В рамках программы международного обмена «ERASMUS+» студенты факультета проходили обучение в университете г. Пардубица (Чехия), Вальядоввила (Испания), в Аньшаньском педагогическом университете, Тайбэйском языковом институте (Китай), в Поморской Академии г. Слупска (Польша) и др.

Обучающимся предоставляется возможность практиковать полученные знания и умения на учебных занятиях в процессе участия в качестве волонтеров-переводчиков в мероприятиях разного уровня, например, во время проведения II Европейских игр, в мероприятиях в рамках V Форума регионов Беларуси и России, который проходил в г. Могилеве, на Международном фестивале духовной музыки «Магутны божа», на бизнес-форуме «Один пояс – один путь: Могилевская область и провинция Цзянсу вместе в будущее», на Международных инвестиционных форумах «Мельница успеха и др.

На факультете функционирует Совет студенческого самоуправления, основная цель которого – содействие развитию студенческих инициатив. В ежегодном смотре-конкурсе на лучшую организацию работы Советов студенческого самоуправления факультетов, начиная с 2015/2016 учебного года до настоящего времени факультет удерживает лидирующую позицию. Традиционно первое место у нашего факультета и в смотре-конкурсе на лучший сектор информирования факультета в номинации «Студенческий журнал». Председатель Совета студенческого самоуправления Анастасия Силина награждена специальной премией Могилевского облисполкома в социальной сфере (2021).

На факультете созданы все условия для формирования гражданина-патриота, а также реализации творческих начинаний студентов.

Студенты факультета представляют университет и факультет на различных республиканских, областных и международных мероприятиях: торжественная церемония,

посвященная дню Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь, Республиканский бал выпускников высших учебных заведений; Всебелорусская молодежная стройка (реконструкция мемориального комплекса «Хатынь»); исторический проект «Поезд Победы», областной Республиканский конкурс работ творческой молодежи «Золотое перо “Белой Руси”», молодежный патриотический проект «Дорогами памяти и славы, Интеллектуальный международный баттл молодых экспертов по приграничью, посвященный истории родного края в годы Великой Отечественной войны «Нам дороги эти позабыть нельзя...» (г. Смоленск); Всероссийский (с международным участием) конкурс перевода советских песен о Великой Отечественной войне «Хотят ли русские войны?» (г. Петрозаводск) и др.

Неоднократно студенты факультета становились победителями республиканского конкурса «Арт-вокация», университетского конкурса профессионального мастерства «Лучший будущий учитель», университетского конкурса «Звездный путь».

Пандемия внесла свои коррективы в привычный ритм нашей жизни и вынудила жить в новых реалиях. Однако много интересных знаний и идей и студенты, и преподаватели черпают в рамках онлайн-встреч и семинаров участников проекта UniLab «От университета к рынку труда в XXI веке: шаг к обучению в реальных условиях производства» с представителями вузов-партнеров. Факультет сотрудничает с коллегами из МГУ имени М. В. Ломоносова, ГАОУ «Московский городской педагогический университет», ГУВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына.

В процессе становления факультет иностранных языков не раз проходил через «тернии» реорганизации. Факультет имеет надежный фундамент – опыт, заложенный предыдущим поколением. На факультете работают профессионалы своего дела, которые на высоком научно-методическом уровне обучают студентов тонкостям лингвистики и педагогической науки. Рядом со старшим поколением уже трудятся их ученики, выпускники нашего факультета. Выпускники факультета достаточно востребованы. Факультет гордится своими выпускниками, преданными в первую очередь делу образования подрастающего поколения. Значит, у факультета есть будущее!

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(476.5-21Полоцк)''1772/1793'':711.4:721

НА ДВУХ БЕРЕГАХ И В ДВУХ ИМПЕРИЯХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛОЦКА В 1772–1793 гг.

Д. В. Дук

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

Рассматривается трансформация городского пространства Полоцка во время вхождения в состав Российской империи после первого раздела Речи Посполитой. Приводится сравнение двух моделей развития облика древнейшего белорусского города: в составе Речи Посполитой и сразу после вхождения его в состав Российской империи. Раскрывается имперский по содержанию характер преобразований Полоцка в составе Речи Посполитой. Приводится оценочная характеристика трансформации городского пространства Полоцка в очередной переломный момент отечественной истории последней трети XVIII в.

Ключевые слова: Полоцк, Российская империя, Речь Посполитая, административный статус города, городское пространство, архитектура и планировка, польское влияние, топонимика, ономастика.

Введение

Полоцк в промежуток времени с 1772 по 1793 г. оказался разделен на две части: после первого раздела Речи Посполитой правобережная часть входила в состав Российской империи, левобережная часть оставалась в составе Речи Посполитой. Полоцк в 1772 г. стал центром провинции в составе Псковской губернии, с 1776 г. – губернским городом, с 1778 по 1796 г. является центром наместничества [1, с. 77]. Последними важными обстоятельствами было predeterminedено возвышение административного статуса города.

Дефиниции, вынесенные в заголовки данной статьи, провокационны и не случайны. Российское государство в конце XVIII в. и по существу, и по названию являлось империей. Применительно к Речи Посполитой образца второй половины XVIII в. также вполне лицемерно имперское начало, только не по форме, а по содержанию. Вслед за польским историком и публицистом Анджеем Новаком элементы польского имперского доминирования мы на-

ходим в экспансии польского языка и его монопольном использовании социальными элитами в быту, официальном делопроизводстве и образовании. Польская культура и польский язык по отношению к белорусам и другим народам Речи Посполитой сыграли роль, которую можно назвать «имперской» [2, с. 26]. Помимо этого, отметим безусловный диктат в распространении на белорусских землях католицизма в ущерб деятельности иных конфессий, в первую очередь традиционной православной. Все сказанное выше однозначно применимо к Полоцку в реалиях XVIII в.

Основная часть

Реакция социальных элит Великого Княжества Литовского на усиление польского имперского доминирования начала проявляться задолго до рассматриваемых событий. В Полоцке эта реакция ярко проявилась в духовном выборе полочанина Самуила Петровского-Ситниановича, будущего просветителя Симеона Полоцкого, когда он, являясь монахом единственного в Полоцке православного Богоявленского монастыря и дидаскалом братской школы, связал свою судьбу с ментально близким ему византийским наследием Московского царства. Но этот факт даже в условиях середины XVII в. являлся скорее исключением, чем правилом. Большая часть униатского духовенства, городское управление и социальные верхи Полоцка в XVIII в. уже были фактически ополячены. Антропоним в традиционном обществе является устойчивым маркером, в том числе и этнической самоидентификации населения. Историческая ономастика представляет широкий срез распространения фамилий на польский манер среди полоцкого мещанства середины XVIII в. Так, в ревизии Полоцка 1765 г. названы полоцкие мещане Войцеховские, Злѳты, Пшчолки, Пшеседские и др. [3, с. 66–95]. При этом отметим, что основную часть мещанского населения состав-

ляли евреи, белорусов среди полоцких мещан было заметно меньше, но именно данная категория населения, в силу объективных причин, оказалась наиболее уязвима.

Польский след заметен и в городской топонимике Полоцка. В частности, название крупного городского предместья, по-белорусски именуемое «Прасмушкі», к середине XVIII в. прочно закрепилось в актовых документах под названием «Пшесмушки» [3, с. 52–95].

Активное насаждение католицизма наложило отпечаток на формирование городского пространства Полоцка задолго до рассматриваемых событий. Так, уже после Ливонской войны королем польским и великим князем литовским Стефаном Баторием все полоцкие храмы и монастыри были переданы католической церкви. В Полоцке в конце XVI в. основан крупнейший в Речи Посполитой иезуитский коллегиум, который со второй половины XVII в. фактически преобразует городское пространство Полоцка. Экономические ресурсы крупнейших полоцких монастырей задействованы на обеспечение потребностей католических церковных учреждений. Все это неизменно приводило к определенным тенденциям в развитии монументальной архитектуры Полоцка и, как следствие, к изменению внешнего облика города на западно- и центрально-европейский манер. Однако данное изменение, в отличие, например, от магдебургского Гродно, в конце XVIII в. носило черты дуализма: помпезная и яркая застройка полоцкого коллегиума и костелов центральной площади города в барочно-классицистическом стиле контрастировала с преимущественно деревянными строениями посадских территорий.

Наглядным подтверждением данного тезиса являются исторические свидетельства. В 1780 г. Екатерина II совершила путешествие с целью личного ознакомления с территориями, отошедшими к Российской империи после первого раздела Речи Посполитой. Полоцкая общественность к данному событию готовилась особенно трепетно и на встречу с императрицей 19 мая 1780 г. были привлечены все основные категории населения. В этой разношерстной картине городского люда приоритеты в распределении материальных ресурсов наглядно иллюстрируют впечатления императрицы: «При въезде я видела зрелище совершенно для меня новое: иезуиты, доминиканцы и жиды, стоящие фронтом; последние весьма неопрятны, первые представляли собою величественный маскарад» [4, с. 59]. Позитивные

впечатления ее императорского величества были засвидетельствованы и от внешнего вида зданий – костелов и коллегиума.

Таким образом, прослеживалось два вектора развития материальной культуры: с одной стороны, иезуитский коллегиум и комплекс католических монастырей базилиан, бернардинцев, доминиканцев, францисканцев, с другой – городские территории под юрисдикцией полоцкого магистрата. С точки зрения внешнего вида строений и их обитателей преимущество было на стороне первых. Так, иезуитский коллегиум представлял собой образец передовой архитектурной, строительной и инженерной мысли Европы, имел в распоряжении интеллектуальную элиту в лице своих преподавателей и студентов, располагал значительными материальными ресурсами для развития. Поэтому очень важно изучать историю и материальную культуру полоцкого иезуитского коллегиума как яркого феномена в развитии Полоцка XVII–XVIII вв. Наличие в Полоцке богатого комплекса коллегиума позволяет рассмотреть его как самостоятельный объект, со своим укладом и развитой инфраструктурой, фактически как город в городе. Впоследствии эта автономность привела к необходимости аккумуляции ресурсной базы всего иезуитского ордена в Полоцке, чем и была продиктована необходимость преобразования полоцкого коллегиума в академию с правами университета (1812–1820 гг.).

В плане развития градостроительной структуры Полоцк, как и многие другие города Беларуси XVIII в., имел черты, сближающие его с магдебургскими городами Центральной Европы в монументальной архитектуре, определяющей облик города. Однако в конце XVIII – начале XIX в. происходят значительные в градостроительном отношении изменения, которые совпали с началом грандиозных работ по переустройству городов Российской империи, при этом сохранялась белорусская специфика [5, с. 11]. Применительно к Полоцку это выразилось в переустройстве центральной торговой площади города и его административной доминанты – ратуши. Главная площадь города располагалась перед монументальными зданиями иезуитской академии и костела святого Стефана.

В Полоцке с 1778 по 1796 г. губернским архитектором работает Иоганн Зигфриден. Постройки, возводимые зодчим в рамках государственной программы переустройства городов Российской империи, следует отнести

к барочно-классическому направлению. Комплексы зданий губернатора и дом вице-губернатора, построенные в 1784 г., располагались на противоположных сторонах друг против друга, что отражено на схеме плана главной площади [5, с. 12–13].

В отношении дома генерал-губернатора заметим следующее. Как видно из свидетельств самой Екатерины II, данный «каменный, пышно отделанный дворец» был отстроен близко к ее приезду. В частности, сырая штукатурка и запах сырости не позволили императрице переночевать в нем, и для ночлега она выбрала деревянный дом, где проживал губернатор Иван Михайлович Ребиндер [4, с. 58].

Вполне очевидно, что императрица расположилась в одном из богатых деревянных жилых домов на улице Нижне-Покровской. В то время эта улица носила название Великой и являлась традиционным местом проживания городского нобилитета. В рассматриваемый период на данной улице преобладала деревянная застройка, правда, к концу XVIII в. здесь уже было возведено несколько кирпичных построек, так называемых «камениц», но тем не менее основная часть домов по-прежнему оставались деревянными. Всего в 1780 г. в Полоцке было 360 деревянных жилых домов и ни одного каменного [6, с. 148]. В середине 1780-х гг. в Полоцке уже насчитывалось 750 домов, в том числе 16 больших кирпичных зданий [1, с. 77–78]. А на рубеже XVIII–XIX вв. количество кирпичных мещанских домов возросло до 19 [7, с. 1238].

Как могло получиться так, что к приезду императрицы в Полоцк следов ратуши не сохранилось, а для проживания монаршей особы было предусмотрено здание, строительство которого едва успели завершить?

Здание ратуши является символом белорусского магдебургского города. Упоминания полоцкой ратуши окончательно теряются к последней четверти XVIII в., и до недавнего времени точная локализация полоцкой ратуши на исторической карте Полоцка была весьма проблематичной.

Согласно данным письменных источников XVII – первой половины XVIII в. полоцкую ратушу удалось уверенно локализовать в южной части современной площади Свободы, а конкретно – на месте того самого дома генерал-губернатора. Этот дом был возведен к приезду Екатерины II, во второй половине XX в. разрушен и вновь отстроен в 1990-е гг. По данным археологического надзора П. А. Русова, дом

был построен на месте предшествующих ему трех отдельных кирпичных построек¹. И именно здесь, по данным письменных источников, располагалась полоцкая ратуша. Ее изображение сохранилось на иконе Святого Николая из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника [8, с. 85].

Таким образом, к 1780 г. административное здание ратуши было перестроено под потребности нового времени [8, с. 85]. Возможно, к тому времени здание ратуши было близко к разрушению либо по каким-либо причинам уже было разрушено.

Строительство нового административного здания дома генерал-губернатора, очевидно, было ускорено визитом Екатерины II. Однако в нем императрица принимала участие исключительно в официальных мероприятиях. Провести досуг императрица предпочла в жилом доме Ребиндера, где ею были сделаны следующие любопытные заметки: «Я приехала сюда в 6.30 часов вечера, во вторник, в совершенном здравии... Между окнами моими и Польшею только одна Двина, которая здесь не очень широка» [4, с. 59]. Наблюдение о «неширокой Двине» можно понимать метафорически, поскольку Екатерина II не придавала значения преграде между границами двух государств, а до второго раздела Речи Посполитой оставалось менее тринадцати лет.

Среди сведений о Полоцке, собранных ее императорским величеством, были следующие наблюдения: «Город Полоцк, до присоединения его к империи Всероссийской, имел одно токмо именование города, и кроме евреев, мелкий торг производящих, в нем не было почти других мещан. В краткое время торг его внутренними продуктами к Рижскому порту возрастать стал и достиг до того, что одни жители сего города отправляют хлеба, пеньки, льна, леса и поташа па двадцать пять тысяч рублей; а и прочие города сей губернии производят таковой же торг до трехсот тысяч рублей» [4 с. 67].

Безусловно, изменение административного статуса города имело глубоко позитивные для социально-экономического развития города последствия. Вопрос заключается в том, насколько полно можно доверять сообщению о том, что Полоцк в последней четверти XVIII в. только номинально имел статус города. В решении

¹ Отчет о проведении археологического надзора хранится в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

данной проблемы нам безусловно могут поспособствовать сведения ревизий Полоцка, а также в определенной степени археологические данные. Так, согласно последним, площадь Полоцка в XVIII в. была стабильной и достигала 112 га [1, с. 77]. Это значительно меньше, чем в период XI–XII веков. Данные по количеству жителей Полоцка дает нам ревизия 1765 г. Согласно данной ревизии¹ ремеслом в Полоцке на профессиональной основе занимались кожевники (16), сапожники (12), портные (9), кузнецы (8), мясники (7), цирюльники (3), плотники (2), ткачи (2), пивовары (2), почтовые работники (2), кучеры (2), слесари (2). Также по одному представителю названы такие ремесленники, как оружейник, скорняк, переплётчик, храмовый работник и, возможно, ювелир [3, с. 91]. Количество населения Полоцка по данным ревизии могло варьироваться около цифры в 5000 человек [3, с. 100].

Данные ревизии 1765 г. показывают, что уровень социально-экономического развития Полоцка к моменту вхождения правобережной части города в состав Российской империи действительно был относительно невысоким. Традиционные и наиболее развитые полоцкие ремесла, такие как ювелирное дело, составляющее ранее одну из основ богатства города, в ревизии практически не упомянуты. Левобережная часть Полоцка со второй половины XVII в. представляла собой в основном сельскохозяйственные предместья, и по количеству мещан на данной территории сведения в письменных источниках отсутствуют. В то же время надо понимать, что монументальный комплекс иезуитского коллегиума в конце XVIII в. имел собственное стекольное и керамическое производства, располагал передовыми строительными механизмами и технологиями европейского уровня, позволяющими внедрять в архитектуру, системах жизнеобеспечения и обустройстве прилегающей территории различные новации [9, с. 58–59, 92–93]. Его развитие, по определению полоцкого археолога А. А. Соловьева, шло автономно от остального города [9, с. 93].

Этот дуализм восприятия города сквозь призму незашоренного взгляда во всей полноте был продемонстрирован во впечатлениях Екатерины II от пребывания в Полоцке: «Город был великолепно иллюминирован. Рынок, улицы, храмы, дома — все горело разноцвет-

ными огнями. Особенно роскошно иллюминирован был иезуитский костел и кляштор; перед костелом возвышались четыре громадные пирамиды, высотой равные самому костелу; на одной из этих пирамид находилась надпись из разноцветных огней: *Victoriis clara, Beneficiis illustrior* (славная победами и еще более знаменитая благодеяниями); на другой пирамиде — *Terror hostium, Amicorum columen, Amor subditorum* (страх для врагов, оплот друзей, любовь подданных); пятая пирамида, равная по величине первым, стояла со стороны, обращенной к дворцу, занимаемому императрицей. На башнях иезуитского костела играла музыка» [4, с. 61].

Изящно иллюминирован был и базилианский монастырь, а также имелась «представленная от еврейского кагала на Двине иллюминация» [4, с. 61].

Что касается иезуитов, то Екатерина II «была поражена великолепием их представительности» [4, с. 62].

Восторженные эпитеты от вида иезуитов, их коллегиума и католических костелов, вероятно, резко контрастировали с традиционным городским жилым ландшафтом. Впрочем, традиционный вид деревянной застройки Полоцка ускользал от взгляда императрицы по понятным причинам: процессии, выстроенные горожанами вдоль маршрута следования монаршей особы, а также богатые украшения вдоль всего пути по городским улицам, не давали возможности оценить панораму всего Полоцка.

Заключение

Таким образом, изменение административного статуса города как центра наместничества привело к позитивным изменениям в характере городской застройки: центральная площадь была обустроена по единому проекту, увеличилось количество кирпичных жилых зданий и площадь городской застройки, соответственно, выросло количество жителей. Данные тенденции были бы более динамичны и успешны при сохранении административного статуса города как центра губернии, чего в силу определенных причин не произошло. Следующее наделение Полоцка административным статусом областного центра было осуществлено более столетия спустя, в 1944–1954 гг., и также могло иметь далеко идущие последствия — как позитивные, так и негативные. Например, архитектурно-градостроительный проект Генерального плана реконструкции и восстановления Полоцка

¹ Оригинальное название — «Ревизия пляцев в месте Полоцке около года 1765, скопированная в году 1802, месяца марта» [3, с. 5].

1948 г. предполагал радикальное изменение исторического городского ландшафта и архитектурного пространства в угоду социалистическим представлениям эпохи [10, с. 68–69, 86]. Данный проект 1948 г. не был реализован, и в этом кроется главное отличие от ситуации конца XVIII в.: архитектурно-планировочное переустройство Полоцка Иоганна Зигфридена было реализовано и учитывало своеобразие исторической застройки. В началах преобразования губернского Полоцка «знаменитая благодеяниями» императрица смогла убедить-ся воочию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полоцк: Ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 320 с.
2. Была ли Польша империей? Беседа Анджее Новака с Романом Шпорлюком // *Ab Imperio*. – 2007. – № 1. – С. 23–42.
3. **Дук, Д. В.** Виталитивная культура населения Полоцка (по данным актовых книг магистрата 1656–1657, 1676, 1727 гг. и ревизии 1765 г.) : монография / Д. В. Дук. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 120 с. : ил.
4. Полоцко-Витебская старина. Издание Витебской ученой комиссии. Выпуск III. – Витебск : Типо-Лит. насл. М. Б. Неймана, 1916. – 329 с.
5. **Платонова, Р. М.** Планировка и застройка главной площади Полоцка в конце XVIII – начале XIX века / Р. М. Платонова, М. А. Платонова // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные науки*. – 2012. – № 8. – С. 11–17.
6. **Шайкоў, В.** Аб некаторых сацыяльна-дэмаграфічных аспектах гісторыі Полацка XVI – першай чвэрці XIX ст. у святле айчынай гістарыяграфіі / В. Шайкоў // *Полацк: карані нашага радаводу / Полацк. дзярж. ун-т ; рэд. А. Мальдзіс і інш.* – Полацк, 1996. – С. 144–150.
7. Географический словарь Российского государства. Ч. 4. Отд. 1. – М. : Университетская типография у Любия, Гария и Попова, 1805. – 1366 с.
8. **Дук, Д. У.** Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.
9. **Соловьёв, А. А.** Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с. : ил., XII с. цв. ил.
10. **Огородников, А. А.** Социально-экономическое развитие Полоцка в 1917–1991 годах : монография / А. А. Огородников. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 160 с. : ил.

Поступила в редакцию 19.10.2022 г.

Контакты: rector@msu.by

(Дук Денис Владимирович)

Duk D. V. ON TWO BANKS OF THE RIVER AND IN TWO EMPIRES: TRANSFORMATION OF THE URBAN SPACE OF POLOTSK IN 1772–1793

The transformation of the urban space of Polotsk after the first partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth is considered. A comparison is made regarding two models of the development of the image of the most ancient Belarusian city: as part of the Polish–Lithuanian Commonwealth and immediately after its entry into the Russian Empire. It is noted that the Polish influence had a direct impact on the urban toponymy, was reflected in historical onomastics, and the confessional policy of the Polish–Lithuanian Commonwealth led to the transformation of the traditional historical building of Polotsk. These transformations of Polotsk as part of the Polish–Lithuanian Commonwealth in terms of the scale of consequences and content can be equated to the imperial ones. The entry of Polotsk into the Russian Empire led to the next changes in the urban space. Polotsk became the center of the vicegerency, which led to positive changes in the nature of urban development: the central square was equipped according to a single project, the number of brick residential buildings, the area of urban development and the number of inhabitants increased. These trends would have been more dynamic and successful if the administrative status of the city as the center of the province had been maintained, which, for certain reasons, did not happen.

Keywords: Polotsk, the Russian Empire, the Polish–Lithuanian Commonwealth, administrative status of city, urban space, architecture and planning, Polish influence, toponymy, onomastics.

ЛУКЬЯН МИХАЙЛОВИЧ СОЛОНЕВИЧ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье раскрывается деятельность Лукьяна Михайловича Солоневича – общественного деятеля, историка и публициста, одного из наиболее значимых представителей западнорусизма начала XX в. Автор показывает идейную эволюцию Л. М. Солоневича как лидера «Белорусского общества», активного борца против окатоличивания и ополячивания православного населения Беларуси. Деятельность «Белорусского общества» можно рассматривать как важную составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в.

Ключевые слова: западнорусизм, история Беларуси, Гродненская губерния, «Белорусское общество», «Союз 17 октября», земства.

Введение

Западнорусизм не являлся однородным течением. К его либеральному крылу относились ученые-краеведы, заложившие основы научного изучения истории, языка, литературы и географии белорусских земель (А. П. Сапунов, Е. Ф. Карский, А. И. Миловичев, Д. И. Довгьяло и др.). Исследование деятельности Л. М. Солоневича позволяет рассматривать его как одного из самых значимых и влиятельных представителей умеренно либерального направления в западнорусском движении конца XIX – начала XX в.

В историографии личность Л. М. Солоневича получила противоречивые оценки. Для его оппонента А. И. Цвикевича, написавшего политически мотивированные очерки «“Западно-русизм”: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.», Лукьян Михайлович являлся идейным вождем кулацкой прослойки в белорусской деревне, монархически настроенной, противопоставлявшейся «борцам» за белорусский народ в лице деятелей круга «Нашай Нівы» [1]. Точка зрения Цвикевича затем перекочевала в советскую историографию. В постсоветский период для значительной части белорусских историков Л. М. Солоневич так и остался, по сути, врагом «настоящего» белорусского национального движения, представленного только одной его ли-

нией, связанной с деятельностью Белорусской социалистической громады, «Нашай Нівы», партий и организаций, наследовавшим им после 1917 г. [2]. Только в немногих работах дается скорее положительная оценка деятельности Л. М. Солоневича как одного из наиболее значимых представителей белорусской исторической мысли, общественного деятеля, сделавшего очень много для политического пробуждения белорусского общества, одного из влиятельнейших деятелей западнорусизма [3; 4]. Для российских и зарубежных исследователей Солоневич интересен, как правило, в качестве отца двух известных деятелей российской эмиграции Ивана и Бориса Солоневичей [5; 6].

Основная часть

Лукьян Михайлович Солоневич родился в крестьянской семье православного вероисповедания в деревне Новоселки Гродненской губернии 8 (24) октября 1866 г. Отец его, Михаил Солоневич, выбился в сельские священники, но материальный достаток семьи был небольшим. С детства его сыну приходилось помогать семье, подрабатывая свинопасом. Способный и трудолюбивый мальчик смог поступить и окончить в 1886 г. Свислочскую учительскую семинарию. После этого Л. М. Солоневич работал учителем в Цехановецком народном училище Бельского уезда, в Кабанском и Байковском народных училищах Пружанского уезда [7, л. 1, 2]. Лукьян Михайлович занимался самообразованием, мог говорить на 3–4 иностранных языках. С 1890 г. он занялся журналистикой, сотрудничал с газетой «Гродненские губернские ведомости», публикуя очерки о проблемах народного образования, сельского хозяйства, здравоохранения. Стал одним из инициаторов движения за трезвость в Гродненской губернии [4]. В марте 1899 г. Л. М. Солоневич переходит на государственную службу, будучи назначен на должность бухгалтера Гродненской губернской комиссии народного продовольствия [7, л. 1, 2].

Лукьян Михайлович обзавелся семьей. В первый раз он женился еще будучи учите-

лем. Его избранницей стала дочь священника Юлия Викентьевна Ярушевич. В браке родилось дети: Иван (1891–1953), Всеволод (1895–1920), Борис (1898–1989). Но в скором времени семья распалась, хотя Солоневич не стал оформлять развод до смерти Ю. В. Ярушевич в 1915 г. Второй раз он фактически женился в возрасте около 40 лет. Его жену звали Надежда Александровна (к сожалению, ее девичья фамилия неизвестна). Во втором браке родилось четверо детей: Евгений (1905–1938), Софья (1909–1973), Зинаида (1915–2007), Любовь (1920–1996) [5; 8]. Большая семья подталкивала Л. М. Солоневича к активной деятельности, продвижению по карьерной лестнице. Со временем старшие сыновья Лукьяна Михайловича стали его помощниками в его журналистской и общественной работе.

В 1901 г. Лукьян Михайлович подготовил крупное исследование по истории Гродненской губернии [9]. По сути, он разработал собственную концепцию истории белорусских земель, которая затем легла в основу его политической деятельности. В древнерусский период, по его мнению, белорусы, подобно другим славянским племенам, развивались самостоятельно и независимо [10, с. 1]. В XIII в. западно-русские земли были включены в состав Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Однако, поскольку древнерусское население превосходило литовцев не только численностью, но и культурой, оно сохранило полную свободу вероисповедания и традиции общественной жизни, древнерусский же язык (старобелорусский) стал государственным языком ВКЛ. Крайне негативно Л. М. Солоневич оценивал Кривскую унию 1385 г. Польша рассматривалась как враждебное восточным славянам государство, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения ВКЛ. «Особенности общественно-политического строя польского государства – латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинства вельмож – были чужды русскому человеку, тогда еще не знавшему ни крепостничества, ни шляхетства, ни бесправия, в котором находились низшие классы общества в Польше», – считал Л. М. Солоневич [9, с. 8]. Он отказывал польской культуре в почвенности, рассматривая ее в качестве кальки феодального строя соседних западно-европейских государств. «...Усвоив верхушки европейской цивилизации, поляки не сумели пойти дальше... согласить усвоенного с теми славянскими началами, которые выработаны

были собственным народом», – писал Солоневич [9, с. 10]. По его мнению, князья ВКЛ, приняв католицизм, усваивали польскую культуру и язык. Их примеру последовало и дворянство, постепенно терявшее связь с народом и, более того, становящееся во враждебное отношение ко всему русскому, православному. Кроме того, после унии на территории ВКЛ появились и собственно польская помещичья «олигархия». «Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей, и эти слои... оказались навсегда отрезанными от своего народа», – писал позднее Л. М. Солоневич в статье «К белорусской интеллигенции», опубликованной в газете «Белорусская жизнь» в 1909 г. [10, с. 1]

Лукьян Михайлович считал, что белорусы лишились своей социальной верхушки, сделавшись сугубо крестьянским народом. Он весьма мрачными красками рисовал жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображал их забытыми и угнетаемыми, с одной стороны, шляхтой, с другой – еврейскими-предпринимателями. «Буйное и своевольное шляхетство в союзе с еврейской народностью задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования Польши [Речи Посполитой. – Д. Л.] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни...», – утверждал Л. М. Солоневич [9, с. 14]. Очень резко он отзывался и о Брестской церковной унии 1595 г., оценивая униатскую церковь в качестве переходного звена от православия к католицизму. Последний же рассматривался как главный инструмент ополячивания белорусов. «Польская культура и польское национальное самосознание могло двигаться только за католицизмом. Вне католичества, в обход католичества не было путей для полонизации», – считал Солоневич [11, с. 28].

По его мнению, не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т. к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Л. М. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились. В частности, он писал: «...Русское законодательство никогда не создавало для крепостных великорусских губерний такого положения, какое

создано было для крепостных западной окраины литовским статутом, польским законодательством и шляхетскими привилегиями» [9, с. 58]. К полонизации добавилась политика обрусительства, которую проводили русские чиновники и дворяне, направлявшиеся царским правительством в западные губернии защищать «русское дело». «Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть и править белорусами на прежних основаниях», – позже утверждал Солоневич в передовой статье «Белорусской жизни» [10, с. 1]. Он резко критиковал крепостничество.

Постепенное изменение политики царского правительства к бывшим землям Речи Посполитой Л. М. Солоневич связывал с реакцией на польское восстание 1830–1831 гг. Правда, не все действия властей получили положительную оценку. Лукьян Михайлович негативно относился к передаче конфискованных у повстанцев земель, населенных белорусскими крестьянами, в руки других помещиков. «Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле и работали на ней», – сокрушался он на страницах «Белорусской жизни» по поводу «расхищения» национального достояния белорусов [10, с. 1].

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю Л. М. Солоневич связывал с отменой крепостного права и подавлением польского восстания 1863–1864 гг. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Л. М. Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями. В то же время Солоневич справедливо полагал, что позиция Калиновского была исключительным явлением, не характерным в целом для шляхетского лагеря. В частности, он писал: «Мечтания красных о наделении крестьян землею и общем равеннии было исключением и не разделялось большинством польского дворянства, которое держалось своих взглядов на крестьян» [9, с. 72]. В целом действия правительства после восстания на

территории белорусских земель оценивались как положительные, и, прежде всего, за борьбу с полонизацией.

После издания книги «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802–1902» во время управления губернией П. А. Столыпиным карьера Л. М. Солоневича пошла вверх. В 1902 г. Солоневич исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета, в 1903 г. был зачислен в штат губернского правления, а в 1904 г. назначен временным исполняющим обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия. 16 сентября 1907 г. за выслугу лет он был произведен в коллежские регистраторы [7, л. 2, 3].

П. А. Столыпин ценил Л. М. Солоневича как опытного сотрудника, выходца из крестьянской среды, хорошо знавшего жизнь простого народа. Лукьян Михайлович поддерживал действия гродненского губернатора, направленные на улучшение положения сельского населения. Но по своим убеждениям он был умеренным либералом и позволял себе иногда критику власти, особенно когда дело касалось нерасторопности и бездарности местных чиновников [7, л. 2].

Помимо государственной, журналистской и литературной работы, Л. М. Солоневич занимался активной общественной деятельностью, будучи членом и секретарем Общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей народных училищ, членом ревизионной комиссии собрания гродненских чиновников, членом Гродненского церковно-археологического комитета и местного православного Софийского братства [4].

С началом Первой российской революции общественная деятельность Л. М. Солоневича становится еще активнее. В начале 1905 г. он был на стороне бастовавших гродненских гимназистов, среди которых был и его старший сын Иван. Последнего даже пришлось забрать из гимназии. Но, как вспоминал позднее И. Л. Солоневич, причины данного поступка были чисто финансовые: «Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм» [5, с. 21].

Л. М. Солоневич резко критиковал гродненских чиновников за антисемитские настроения. Черносотенцы угрожали ему смертью. На почве отношения к «еврейскому вопро-

су» Л. М. Солоневич даже конфликтовал с другим известным деятелем западнорусизма В. К. Стукаlichem [12, л. 12 об.]. Лукьян Михайлович не вступил в проправительственные «Союз 17 октября» и Партию правового порядка, в которые записалось большинство местных чиновников [13, л. 2 об.; 14, л. 7 об., 8]. По своим политическим взглядам в 1905–1907 гг. он был левее октябристов, но и к конституционным демократам он не примкнул.

В 1907 г. Л. М. Солоневича переводят в Ковно, где несколько месяцев он служит младшим помощником правителя канцелярии ковенского губернатора [5, с. 20]. В 1908 г. Лукьян Михайлович переезжает в Вильно и попадает под влияние близкого по духу октябриста местного общества «Крестьянин», созданного в начале 1906 г. и издававшего одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет. Его председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С. А. Ковалюк, выходец из крестьянского сословия, заместителем председателя – преподаватель местного реального училища А. С. Вруцевич, бывший сыном священника. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все губернии Северо-Западного края [15, с. 202], но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. Общество выступало против социалистических идей, все надежды по решению земельных проблем связывались с монархом. Редакция журнала от имени крестьян заявляла, что они желают только земли, а не воли. В то же время допускалось увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения части земель польских помещиков, предполагалось ликвидировать сервитуты, уравнивать натуральные и государственные повинности крестьян и помещиков, ввести всеобщее бесплатное начальное образование, организовать мелкий кредит для крестьян и ссудо-сберегательные товарищества [16]. В национальном вопросе С. А. Ковалюк, А. С. Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае.

В течение 1906–1911 гг. происходит эволюция «Крестьянина» вправо. В конечном счете данное общество стало филиалом Всероссий-

ского национального союза, а С.А. Ковалюк возглавил его отдел в Вильно [17, л. 151].

Либерально настроенная часть членов организации, в основном из демократических городских слоев, решила создать собственное объединение – «Белорусское общество». Одним из инициаторов образования новой организации, а затем и ее лидером стал Л. М. Солоневич. Вначале он хотел заручиться поддержкой со стороны своего бывшего «патрона» П. А. Столыпина и обозначить суть «белорусского вопроса» для российской политической элиты. С этой целью Солоневич подготовил серию публикаций под названием «Белорусские письма», печатавшихся в одной из ведущих газет того времени, «Московских ведомостях», с марта по ноябрь 1908 г. Автор выступал под характерным псевдонимом Коложский, указывавшим на родную Гродненскую губернию и Коложскую церковь в Гродно. Солоневич представил читателям очерки политической, культурной и экономической жизни белорусского населения, обозначив основные проблемы, на решении которых и должно было сосредоточиться создаваемое «Белорусское общество» [18]. Лукьяну Михайловичу удалось заручиться поддержкой со стороны А. С. Будиловича, уроженца Гродненской губернии, редактора «Московских ведомостей», известного русского ученого-филолога, слависта, члена-корреспондента Петербургской академии наук, наряду с П. А. Кулаковским, принимавшим участие в издании «Окраин России» и иницировавшим создание Русского окраинного общества в феврале 1908 г. [18]. Будилович помог Солоневичу и его сторонникам оформиться в самостоятельную общественную организацию.

Политическая платформа «Белорусского общества» была утверждена 21 декабря 1908 г. и опубликована 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, издателем – чиновник контроля Полесских железных дорог А. С. Кудерский. Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Л. М. Солоневич, его заместителем – П. В. Коронкевич, секретарем – П. И. Корневский. Все трое на тот момент работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно.

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью русского народа: без единения с великороссами в рамках Рос-

сийского государства их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между великороссами и белорусами были различиями внутри одной нации. В частности, Л. М. Солоневич писал: «...Белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великороссами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, не смотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и, несомненно, пойдет вперед одним и тем же историческим путем» [19, с. 2].

Главным препятствием для нормального развития белорусского народа было наличие польского помещичьего землевладения, проведение со стороны польской земельной и церковной элиты линии на ополячивание белорусов-католиков. Особенную заботу Л. М. Солоневича вызывали польские «краевцы», продвигавшие принцип политической нации, согласно которому все сознательные «граждане» края составляли одну нацию независимо от своего национального происхождения и вероисповедания. Белорусско-литовский регион (бывшее ВКЛ), по их мнению, должен был получить автономный статус. В его рамках «краевцы» предполагали играть ведущую роль в управлении. В своей деятельности они сотрудничали с российскими либералами, главным образом Конституционно-демократической партией. Л. М. Солоневич резко осуждал российских либералов, пытавшихся заигрывать с «краевцами», считая «демократизм» последних наигранным. С его точки зрения, только ненависть к России приводит польских помещиков в оппозиционный лагерь. Если бы полякам удалось сформировать свое правительство, то тогда, по мнению Солоневича, «в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса» [19, с. 3]. Таким образом, польские помещики и костел, проводившие колонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. В программе «Белорусского общества» прямо было отмечено, что «национальная борьба в Белоруссии является в то же время и борьбой классовою» [20]. В итоге улучшение положения народных масс связывалось с решением польского вопроса – сокращением польского землевладения и располочиванием костела на территории белорусских земель.

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, «Белорусское общество» в то же самое время признавало национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Л. М. Солоневич считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ в праве ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем» [19, с. 2].

Особое значение «Белорусское общество» придавало реформам в сфере народного образования. Оценивая состояние школьного дела в Беларуси, Л. М. Солоневич писал: «Возникшая после освобождения [крестьян. – Д. Л.] сельская школа приурочена преимущественно к политическим и общеобразовательным целям и не могла дать крестьянам тех практических знаний, которые так необходимы в сельском хозяйстве» [9, с. 95]. Низкий же уровень сельскохозяйственной культуры приводил к бедности населения. Лукьян Михайлович полагал, что начальные школы (народные училища) должны быть приближены к жизни, к реальным потребностям крестьян, давать детям практические навыки. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т. п. Городские училища, по его замыслу, необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные. «...Они создали бы кадры молодых людей, подготовленных к какому-нибудь практическому делу, и, весьма возможно, что часть их направилась бы в деревню, где они могли бы поднять сельскохозяйственную культуру и научить нашу деревню обрабатывать землю более усовершенствованными способами», – писала «Белорусская жизнь» [21]. Ее редакторы предлагали также перенести часть городских учебных заведений в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов.

Характерно, что Департамент полиции МВД рассматривал «Белорусское общество» как часть белорусского национального лагеря. Организации типа «Крестьянина», по мнению полицейских аналитиков, относились к русскому лагерю в Вильно, в белорусскую же «партию» включались и «Белорусское общество», и «Наша Ніва» (в качестве ее левого крыла). К приверженцам белорусской «партии» относилась «тутэйшая» интеллигенция, мелкое

чиновничество, сельские учителя, фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (в виду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правою, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», – такую обобщенную характеристику давали в МВД и «Белорусскому обществу», и «Нашей Ніве» [15, с. 222–223]. В отличие от «Крестьянина» к «Белорусскому обществу» предпринимались меры репрессивного характера. Так, определением Виленской судебной палаты от 28 апреля 1910 г. было постановлено уничтожить программный номер «Белорусской жизни» [22, л. 80], чтобы воспрепятствовать ее распространению среди белорусского населения.

На политической арене «Белорусское общество» примыкало к партии октябристов. В 1909 г. ЦК «Союза 17 октября» предложил Правлению общества оформить взаимоотношения путем принятия политической платформы октябристов с сохранением полной автономии по белорусским вопросам. 20 сентября общее собрание «Белорусского общества» приняло это предложение и избрало трех делегатов на октябристский съезд [23]. На съезде, состоявшемся в октябре того же года, Л. М. Солоневич охарактеризовал царивший, по его мнению, в западных губерниях антагонизм между белорусами, поляками и евреями и подчеркнул, что только от «Союза 17 октября» население края ждет защиты своих интересов. Он указал, что в задачу октябристов должны войти заботы о поддержке национальных, религиозных и экономических интересов белорусов, т. к. правительственных мероприятий «уже недостаточно». Лишь развитие культуры, с точки зрения Солоневича, могло пробудить национальное самосознание в миллионах белорусского населения [24, с. 112].

Для экономического и культурного развития крестьян, по мнению Л. М. Солоневича, необходимо было ввести на территории белорусских земель выборные земства. В 1909 г. «Белорусским обществом» был разработан собственный проект земской реформы, представленный в Совет министров. В основу земских выборов авторы проекта положили принципы всеословности и распределения избирателей по куриям в соответствии с имущественным цензом: крупных землевладельцев, мелких землевладельцев и крестьян.

При этом предполагалось, что по сравнению с нормами 1864 и 1890 гг. избирательный ценз для крупных землевладельцев должен быть понижен в два раза, а крестьянам, имевшим, помимо общинной земли, собственную, предоставлено право голосовать по всем трем куриям в соответствии с размерами их владений [23]. В целом проект отвечал интересам зажиточных слоев белорусской деревни.

Однако правительство П. А. Столыпина решило вместо имущественного ценза при распределении избирателей по куриям применить национальный принцип, чтобы закрепить русское (православное) большинство в составе управ и среди вольнонаемных служащих, а также определить ряд должностей, которые могли бы заниматься исключительно русскими (православными). Первоначально правительственный проект «Белорусское общество» восприняло в штыки. Так, Л. М. Солоневич считал, что система выборов, основанная на национальных куриях, имеет существенные недостатки. «Первенство в подобных случаях всегда достается наиболее непримиримым националистам, – отмечал лидер “Белорусского общества”. – Из поляков пройдут заядливые колонизаторы, из русских – крайние шовинисты-русификаторы». В результате, делал вывод Солоневич, национальная рознь в крае еще более обострится. По его мнению, земство, поддавшись узконациональным тенденциям, повлияет и на начальную школу, т. к. «слишком низок уровень образования в белорусском населении» [24, с. 112].

Тем не менее в марте 1911 г. выборные земские учреждения, в соответствии с проектом П. А. Столыпина, были введены в Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях. «Белорусское общество» протестовало против решения правительства не создавать выборные земства в Гродненской губернии. «В Западном крае, наконец, вводится долгожданное земство. Но по какому-то странному стечению обстоятельств Гродненская губерния выделена из этого края и лишена опять на долгие годы тех благ, которые следует ожидать от земства. В Петербурге, да и в центре России, считают эту губернию не то польской, не то литовской», – писалось в открытом письме депутатам III Государственной думы от имени крестьян Гродненской губернии в передовице «Белорусской жизни» [25]. Л. М. Солоневич доказывал столичным властям, что называть Гродненскую губернию литовской можно только в историческом смысле.

ле, как часть бывшего ВКЛ, население же ее в основном белорусское, большей частью православное. Лукьян Михайлович убеждал правительство в благонадежности местных жителей, ссылаясь, в том числе и на историю края: «В Гродненской губернии нет ни одного города, местечка, села, которые не хранили бы какого-нибудь памятника глубокой старины, крепко связывающего этот край с коренной Россией. В пределах Гродненской губернии живет вся «Черная Русь». Крестьянское население, несмотря на близость к Польше, несмотря на столь недавний гнет «панщины», как нигде предано всему русскому» [25]. Письмо заканчивалось просьбой к депутатам Государственной думы распространить закон о выборном земстве и на Гродненскую губернию.

Большое внимание Л. М. Солоневич уделял подготовительной работе по выборам земских учреждений. Он видел слабость национальных белорусских сил и ставил вопрос о развитии «культурного земского элемента» из местного населения, привязанного к краю и хорошо его знающего. В этом отношении он большое значение придавал народным учителям и чиновникам, выходцам из белорусского крестьянства, каким был и сам.

Но уже летом 1911 г. в «Белорусском обществе» наметился раскол. К этому времени стало ясно, что в выборные земства, благодаря поддержке царского правительства, пройдут в основном русские помещики, а не крестьяне. Л. М. Солоневича это вполне устраивало. На первых порах он допускал доминирование в земствах русских землевладельцев. «Не пристрастие к помещному сословию заставляет нас радоваться преобладанию в наших западных земствах русских помещиков, – писал он на страницах «Белорусской жизни», – а твердая уверенность, что это единственный путь к подготовке земского элемента из народа... Под руководством русского помещика-земца открывается широкий простор и для деятельности в земствах нашей, демократически настроенной белорусской интеллигенции, которая, мы твердо в этом уверены, была бы отрезана от народа, если бы земства нашего края очутились в руках инородцев, хотя бы и самого прогрессивного направления...» [26]. Позиция Л. М. Солоневича, однако, не нашла понимания со стороны П. В. Коронкевича, которого поддержало большинство членов организации. В итоге Лукьян Михайлович предпочел выйти из «Белорусского общества» и снова сблизиться с «Крестьянином».

9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Л. М. Солоневич начал издавать собственную газету – «Северо-Западную жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле последнее почти на год осталось без своей газеты. Впоследствии Л. М. Солоневич полностью отошел от дел «Белорусского общества» и вступил в партию Всероссийский национальный союз, активным членом которой он оставался и после возвращения в Гродно, а затем и переезда в Минск [27, л. 823; 28, л. 2].

Газета «Северо-Западная жизнь» издавалась в 1911–1915 гг. Л. М. Солоневич, как ее редактор, по-прежнему свою цель видел в защите интересов белорусского населения как самого «слабого в культурном и экономическом отношении» среди народностей края. При этом он оставался убежденным монархистом, сторонником того курса, который ассоциировался с именем П. А. Столыпина. Лукьян Михайлович не видел будущего для белорусов вне сильной и неделимой России, полагая, что только целенаправленная государственная поддержка приведет к культурному и экономическому подъему белорусский народ. С этих позиций редактор «Северо-Западной жизни» часто вступал в полемику как с леволиберальной белорусской газетой «Наша Ніва», в том числе и с одним из ее редакторов И. Д. Луцевичем (будущим классиком белорусской литературы Я. Купалой), так и с более умеренной газетой «Белорусский вестник», которую в 1912–1913 гг. издавало «Белорусское общество» во главе с бывшим соратником Л. М. Солоневича – П. В. Коронкевичем [29]. Защищая интересы белорусских крестьян, Лукьян Михайлович, как и ранее, не стеснялся критиковать чиновников, за что попадал под удары со стороны местных властей. Так, в ноябре 1913 г. он был приговорен к двум месяцам тюремного заключения за «опозорение в печати» деятельности полицейского исправника Симановича. Всего же Л. М. Солоневич привлекался к судебной ответственности по подобным поводам более десяти раз [3].

На страницах «Северо-Западной жизни» начал свою журналистскую деятельность и старший сын Лукьяна Михайловича – Иван Солоневич. В 1912 г. при редакции газеты Л. М. Солоневич совместно с братом Семеном и сыном Иваном основали «Белорусскую историческую библиотеку», предоставив местным

белорусам возможность ознакомиться с литературой о прошлом родного края [4].

В 1915 г. условия Первой мировой войны и превращение Минска в прифронтовой город заставили Л. М. Солоневича остановить свою издательскую работу. В следующем году он со второй женой и младшими детьми переезжает на Кубань в Екатеринодар. Там его застали события 1917 г. и гражданская война, связанные с ними голод и разруха. Старшие сыновья от первого брака уже были самостоятельными. Они участвовали в «белом» движении. Всеволода Солоневича, служившего в войсках П. Н. Врангеля, не стало в 1920 г. В том же году от тифа умирает Надежда Александровна Солоневич [8]. Спасаясь от голода и эпидемий, Лукьян Михайлович с младшими детьми перебирается в станицу Лабинскую, где поселился его брат Степан. Чуть позже он с семьей пешком через перевалы Кавказа перешел в Сочи, где обосновался на некоторое время. В дальнейшем семья Солоневичей еще много раз переезжала, жила Гудауте, Потти, Сухуме и, наконец, Ялте [8].

Л. М. Солоневич не сидел без дела. Один воспитывая детей, он увлекся научными разработками И. И. Мечникова, посвященными исследованию молочнокислых бактерий. В голодные годы Лукьян Михайлович в домашних условиях смог наладить изготовление молочных продуктов, чем, возможно, спас свою семью от смерти.

После бегства старших сыновей, Ивана и Бориса, принимавших активное участие в гражданской войне на стороне противников большевиков и преследовавшихся советской властью, в 1934 г. за границу Л. М. Солоневич как отец «врагов народа» был арестован вместе с младшим сыном Евгением и дочерью Зинаидой. Вначале они полгода находились в тюрьме Симферополя, затем их выслали на 5 лет в Красноярский край в село Балахта. Летом 1936 г. Солоневичей перевели в Северо-Енисейский район, где Лукьян Михайлович, несмотря на преклонный возраст, работал мастером эфирного производства в Енисейзолотопродснабе в поселке Соврудник. Немного позже в Восточную Сибирь была сослана и Софья Солоневич [8]. 11 февраля 1938 г. Л. М. Солоневич был арестован второй раз и обвинен в участии в контрреволюционной повстанческой группе, проведении антисоветской агитации и поддержке связей с сыновьями, находившимися за границей. Днем ранее был арестован и Евгений Солоневич. Постановлением тройки УНКВД Красноярского края от 7 мая 1938 г.

Солоневичи были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 25 мая того же года в Енисейске [30].

Л. М. Солоневич был реабилитирован постановлением Президиума Красноярского краевого суда 22 сентября 1956 г., а Е. Л. Солоневич – 22 марта 1958 г. [30].

Заклучение

Лукьян Михайлович Солоневич – выдающийся представитель либерального направления в западнорусизме. Выходец из семьи небогатого сельского священника благодаря своим способностям, упорству и трудолюбию смог заявить о себе как об одном из лучших исследователей Гродненского края. Его научная и журналистская деятельность были замечены П.А. Столыпиным, открывшим перед Солоневичем возможности строительства административной карьеры. Но для Лукьяна Михайловича важнее были интересы простого белорусского народа (крестьян, духовенства, народных учителей и др.), на защиту интересов которого он направил свою активность, став во главе «Белорусского общества» в Вильно. Последнее даже Департаментом полиции МВД рассматривалось как умеренно либеральная часть белорусского национального лагеря, противоположная его радикальной части в лице редакции газеты «Наша Ніва» и ее сторонников. Деятельность «Белорусского общества» можно рассматривать как важную составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в. Помимо активной общественно-политической, издательской и публицистической деятельности («Гродненские губернские ведомости», «Белорусская жизнь», «Северо-Западная жизнь»), Л. М. Солоневич посвятил себя воспитанию детей, оказал влияние на формирование их мировоззрения, политических взглядов. Его сыновья, Иван и Борис, стали известными писателями, публицистами и общественными деятелями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Цвікевіч, А.* «Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цвікевіч; пасляслоўе А. Ліса. – 2-е выд. – Мн., 1993. – 352 с.

2. *Забаўскі, М. М.* Беларускае таварыства / М. М. Забаўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / рэдкал.: М. В. Біч і інш. – Мн. : БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 359.

3. **Метелица, К.** Протеже Столыпина. Жизнь Лукьяна Солоневича / К. Метелица // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: // http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/kirill-metelitsa-prote-zhe-stolypina-zhizn-lukuana-solonevicha. – Дата доступа: 14.07.2021.
4. **Черепица, В. Н.** «Да будет услышан на Родине...» / В. Н. Черепица // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. – Минск : БелНИИДАД, 1996. – С. 37–73.
5. **Воронин, И. П.** Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича / И. П. Воронин / под ред. М. Б. Смолина. – М. : ФИВ, 2013. – 495 с.
6. **Никандров, Н.** Иван Солоневич: народный монархист / Н. Никандров / под ред. В. Г. Маныгина. – М. : Алгоритм, 2007. – 672 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. Оп. 37. Д. 1455.
8. **Солоневич, В.** Судьба Солоневичей / В. Солоневич // «Наша страна». – 2000. – 23 декабря. – С. 3 [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: // <http://bespredelbel.narod.ru/vlad.htm>. – Дата доступа: 14.07.2021.
9. **Солоневич, Л. М.** Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802–1902 / Л. М. Солоневич. – Гродно, 1901. – 106 с.
10. К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 1–2.
11. **Солоневич, Л.** Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве / Л. Солоневич. – Вильно : Тип. «Русский почин», 1910. – 30 с.
12. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. – Фонд 1072. Том 3.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 115. Оп. 1. Д. 63.
14. Государственный архив Витебской области. – Фонд 967. Оп. 2. Д. 1.
15. **Лавринович, Д. С.** Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 328 с. : ил.
16. В обществе «Крестьянин» // Крестьянин. – 1907. – 3 декабря. – С. 735.
17. Библиотека Литовской Академии наук. – Фонд 21. Д. 2231.
18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Фонд 40. Оп. 26. Д. 24.
19. **Солоневич, Л.** Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе / Л. Солоневич // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 2–3.
20. Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 3.
21. Вильна, 1 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 1 апреля. – С. 1.
22. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 7966.
23. Что такое «Белорусское Общество?» // Белорусский вестник. – 1912. – 9 декабря. – С. 1.
24. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 2: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. – М. : РОССПЭН, 2000. – 512 с.
25. Открытое письмо членам Государственной думы // Белорусская жизнь. – 1911. – 22 марта. – С. 1.
26. Вильна, 31 июля // Белорусская жизнь. – 1911. – 31 июля. – С. 1.
27. ГАРФ. – Фонд 102. Оп. 265. Д. 564.
28. ГАРФ. – Фонд 1719. Оп. 1. Д. 3.
29. Вильна, 9 сентября // Белорусский вестник. – 1912. – 9 сентября. – С. 1.
30. Архивная справка о Солоневиче Л. М. // Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: // <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm>. – Дата доступа: 14.07.2021.

Поступила в редакцию 06.10.2022 г.

Контакты: lavrinovich@msu.by

(Лавринович Дмитрий Сергеевич)

Lavrinovich D. S. LUKYAN MIKHAILOVICH SOLONEVICH: INTRODUCTION TO THE BIOGRAPHY OF PUBLIC FIGURE AND PUBLICIST

The article reveals the activity of the public figure, historian and publicist, one of the most significant representatives of “zapadnorusizm” at the beginning of the XX century. The author shows Solononevich’s ideological evolution as a leader of “The Belarusian Society”, an active fighter against catholicization and polonization of the Orthodox population in Belarus. The activity of “The Belarusian Society” can be considered as an important component of the liberal tendency in the Belarusian national movement of the early XX century.

Keywords: zapadnorusizm, history of Belarus, Grodno province, “The Belarusian Society”, “Union of October 17”, zemstvo.

УДК 94–055.2(476.6)''18/19''

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Ю. Г. Ермак

кандидат исторических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье рассматривается участие женщин иудейского вероисповедания в хозяйственной деятельности на территории Гродненской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В качестве источников используются архивные документы из Национального исторического архива Беларуси в Гродно. Рассмотрены юридические и социально-экономические условия деятельности, специализация и основные формы женской еврейской хозяйственной деятельности, повседневные практики адаптации к социально-экономическим изменениям.

Ключевые слова: женщины иудейского вероисповедания, хозяйственная деятельность, черта еврейской оседлости, Гродненская губерния.

Введение

Изучение истории хозяйственной деятельности на Гродненщине не может быть полным без исследования участия женщин иудейского вероисповедания в этой сфере. Важность товарно-денежных отношений для евреев черты оседлости во второй половине XIX – начале XX в., недостаточная разработанность этой проблематики, а именно женской составляющей, при наличии значительного количества документов, а также широкие возможности для последующего использования выводов, полученных в результате исследования в образовательной и научной сферах, обусловили актуальность выбранной темы.

Источниками по теме выступили документы из Национального исторического архива Беларуси в Гродно. Фонды 143 и 307 позволили проанализировать списки субъектов хозяйственной деятельности по Гродненской губернии и выявить степень вовлеченности женщин иудейского вероисповедания в указанную сферу.

К изучению экономической истории Беларуси обращались А. Кохановский, И. Марзалюк, А. Бурачонок и др. Работы, сфокусированные на изучении истории еврейского населения черты белорусской оседлости, созданы

Э. Иоффе, Ю. Функ, М. Акулич, О. Соболевской и др. Общим для указанных исследований является то, что хозяйственную деятельность еврейского населения они рассматривали комплексно, не смещая фокус внимания на гендерные аспекты темы и не учитывая локальные особенности белорусских губерний. К зарубежным авторам, обратившимся к экономической деятельности евреев, следует отнести Я. Фельдмана (J. Feldman), Д. Фишмана (D. Fishman), К. Тук (C. Tooke), А. Марковского (A. Markowski). Таким образом, вопрос деятельности женщин иудейского вероисповедания в хозяйственной сфере Гродненской губернии остается малоизученным направлением в научных исследованиях.

Основная часть

Социально-экономические условия, складывающиеся на протяжении второй половины XIX в. вынуждали женщин иудейского вероисповедания активно участвовать в материальном обеспечении семьи. Сферой приложения сил для еврейки становится в первую очередь торговля. Как указывает российская исследовательница Г. Ульянова, в конце XIX в. наблюдается повышение коммерческой активности еврейских предпринимательниц, а с конца 1880-х гг. еврейские капиталы начинают интегрироваться в буржуазный класс Российской империи [1, с. 166].

Рассматривая законодательство по хозяйственной деятельности, необходимо отметить, что в течение 60–70-х гг. XIX в. в существующие торгово-промышленные законы были внесены изменения, затрагивающие прямое налогообложение. По «Положению о пошлинах на право торговли и промыслов» от 1865 г. налог взимался ежегодно. Торговец должен был выкупить свидетельство на право заниматься промышленной деятельностью, а также билет на каждое отдельное предприятие. Как подмечает А. Бурачонок, «недостатками существовавшей налоговой системы была

крайняя неравномерность обложения, при которой крупные предприниматели несли одинаковую тяжесть налогов наравне с мелкими» [2, с. 12].

Неравномерность налогообложения фиксируют документы из архива. М. Кауфман, купчиха из Гродно, в 1877 г. подала жалобу на Оценочную комиссию. В своем прошении купчиха сообщала, что при оценке недвижимого имущества комиссия переоценила ее дом в четыре раза. М. Кауфман рассчитывала, что губернатор Зуров примет от него зависящее распоряжение «об уничтожении неправильно составленной оценки» [3, л. 1–2]. В журнале Гродненского губернского по городским делам присутствия от 6 октября 1877 г. было записано следующее: «Настоящую жалобу оставить без последствий» [3, л. 3].

Также на хозяйственную деятельность еврейского населения влияли «Временные правила» от 3 мая 1882 г. Согласно правилам евреям запрещалось селиться в сельской местности; приостанавливались совершения купчих крепостей, а также арендных договоров на недвижимое имущество вне городов и местечек; евреям запрещалось торговать в воскресные дни и христианские праздники. В 1885 г. были введены сборы, процентный и раскладочный, для ликвидации неравномерности налогообложения. После принятия в 1898 г. «Положения о государственном промышленном налоге» формирование прямого налогообложения было завершено [4, с. 166].

Обязательным для владельцев торговых предприятий было заполнение «Заявления для промышленных предприятий». Также существовал список вопросов, касающихся сущности коммерческой деятельности. Проследить административную процедуру по коммерческой деятельности позволяет архивный документ, заполнявшийся податным инспектором 1 участка Слонимского уезда, который содержит заявления владельцев торгово-промышленных предприятий об обложении государственным промысловым налогом за 1913 г. [5, л. 2–610].

В документе прописывался род торгового заведения – лавка, магазин, подряд; перечислялись наименования товаров, предлагаемых к реализации; указывался вид торговли – опт, розница, мелочная. Податного инспектора интересовало «количество складочных помещений при самом заведении и отдельно от него (как снабженных платными свидетельствами, так и бесплатными билетами) с указанием, где

именно каждое складочное помещение находится» [5, л. 11–12]. Требовалось указать, за какую годовую плату нанималось в предыдущем году помещение, занятое заведением, а также каждое складское помещение. Если торговое помещение нанято было за общую плату с квартирой (при условии, что помещение не наемное), то следовало отметить «не наемное». Так, у Н. Гдальевны помещение, в котором находилась лавка, было в собственности [5, л. 3–4].

На вопрос, кто заведует заведением – «сам хозяин, или члены семьи, или какой наемный уполномоченный приказчик 1 класса», наиболее часто встречаемым ответом было следующее: «В лавках работаем сами, на время нашего отсутствия работают члены семьи, муж, взрослые дети» [5, л. 3–611].

Важным был вопрос о расходах заведения на уплату жалованья в виде денежных выдач. Так, И. Давидовна ничего не израсходовала на уплату жалования, поскольку сама работала в своей лавке [5, л. 441]. Торговля была мелочной, поэтому хозяйка не нуждалась в складских помещениях. Ее общий оборот составил 200 руб. Более зажиточной была торговка Б. Шалькевич, содержавшая лавку с продажей мучных изделий собственной выпечки. Годовой оборот составил около 1200 руб. Книги по торговым делам она не вела [5, л. 449].

На вопрос, во сколько обошлось за прошлый год содержание (довольствие натурой, помещение, стол) всех вообще служащих в заведении, кроме членов семьи хозяина (в рублях по оценке хозяина), чаще всего ответ был следующим: «На это деньги не расходовались, потому что работу исполняли сами». В этой графе записывалось: «расхода не было» [5, л. 3–610].

Для вычисления доходов предприятия надо было указать оборот за предыдущий год. Для торговых предприятий, продающих товары, оборотом считается «сумма валовой годовой выручки по продаже товаров, как на наличные, так и в кредит, с включением сумм, вырученных по подрядам и поставкам и по ярмарочной торговле. Для отдельных подрядов и поставок, когда поставлялся товар не из собственного оплаченного отдельным свидетельством торгового заведения, а сумма, полученная поставщиком или подрядчиком, или причитающаяся ему за выполненный подряд. Для банкирских заведений, ссудных касс и меняльных лавок – валовая сумма всех поступлений, валовой доход, в течение года по ак-

тивным операциям, как на собственный капитал, так и на вклады и всякого рода оборотные средства по кассе (счетах и комиссионным операциям). Для бань и меблированных комнат и гостиниц – валовая выручка за весь год» [5, л. 434–435].

Так, отвечая на вопрос о прибыли, табачница И. Лидовская из д. Говейновичи Слонимского уезда указала, что ее прибыль составила 200 руб. Одновременно за годичный наем помещения для лавки она уплатила 40 руб. [5, л. 27–28]. Дятловская мещанка Ф. Шацкес, торгующая кожевными и мануфактурными товарами в розницу, на этот вопрос решила не отвечать [5, л. 463].

Плательщику предлагалось выбрать, «желает ли он, чтобы прибыль по его предприятию была определена действительно полученная и согласен ли он подтвердить ее своими торговыми книгами или нотариальными выписками из них (ст. 129 Положения.)» [5, л. 478–479]. Тут необходимо уточнить, что лавки торговков были в большинстве своем очень малы и в подавляющем большинстве никаких торговых книг не велось. Современник рубежа XIX–XX вв. А. Субботин в своих заметках о еврейском хозяйствовании констатировал незначительность торговых капиталов и, как следствие, отсутствие возможности платить за торговые документы [6, с. 74].

Гродненское губернское раскладочное по промышленному налогу присутствие гродненского губернатора по г. Гродно и Гродненскому уезду давало следующие сведения о торговых предприятиях за 1910 г.

Так, Х. Ландау из Индуры владела мелочной лавкой. Общий оборот составил 2600 руб. Заведовала заведением самостоятельно. Складов у нее не имелось. Вся лавка состояла из

«одного покоя и одного входа». Торговое предприятие относилось к 3 разряду 4 класса. Прибыль составляла 260 руб. [7, л. 6]. Гродненская мещанка Ш. Лапиду содержала магазин обоев и бумаги. В нем она работала сама, а оборот составлял 8000 руб. Торговое предприятие относилось ко 2 разряду. Прибыль составила 960 руб. [7, л. 8].

Женщины иудейки, занимались оказанием услуг по размещению путешественников. Э. Элишевич содержала в Слониме гостиницу «Метрополь». Гостиница располагалась в доме ее отца по ул. Мостовой и имела семь номеров. Всю работу по обслуживанию гостиницы выполняла хозяйка. Общий оборот гостиницы составил в 1912 г. 600 руб. У нее имелось промысловое свидетельство 3 разряда, которое стоило 15 руб. [5, л. 540–541].

Тяжелое финансовое положение основной массы евреев, проживавших в черте оседлости, сделало популярным такой вид торговли, как торговля в разнос. Именно этот вид торговли был наиболее характерным для женщин. На этот распространенный вид женской торговли указывал в своих заметках А. Субботин [6, с. 15].

Основными товарами, которые реализовывались женщинами иудейками, были чай, кофе, сахар, пряности, масло, выпечка. Эти товары отличались относительной дешевизной, удобством транспортировки, долгим сроком хранения. Женщина могла самостоятельно, не прибегая к помощи мужчины, поднимать, взвешивать, упаковывать и перемещать эти товары. Изучение Русской книги промышленности, сельского хозяйства и администрации за 1901 г., в частности сведения по Гродненской губернии, дают возможность увидеть отрасли хозяйствования, в которых трудились женщины в начале XX в.

Таблица 1 – Зарегистрированные владелицы предприятий иудейского вероисповедания в г. Гродно, г. Бресте и Гродненском и Брестском уездах в 1901 г. [8, с. 372–375]

Отрасль производства	ФИО владелицы	Расположение	Количество работников
г. Гродно, 1901 г.			
Винокуренная	Яффе Хая-Лея Фишелевна	Форштат, Хлебный переулок	7
Лесопильная	Вайнштейн Иосель Иуделевич, Хана Хацкелевна	ул. Подольная	20
Медоваренная	Гадас Хана Иоселевна, Лабенская Дина Янкелевна и наследники	ул. Замковая ул. Белостокская	2 2
Пивоваренная	Андрес Рахиль Лейбовна, Яффе Хая-Лея Фишелевна	Форштат Форштат, Хлебный переулок	5 10
Бакалея	Любич Баша	ул. Белостокская	

Продолжение таблицы 1

Отрасль производства	ФИО владелицы	Расположение	Количество работников
	Ясеновские Лейба Иоселевичи, Мерка Лейбовна	ул. Полевая	
Галантерея	Рашвам Лея Мордковна	Гостиный ряд	
	Яшунская Брайна Шеваховна	Парадная площадь	
Канцелярские принадлежности	Ионас Пеша Гиршевна	ул. Соборная	
Колониальные товары	Кауфман Малка Зискиндовна	Базарная площадь	
	Кусман Мирка Давидовна	Базарная площадь	
Лес	Вильнер Берта Шлиомовна	ул. Подольная	
Мука	Эберштейн Сора Хаимовна	ул. Белостокская	
Платье готовое	Позняк Ита-Лея Мовшовна	Парадная площадь	
	Хазан Эта Хацкелевна	Новый ряд	
Портной мастер	Закгейм Двора Мееровна	Соборная	
Посуда, свечи, мыло	Курляндская Ента Берковна	Гостиный ряд	
Сахар	Вейсбрем Анна Иуделевна	ул. Полевая	
Сукно	Закгейм Двора Мееровна	ул. Соборная	
Холст	Левен Шейна-Неха Шимелевна	ул. Мещанская	
Гродненский уезд, 1901 г.			
Медоваренная	Круснодина Хана Израилевна	м. Скидель	2
	Майзель Эстер Бениаминовна	м. Лунно	2
Аптекарских товаров	Шерешевская Старка Мовшовна	м. Скидель	
Бакалея	Бржозовская Малка Вольфовна	м. Скидель	
Мануфактурные товары	Аркин Хана Бениаминовна	м. Лунно	
	Меер Фрейда Хаимовна	м. Лунно	
г. Брест, 1901 г.			
Бакалея	Гольдберг Рохля Абрамовна	Гостиный двор	
	Розенберг Пая Шоломовна	Гостиный двор	
	Шац Хаша Шамуиловна	Гостиный двор	
	Эренберг Рейза Зельмановна	ул. Шоссейная	
Булочные	Розенбаум Рохля Мошковна	Предместье Городок, собтвенный дом	2
Галантерея	Аксельрод Хана-Цивия Геноховна	Гостиный двор	
	Вайсман Голда Абрам	Гостиный двор	
	Гольдринги Сруль Гершков, Тойба-Цивия Нусин	ул. Шоссейная	
	Калина Броха Гершк	Гостиный двор	
	Кобринские Зелик Ицкович и Бася Шебелевна	Гостиный двор	
	Пермут Мирка Лейбовна	ул. Шоссейная	
	Фестман Хая Абрамовна	Гостиный двор	
	Эйбшиц Хана-Роза Гецелевна	Гостиный двор	
Гильзы	Карабан Либа Шмулевна	ул. Медовая	
Кожа	Апель Хана Хаимовна	Гостиный двор	
	Гефен Лея Хаимовна	Гостиный двор	

Окончание таблицы 1

Отрасль производства	ФИО владелицы	Расположение	Количество работников
	Перник Рейзля Янкелевна	Гостиный двор	
	Поляк Пеша Вельвевна	Гостиный двор	
	Тененбаум Перка Цальковна	Гостиный двор	
Мануфактурные товары	Ханьская Хая-Ривка Мовшовна	ул. Тополевая	
	Мондштейн Сора Моисеевна	ул. Шоссейная	
	Рашан Фейга-Лея Шмулевна, Лондон Шахна Шмулевна	ул. Тополевая	
	Розенберг Груня Янкелевна	ул. Шоссейная	
	Соловейчики Ицко Хацкелевич, Хая Мееровна	Гостиный двор	
Мука	Вандер Песя-Перля Лейзеровна	ул. Шоссейная	
Бумага	Падва Иона-Кельман Шамшанович	ул. Полицейская	
Обувь	Берзун Лея Элиовна	Гостиный двор	
Платье готовое, шляпы	Багон Итка Мошковна	ул. Шоссейная	
	Герцман Хава Иоселевна	ул. Шоссейная	
Портной мастер	Линге Берта Густавовна	ул. Белостокская	
	Сухин Мошка Берковна	ул. Полицейская	
Сукно	Гелерштейн Хая-Сарра Ицковна	ул. Шоссейная	
Брестский уезд, 1901 г.			
Бакалея	Аппель Хана-Мария Юделевна	м. Домачево	
	Рейф Рохля-Лея Юделевна	м. Высок-Литовское	

Таблица 2 – Зарегистрированные владелицы торговых предприятий иудейского вероисповедания и самые высокие оборотные средства от них в Гродненской губернии в 1909–1910 гг. [9, л. 2–81]

ФИО	Место жительства	Сумма штрафа, рублей	Примечания
1. Глезер Хая Шимелева	м. Береза	3	
2. Шейман Сима Мовшева Шмуилова	м. Шерешево	1	
3. Кацеленбайген Итка Хая Вульфовна	м. Шерешево	1	
4. Бернштейн Зелда Менделева	Волковыский уезд.	1	Мещанка, оборот 2000 руб., прибыль 160 руб.
5. Рохкин Двейра Лейбова	г. Волковыск	2	Оборот 2500 руб., прибыль 200 руб.
6. Алкон Рохля Вольфовна	г. Гродно	50 коп./1	
7. Айзенмат Злата Мордхелевна	г. Гродно	2/10	
8. Берель Ривка Лея Шмуелевна		50 коп./3	
9. Баргер Сора Хаимовна		-	Закрылась и штрафу не подверглась
10. Гониондзская Хаша Ривка Абрамовна		1/5	
11. Гандельман Хая Шеваховна		2/5	Существовала с начала года
12. Длугач Райна Юделевна		1/1	
13. Зайдман Ревекка Мовшовна		1/1	Существуют первый год

Окончание таблицы 2

ФИО	Место жительства	Сумма штрафа, рублей	Примечания
14. Зоншайн Брайна		50 коп./1	
15. Кринская Мерим Берковна		1/5	Уменьшен вследствие старости и дряхлости владелицы
16. Каминская Ривка Лейбовна		1/2	
17. Кренкер Раша Гилеровна		25 коп./-	Уменьшен вследствие бедности
18. Каплан Гинда Фальковна		75 коп./4	
19. Каплан Гитля Хононовна		1/1	
20. Лапидус Шейна Лейбовна		2/5	
21. Лея Матна Мордхелевна	50 коп./4		
22. Дитман Ципка Мордхелевна		25 коп./1	
23. Лурье Лея Мордхелевна		1/1	
24. Малец Дора Нохмановна		2/15	
25. Мараш Эстер Самуиловна		50/1	

Заключение

Анализ архивных документов показывает, что женщины-иудейки на протяжении второй половины XIX – начала XX в. успешно интегрировались в структуру хозяйствования Гродненской губернии. Развитие и усложнение рыночных отношений и юридической базы, непростые социально-экономические условия, выразившиеся в общей бедности еврейского населения черты белорусской оседлости, содействовали трансформации гендерных стереотипов. Хозяйственная деятельность женщин-иудеек контролировалась российским законодательством. Женская хозяйственная деятельность отличалась незначительностью капиталовложений. Основной формой женской еврейской хозяйственной деятельности в Гродненской губернии была торговля. Повседневное соприкосновение с внешней средой заставляло женщин вырабатывать механизмы адаптации к социально-экономическим изменениям. Конечным итогом этих процессов становится вступление женщины во внешнюю среду в качестве полноправного субъекта хозяйственных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ульянова, Г. Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры [Электронный ресурс] / Г. Н. Ульянова // Научная электронная библиотека e-library.ru. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36479448>. – Дата доступа 07.07.2022.

2. *Бурачонок, А. В.* Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861–1914 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. В. Бурачонок ; БДУ. – Мінск, 2012. – 24 с.

3. Дело по жалобе Гродненской купчихи М. Кауфман. 1877 г. 3 л. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 15. Д. 1377.

4. *Стецкевич, П. Т.* Социально-экономическое положение еврейского населения Беларуси (конец XIX в. – 1914 г.) / П. Т. Стецкевич // Культура, наука, образование в современном мире : материалы IV Междунар. науч. конф., Гродно, 13–14 нояб. 2008 г. / ГТАУ. – Гродно, 2009. – С. 165–169.

5. Податный инспектор 1 участка Слонимского у. 1913 г. 611 л. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 307. Оп. 1. Д. 52.

6. *Субботин, А. П.* В черте еврейской оседлости: отрывки из экономических исследований в Западной и Юго-Западной России за лето 1887 г. / А. П. Субботин. – СПб. : Издательство Экономического журнала, 1890. – Вып. 2. – 240 с.

7. Гродненское губернское раскладочное по промысловому налогу присутствие гродненского губернатора, г. Гродно Гродненского у. Гродненской губ. 1910 г. 999 л. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 143. Оп. 1. Д. 21.

8. Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. 1901 год / Изд. А. С. Суворина. – СПб., 1901. – Т. 1. – 3179 с.

9. Гродненское губернское раскладочное по промысловому налогу присутствие гродненского губернатора, г. Гродно Гродненского у. Гродненской губ. 1909 г. 81 л. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 143. Оп. 1. Д. 20.

Поступила в редакцию 15.09.2022 г.

Контакты: Ermak_JG@grsu.by

(Ермак Юлия Геннадьевна)

**Yarmak Yu. G. BUSINESS ACTIVITY OF
JEWISH WOMEN IN GRODNO PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX –
EARLY XX CENTURY**

*The article examines the participation of
women of the Jewish faith in business activity in*

*the Grodno province in the second half of the XIX –
early XX century. Archival documents from the
National Historical Archive of Belarus in Grodno
are used as sources. Legal and socio-economic
conditions of activity, specialization and basic forms
of economic activity of Jewish females, everyday
practices of adaptation to socio-economic changes
are considered.*

Keywords: women of Jewish faith, business
activity, Pale of Jewish settlement, Grodno province.

УДК 343.82(476)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С. Н. Чайкин

кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

На основе изучения архивных данных исследуется процесс формирования во второй четверти XIX – начале XX в. на белорусских землях системы дисциплинарной ответственности осужденных к тюремному заключению и аресту. Оценивается значение определения взысканий для осужденных к аресту и создания системы дисциплинарных наказаний для осужденных к тюремному заключению после тюремной реформы 1879 г. Определяются результаты применения сформированной системы дисциплинарных взысканий в тюрьмах на белорусских землях в начале второго десятилетия XX в.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские земли, места лишения свободы, арестный дом, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление.

Введение

На протяжении XIX – начала XX в. как в Российской империи в целом, так и на белорусских землях происходило развитие одной из составляющих правоохранительного аппарата Российского государства – уголовно-исполнительной, или пенитенциарной, системы. Приоритетным направлением ее деятельности стало обеспечение установленного законодательством Российской империи порядка исполнения наказания в виде лишения свободы. Одним из средств обеспечения установленного режима отбывания наказания в XIX – начале XX в., наряду с осуществлением надзора за заключенными, явилось применение к осужденным мер дисциплинарной ответственности за нарушение ими режима отбывания наказания. Формированию системы дисциплинарной ответственности осужденных были посвящены работы дореволюционных (С. К. Гогеля, Н. Ф. Лучинского, С. В. Поздышева), советских (М. Н. Гернета) и современных (В. Н. Андреева, М. Г. Деткова, И. В. Упорова) российских историков. В то же время исследований на тему развития и применения мер дисциплинарной ответственности заключенных в местах лишения свободы на белорусских землях до настоящего времени не осуществлялось.

© Чайкин С. Н., 2023

Основная часть

Необходимость развития системы мер дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы для обеспечения правопорядка в тюрьмах была определена еще в 1819 г. общероссийской благотворительной организацией – «Обществом попечительным о тюрьмах». В учредительном документе «Общества» – «Правилах для попечительного общества о тюрьмах» отмечалось, что одним из важнейших средств исправления преступников являлось «заключение буйных и ожесточенных арестантов на хлеб и воду в уединенные места, где они подвергались самому ужасному наказанию – своим собственным размышлениям» [1, с. 310]. Идеи «Общества» о приоритете морального воздействия над физическим при назначении осужденным дисциплинарных наказаний обусловили смягчение мер дисциплинарной ответственности мнением Государственного совета от 20 марта 1826 г., которым исключалось причинявшее осужденным физические страдания наказание в виде приковывания их шейной цепью к деревянной колоде, «стулу», «с воспрещением изобретать впредь что-либо подобное» [2, с. 297].

В отличие от большинства губерний Российской империи, где пенитенциарную систему наряду с тюрьмами представляли арестантские роты гражданского ведомства, а также смирительные и рабочие дома, на белорусских землях до конца XIX в. основными местами заключения оставались тюрьмы. Однако в связи с незначительной ролью в первой половине XIX в. тюремного заключения среди уголовных наказаний Российской империи система дисциплинарной ответственности для осужденных в тюрьмах до конца XIX в. пенитенциарным законодательством определена не была. «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. и «Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. для осужденных к тюремному заключению определялось всего два вида наказания – «за буйное поведение и непослушание» (за-

ключение в карцер сроком от одного до шести дней) а за побег из-под стражи – содержание на хлебе и воде сроком до трех дней [3, л. 6; 4, с. 385]. При этом с целью недопущения произвола местной администрации при назначении осужденным взысканий тюремное законодательство определяло, что «никто не должен осмеливаться изобретать иные способы наказания» [4, с. 385]. В то же время даже воинские дисциплинарные уставы Российской империи предусматривали наложение на нижних воинских чинов взысканий в виде ареста сроком до одного месяца либо наказания их розгами в количестве до пятидесяти ударов, а системы дисциплинарных взысканий для осужденных к отдаче в арестантские роты гражданского ведомства и в рабочие дома – в виде наказания розгами от 10 до 100 ударов [5, с. 1024; 6, с. 1031]. В результате отсутствие системы дисциплинарной ответственности для заключенных в тюрьмах Российского государства способствовало многочисленным нарушениям осужденными режима содержания этих учреждений, в первую очередь – использованию в тюрьмах запрещенных предметов, в том числе и для совершения побегов.

Недостаточным для назначения наказания соразмерно тяжести совершенных заключенными проступков был и перечень дисциплинарных взысканий, определенных для осужденных к аресту. В соответствии с утвержденным 4 июля 1866 г. мнением Государственного совета «О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей», учреждавшим создание в Российской империи новых мест лишения свободы – арестных домов, предназначенных для исполнения соответствующего уголовного наказания, назначавшегося на срок не более трех месяцев, «за неисполнение установленных правил виновные подвергались выговору, денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей или заключению в комнате без света на время не свыше суток» [7, с. 878].

К концу 1870-х гг. правовые нормы, регламентировавшие дисциплинарную ответственность осужденных в тюрьмах на белорусских землях, уже не соответствовали возросшей роли тюремного заключения в системе уголовных наказаний Российского государства и росту численности заключенных в тюрьмах. После тюремной реформы 1879 г. с учреждением в составе Министерства внутренних дел центрального органа управления пенитенциарной системой Российской империи – Глав-

ного тюремного управления, одновременно с усилением надзора за заключенными для обеспечения надлежащего порядка отбывания ими наказания дальнейшее развитие получило и формирование системы дисциплинарной ответственности осужденных.

Во исполнение распоряжения Государственного совета от 25 июня 1873 г. «О применении к девяти губерниям Западного края временных правил от 4 июля 1866 г.» до конца 1880-х гг. на белорусских землях было учреждено 30 арестных домов. В связи с формированием системы этих учреждений в Российской империи и необходимостью обеспечения в них правопорядка в 1896 г. ГТУ было предписано принять к исполнению всеми арестными домами Российской империи «Инструкцию об управлении арестными домами Саратовской губернии», в соответствии с которой перечень взысканий для содержащихся в них осужденных был дополнен «лишением прогулок на определенное время, лишением на время свиданий с родственниками и лишением права на зачет произведенной арестантом работы» [8, с. 192].

Однако в наибольшей степени был расширен перечень дисциплинарных взысканий для осужденных к тюремному заключению. В соответствии с мнением Государственного совета от 23 мая 1901 г. «Об изменении постановлений о дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей в тюрьмах и исправительных арестантских отделениях и предупреждении побегов арестантов» в качестве взысканий для заключенных были определены: выговор (наедине или в присутствии других осужденных), лишение на срок не свыше одного месяца права чтения, переписки либо свиданий, запрет на срок не свыше одного месяца приобретать на собственные средства съестные припасы, лишение на срок не свыше одного месяца права распоряжаться половиною заработанных денег, лишение на срок до двух месяцев заработка и «уменьшение пищи до оставления на хлебе и воде» на срок не свыше трех дней. В случае совершения заключенными более тяжких нарушений, например «упорного неповиновения или буйства», к ним могли применяться взыскания в виде ареста в светлом карцере на срок не свыше одной недели и ареста в темном карцере на срок не свыше одной недели с переводом в светлый карцер через трое суток [9, с. 380; 10, с. 226].

Начальникам тюрем предоставлялось право одновременно налагать на осужденных несколько взысканий, однако вместе с тем было

смягчено наказание в виде водворения в карцер. Если пенитенциарное законодательство XIX в. предоставляло тюремной администрации возможность содержать заключенного в темноте «на хлебе и воде» в течение всего срока наказания карцером (до шести дней), то после выхода закона от 23 мая 1901 г. в темном карцере, где осужденный спал на голых досках, а из пищи получал лишь хлеб и воду, он мог содержаться не более трех дней, после чего тюремная администрация обязана была перевести заключенного в светлый карцер, где ему предоставлялась постель и горячая пища [9, с. 381]. Этим же законом запрещалось заковывание осужденных к тюремному заключению в кандалы, которое не столько предотвращало совершение заключенными побегов, сколько «лишало арестантов спокойного сна и причиняло им физические страдания» [9, с. 381, 10, с. 224].

В целом система дисциплинарных взысканий, определенная для заключенных законом от 23 мая 1901 г., была менее жесткой, чем большинство таких систем, предусмотренных пенитенциарным законодательством Западной Европы [11, с. 43]. В начале XX в. срок наказания заключенных в карцере «на хлебе и воде» в Дании достигал 15 суток, а в Бельгии – 30 суток [12, с. 561; 13, с. 86]. В тюрьмах Франции даже несовершеннолетние осужденные могли быть подвергнуты взысканию в виде заключения в темном карцере на срок до трех месяцев «с оставлением в течение всего срока заключения на хлебе и воде без постельных принадлежностей» [14, с. 61]. Система дисциплинарных взысканий для осужденных в Голландии включала в себя такие наказания, как перевод заключенного на довольствие в виде «хлеба и воды» сроком до четырех недель (с выдачей через каждые два дня горячей пищи), заключение в карцер на срок до четырех недель и «заключение на такой же срок в окошь» [15, с. 585]. В Австро-Венгрии в перечень дисциплинарных взысканий для заключенных входило «наложение кандалов сроком до трех месяцев» [16, с. 1006]. В Англии в качестве наиболее строгих взысканий для осужденных к тюремному заключению были определены заключение в карцер на срок до 14 суток и телесные наказания – до 24 ударов розгами или до 18 ударов плетью [17, с. 349, 357].

Определение системы дисциплинарных взысканий позволяло более дифференцированно налагать их на заключенных с учетом тяжести совершенных ими проступков. Вместе с тем практическое применение нового

закона существенно ограничивалось социальным составом осужденных. Малограмотность большинства осужденных не позволяла применять к ним лишение права чтения либо переписки, а отсутствие у большинства ранее судимых заключенных устойчивых социальных связей делало неэффективным наложение на них взыскания в виде лишения права свидания. В связи с отсутствием возможности организовать в переполненных тюрьмах «арестантские работы» зачастую невозможно было и применение к осужденным лишения права распоряжения заработанными деньгами. В итоге основным видом применяемых к заключенным взысканий с конца первого десятилетия XX в. стало заключение их в карцер.

Однако в начале XX в. это взыскание еще не получило распространения в связи с отсутствием во многих переполненных тюрьмах мест для устройства необходимого количества карцеров. Как отмечалось в 1906 г. чиновниками ГТУ, «наказание карцером не обладает достаточной репрессивностью, так как фактически неосуществимо из-за недостатка соответствующих помещений» [18, с. 267]. В тех же тюрьмах, где карцеры имелись, они зачастую не были приспособлены для содержания арестантов из-за сырости и отсутствия вентиляции, в связи с чем администрация мест лишения свободы на белорусских землях вынуждена была переводить наказанных арестантов из карцеров в одиночные камеры [19, л. 268]. Показателем ограниченного применения «наказания карцером» могут служить события, происходившие в феврале 1904 г. в Витебской тюрьме, когда после водворения в карцер за оскорбление надзирателя двух осужденных все содержащиеся в тюрьме политические заключенные объявили голодовку, заявив, что взыскание в виде водворения в карцер «является слишком строгим и до этого времени в тюрьме никогда не применялось» [19, л. 68]. Ограничили применение заключения в карцер и революционные события 1905–1907 гг. в связи с нежеланием тюремной администрации провоцировать в местах лишения свободы массовые беспорядки. Например, 20 февраля 1907 г. в Минской тюрьме 120 «общуголовных арестантов» с целью совершения побега выломали двери камер и выбежали в тюремный коридор, однако после водворения их в камеры ни один из участников беспорядков не был помещен в карцер и все нарушители были лишены свиданий сроком до двух недель [20, с. 192].

Тем не менее к началу второго десятилетия XX в. большинство тюрем Российской империи было оборудовано необходимым количеством карцеров, а наказание в виде водворения в них стало преобладающим в системе дисциплинарных взысканий заключенных и на белорусских землях. Например, из 231 взыскания, наложенных за 4 месяца 1911 г. на заключенных в тюрьмах Витебской губернии, наказание в виде водворения в карцер было применено в 156 случаях, при этом 70 взысканий было назначено на максимально предусмотренный срок продолжительностью 7 суток [21, л. 23]. Преобладание заключения в карцер в системе дисциплинарных взысканий привело к тому, что иногда это наказание назначалось без учета тяжести совершенных заключенными нарушений, например, «за нахождение возле окна камеры», «за требование улучшения пищи», «за смех во время проверки» либо «за прыжки через станки в сапожной мастерской» [21, л. 35].

Однако в основном в тюрьмах на белорусских землях в начале второго десятилетия XX в. осужденные водворялись в карцер за грубые нарушения тюремного режима. Из 156 наложенных в 1911 г. на заключенных Витебской губернии взысканий в виде водворения в карцер 35 осужденных было подвергнуто этому взысканию за отказ от работы, 31 – за неповиновение тюремным надзирателям и оскорбление тюремных служащих, 26 – за нарушение тюремного распорядка, 17 – за хранение запрещенных предметов, 13 – за порчу тюремного имущества, 11 – за драки с другими заключенными и причинение им побоев, 8 – за игру в карты и другие азартные игры и 4 – за кражу тюремного имущества [21, л. 26]. Из 27 взысканий, наложенных на осужденных Витебской тюрьмы за май 1914 г., 26 взысканий составили водворение в карцер, из них 10 взысканий было наложено за причинение побоев заключенным, 5 – за неповиновение тюремным служащим, 4 – за хранение запрещенных предметов, 4 – за игру в карты и 3 – за отказ от работы [22, л. 91]. В тюрьмах Минской губернии водворение в карцер в основном также применялось за совершение осужденными проступков, существенно нарушавших режим содержания – за изготовление и хранение холодного оружия, за причинение заключенным побоев либо за невыполнение осужденными требований тюремной администрации [23, л. 8]. В Гродненской тюрьме водворению в темный карцер подлежали также все осужден-

ные, отказавшиеся от работы [24, л. 90, 119].

Вместе с тем, несмотря на широкое применение наказания в виде водворения в карцер, условия отбывания этого наказания, определяемого законом как наиболее тяжкое взыскание, существенных ограничений для заключенных не устанавливали и практически не отличались от отбывания наказания в тюремной камере. Обеспечение водворенных в карцер осужденных пищей осуществлялось на общих основаниях с другими заключенными, а к обязательному труду заключенные в карцер не привлекались. К началу второго десятилетия XX в. для улучшения условий содержания осужденных в карцерах ГТУ были организованы проверки их санитарного состояния, в ходе которых тюремными инспекторами выявлялись факты содержания арестантов в карцерах, неотапливаемых зимой, отчего осужденные отмораживали ноги, случаи водворения в карцер нескольких арестантов, оставляемых затем без надзора, либо факты содержания в карцерах осужденных, больных туберкулезом, отчего здоровье их еще более ухудшалось. Выявлены были такие нарушения и на белорусских землях. Например, было установлено, что в Бобруйской, Борисовской и Новогрудской тюрьмах в карцерах «от постоянной сырости вывалились кирпичи, а стены поддавались разрушению от простого гвоздя» [25, л. 5]. 16 сентября 1911 г. был издан циркуляр, которым предписывалось обеспечить все карцеры надлежащей вентиляцией и отоплением, запретить содержание в них нескольких осужденных и установить возле карцеров круглосуточные надзирательские посты, а губернским тюремным инспекциям предписывалось провести проверки санитарного состояния карцеров подведомственных им тюрем [26, с. 223]. При выявлении нарушений правил содержания осужденных в карцерах начальники тюрем привлекались к дисциплинарной ответственности, а использование карцеров в таких тюрьмах запрещалось. Осуществлялись такие проверки и на белорусских землях. Например, в 1913 г. в Минской губернии, по результатам проверки состояние карцеров большинства тюрем было признано удовлетворительным [25, л. 95].

В то же время, несмотря на преобладание в практике применения дисциплинарных взысканий заключения в карцер, определение системы взысканий позволило применять к заключенным и другие виды наказаний. Например, из 231 взыскания, наложенного на

заклученных Витебской губернии за 4 месяца 1911 г., 37 взысканий составили «лишение переписки и права на передачу провизии», 35 взысканий – «лишение права приобретать на собственные средства съестные припасы», 2 взыскания – лишение свиданий, переписки, передач сроком на месяц и одно взыскание – лишение прогулки на сутки [21, л. 23]. В Гродненской губернии на заключенных также налагались взыскания в виде «лишения заработка за два прошлых месяца» и «воспрещения в течение месяца приобретать на собственные средства съестные припасы» [24, л. 90]. В итоге расширение перечня дисциплинарных взысканий для осужденных к тюремному заключению предоставляло возможность руководству местами лишения свободы не применять к заключенным наказания в виде водворения в карцер в случаях совершения ими незначительных нарушений тюремного режима.

Заключение

Таким образом, на протяжении XIX – начала XX в. одним из средств обеспечения установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы в Российской империи являлось привлечение осужденных к дисциплинарной ответственности. Однако в связи с незначительной ролью в первой половине XIX в. в системе уголовных наказаний тюремного заключения система дисциплинарной ответственности для осужденных в тюрьмах, являвшихся на белорусских землях основными местами заключения, до конца XIX в. определена не была, недостаточным для обеспечения порядка отбывания наказания оставался и перечень дисциплинарных взысканий, определенных для осужденных к аресту, что способствовало совершению заключенными нарушений режима содержания в местах лишения свободы. После тюремной реформы 1879 г. формирование системы дисциплинарной ответственности осужденных получило дальнейшее развитие. Был расширен перечень взысканий для осужденных к аресту и создана система дисциплинарных взысканий для осужденных к тюремному заключению, основным из которых к концу первого десятилетия XX в. на белорусских землях стало заключение в карцер, применявшееся за грубые нарушения тюремного режима. В результате расширения перечня дисциплинарных взысканий для осужденных к тюремному заключению позволило более дифференцированно налагать их на заключенных – с учетом тяжести

совершенных ими проступков, что не только способствовало обеспечению правопорядка в региональных тюрьмах, но и предоставляло возможность руководству местами лишения свободы не применять к заключенным тяжкие дисциплинарные наказания в случаях совершения ими незначительных нарушений установленного порядка отбывания наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах : Высочайше утвержденный доклад министра Духовных дел и народного просвещения, 19 июля 1819 г., № 27895 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. – СПб., 1930. – Т. 36 : 1819. – С. 306–314.
2. Об истреблении стульев с цепями в полицейских местах, и о воспрещении изобретать впредь что-либо подобное : мнение Гос. Совета, 20 марта 1826 г., № 198 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1830. – Т. 1, отд. 1. – С. 297.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2.
4. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1836 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – Т. 14 : Уставы благочиния. – 1325 с.
5. Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства : мнение Гос. совета, 15 авг. 1845 г., № 19285 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1845. – Т. 20, отд. 1. – С. 1016–1027.
6. Об утверждении дополнительных правил к «Уставу о содержащихся под стражею» : именной указ Сенату, 15 авг. 1845 г., № 19286 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1845. – Т. 20, отд. 1. – С. 1027–1034.
7. О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей : мнение Гос. совета, 4 июля 1866 г., № 43458 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1868. – Т. 41, отд. 1. – С. 876–879.
8. Инструкция об управлении арестными домами Саратовской губернии, составленная в развитие «Правил о помещениях для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» // Тюр. вестн. – 1896. – № 3. – С. 186–196.
9. Об изменении постановлений о дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей в тюрьмах и исправительных арестантских отделениях и о предупреждении побега арестантов : мнение Гос. совета, 23 мая 1901 г., № 20121 // Полное собрание законов Российской

- империи. Собр. 3 : в 33 т. – СПб., 1903. – Т. 21, отд. 1. – С. 380–381.
10. К новому закону о дисциплинарной ответственности содержащихся в тюрьмах и исправительных арестантских отделениях и о предупреждении побега арестантов // Тюрем. вестн. – 1901. – № 5. – С. 220–233.
11. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. // Тюрем. вестн. – 1911. – № 4–5. – С. 1–141.
12. Гоос, А. Тюремные учреждения в Дании / А. Гоос // Тюрем. вестн. – 1896. – № 10. – С. 556–563.
13. Отчет о современном состоянии тюремной части в Бельгии (составленный центральным тюремным управлением) // Тюрем. вестн. – 1901. – № 2. – С. 80–97.
14. Из отчета по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюрем. вестн. – 1910. – № 2. – С. 1–145.
15. **Борткевич, Я. П.** Тюремное дело в Голландии / Я. П. Борткевич // Тюрем. вестн. – 1906. – № 8. – С. 579–596.
16. **Пушкина, В.** Тюремное дело в Австро-Венгрии / В. Пушкина // Тюрем. вестн. – 1909. – № 10. – С. 974–1017.
17. Тюрьмы Англии и Валлиса и их статистика за 1907–1908 г. // Тюрем. вестн. – 1909. – № 3. – С. 334–358.
18. **Лучинский, Н. Ф.** Меры по упорядочиванию тюремного строя в Империи / Н. Ф. Лучинский // Тюрем. вестн. – 1906. – № 4. – С. 250–289.
19. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53590.
20. Сообщения осведомительного бюро // Тюрем. вестн. – 1907. – № 3. – С. 186–194.
21. НИАБ. – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 52.
22. НИАБ. – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 342.
23. НИАБ. – Ф. 303. Оп. 1. Д. 45.
24. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно – Ф. 548. Оп. 1. Д. 22.
25. НИАБ. – Ф. 303. Оп. 1. Д. 44.
26. **Познышев, С. В.** Очерки тюремоведения / С. В. Познышев. – М. : Изд. Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. – 296 с.

Поступила в редакцию 11.02.2022 г.

Контакты: chaikina9@gmail.com

(Чайкин Сергей Николаевич)

Chaikin S. N. FORMATION OF SYSTEM OF DISCIPLINARY SANCTIONS FOR PRISONERS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND QUARTER OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Based on the study of archival data, the process of forming a system of disciplinary liability of convicted and arrested persons on Belarusian lands in the second quarter of the XIX – early XX century is investigated. The importance of developing the system of disciplinary liability for arrested persons and creating the system of disciplinary sanctions for imprisoned persons after the prison reform of 1879 is assessed. The results of the application of the formed system of disciplinary sanctions in prisons on Belarusian lands at the beginning of the second decade of the XX century are determined.

Keywords: the Russian Empire, Belarusian lands, prison system, arrest house, prison reform of 1879, General Directorate of the Corps of Prison.

Г. К. КРЕЙЕР: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

А. С. Мельникова

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается деятельность представителя российской интеллигенции начала XX в. Георгия Карловича Крейера. В Могилевской губернии он занимался научными исследованиями в области луговодства и болотоведения. Благодаря теоретической и практической деятельности ученого был внесен значимый вклад в развитие лекарственного растениеводства. Весной–летом 1917 г. Г. К. Крейер активно проявил себя на общественно-политическом поприще, входил в состав могилевской организации общероссийской партии народных социалистов, различных общественных организаций. После установления советской власти занимался научной и просветительской деятельностью.

Ключевые слова: Г. К. Крейер, ученый, общественно-политический деятель, народные социалисты, трудовики, партия, идеология, тактика, социализм, просветительская деятельность, революция, эволюция.

Введение

В современной исторической науке наблюдается значительное внимание к представителям интеллигенции, которые сыграли определенную роль в политических, социальных и культурных преобразованиях, происходивших в России и Беларуси в начале XX ст. Изучение воззрений и практики деятелей данного периода способствует углублению представления о сложном и переломном периоде исторического развития, помогает приблизиться к пониманию его специфики, используя накопленный нашими предшественниками опыт в современности. Появление на страницах научных работ незаслуженно забытых имен прошлого становится тенденцией исторической науки. К числу таких имен относится Георгий Карлович Крейер – общественно-политический деятель, ученый, публицист, важная часть жизненного пути и деятельности которого связаны с территорией Беларуси. В условиях глобальных перемен, происходивших в начале прошлого столетия, ему, как и другим представителям интеллектуальной элиты, пришлось делать

выбор поведенческой стратегии. Г. К. Крейер относился к той части интеллигенции, которая являлась сторонницей мирных, эволюционных преобразований государства и общества, поэтому в условиях февральских революционных перемен 1917 года отдал предпочтение умеренным программным установкам и тактике общероссийской неонароднической партии народных социалистов (энесов). События осени 1917 г. вновь заставили его делать сложный выбор. После некоторых колебаний он стал на путь взаимодействия с советской властью. Значительную часть своей жизни Г. К. Крейер посвятил науке. Он внес достойный вклад в изучение лекарственных растений. Стремясь к популяризации научных знаний среди населения, ученый осуществлял разностороннюю просветительскую деятельность.

Основная часть

Георгий Карлович Крейер родился 26 ноября 1887 г. в городе Санкт-Петербурге. Отец его был латышом по национальности, работал по найму и занимался полеводством в небольшом имении в Средней России. Именно он привил любовь к растениям своему сыну. Мать, русская по национальности, происходила из крепостных крестьян. Своему сыну родители смогли дать достойное образование. После окончания гимназии в Петербурге, Георгий Карлович поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Сложное материальное положение вынуждало молодого человека искать источники заработка. В годы учебы он давал частные уроки, до окончания университета поступил на службу по ведомству земледелия. Склонность к научной работе проявилась у будущего ученого в студенческие годы. В университете Георгий Карлович принимал активное участие в качестве секретаря в работе студенческого ботанического кружка, которым руководил В. Л. Комаров. Увлечшись лихенологией, Георгий Карлович начал работать в Петербургском Ботаническом саду под руководством А. А. Еленкина.

За время работы выделил и описал несколько подвидов и форм лишайников [1].

С 1913 г. Георгий Карлович начал работать в Беларуси, где вел научно-исследовательскую деятельность по луговодству и болотоведению. Результатом его исследований стал труд «Луга и болота реки Лахвы». С 1916 г. Г. К. Крейер стал заниматься вопросами лекарственного растениеводства [2]. В этом же году он организовал в городе Могилеве плантацию лекарственных растений [1]. Георгий Карлович стремился к созданию Естественно-исторического и Сельскохозяйственного музея, где будет представлен весь собранный им материал: образцы цветковых растений, мхов, лишайников [2, с. 25].

События Февральской революции 1917 г., ставшей началом демократических преобразований в России, сподвигли Георгия Карловича проявить себя на общественно-политическом поприще. В тот период времени в России и Беларуси возникло множество политических партий и организаций, возрождались и ранее созданные партии. Каждая из них стремилась предложить собственную концепцию будущего государственного устройства, а также стратегию ее практической реализации: от умеренной до радикальной. Умеренную позицию занимали трудовики и народные социалисты (энесы). Становление Трудовой группы (с апреля 1917 г. – партии) и Народно-социалистической партии (народные социалисты, энесы) пришлось на революционные события 1905–1907 гг. Однако до весны 1917 г., как и другие левые партии, они не могли в полной мере осуществлять партийную работу. В июне 1917 г. трудовики и энесы объединились в единую Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП). В принятии данного решения участвовали и представители регионов, которые поддержали позицию центральных партийных органов, считавших, что объединенная партия сможет пополнить численный состав, укрепить кадровый потенциал, а также усилить агитационную работу среди населения [3, с. 124].

ТНСП объединила в своих рядах сторонников социализма. Однако, провозглашая свою партию социалистической, объявляя социализм своим идеалом, энесы тем не менее не имели цельной законченной концепции социализма [4, с. 7]. Данная тенденция была характерна для всех социалистических партий того периода. Энесы предложили либерально-демократический вариант государственного

и общественного устройства. Они выступали за полное равноправие всех граждан перед законом, установление свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижений, неприкосновенности личности, жилища и переписки, права обращений населения к власти в форме петиций. Также они требовали совершенствования судебной системы, отмены смертной казни и исключительных законов. Местные и областные органы власти предполагалось строить на широкой демократической основе земского, городского и сельского самоуправления. В области аграрной политики энесы предложили населению проект национализации земельного фонда с последующим предоставлением земельных наделов трудящимся по трудовой либо потребительской норме (в зависимости от региональной специфики). Управление национализированным земельным фондом должны были обеспечить государственные органы местного самоуправления. Сельскохозяйственным труженикам энесы обещали всестороннюю государственную поддержку.

Национальный вопрос народные социалисты предпочитали обсуждать очень осторожно. Приоритет государственной целостности они ставили выше требований отдельных национальностей на полную независимость. По их мнению, в местах компактного проживания национальных меньшинств должна быть установлена национально-областная и областная автономия [5, с. 450].

Георгий Карлович Крейер придерживался убеждения, что Февральская революция 1917 г. предоставила обществу уникальный шанс принять активное участие в деле строительства демократического строя. Для этого нужно полностью отдать себя повседневной работе в органах местного самоуправления, различных общественных организациях. Вместе с тем он считал, что глубокие социальные реформы в условиях военного времени не являются своевременными, так как значительная часть населения занята на фронте. Для проведения преобразований необходимо услышать мнение большинства населения, которое должно донести его посредством представительства на Учредительном собрании. Последнее должно определить форму государственности, систему власти, основные направления преобразований в социально-экономической и культурной сфере. При этом ко времени созыва представительного органа необходимо провести серьезную подготовку

тельную работу по систематизации всех необходимых сведений, которые составят основу будущего демократического законодательства.

Стремясь проявить себя в революционных преобразованиях и расширить свое влияние на население, лидеры ТНСП принимали участие в работе различных государственных и общественных структур. Большое значение они придавали выборам в муниципальные органы [6, с. 166]. Следовать их примеру лидеры ТНСП призывали и региональных функционеров.

Г. К. Крейер выдвинул свою кандидатуру на выборах в Могилевскую городскую думу. Всего на муниципальных выборах в Могилеве, проходивших летом 1917 г., конкурировало 20 списков [7, л. 44]. Список под номером 5, в который входил Георгий Карлович, состоял из представителей профессиональных союзов служащих в земских и общественных учреждениях города Могилева. Представленная избирателям программа предусматривала передачу в ведение города государственного квартирного налога и части подоходного налога, увеличение налогов с предметов роскоши, установление конструктивных взаимоотношений между земством и городом в области налогообложения вследствие выделения города Могилева в самостоятельную земскую единицу, облегчение налогового бремени для малоимущих категорий населения [8, с. 3]. Несмотря на довольно широкую известность, победу на выборах Г. К. Крейер не одержал. Однако это обстоятельство его не сломило, и Георгий Карлович продолжил на различного рода мероприятиях транслировать программные установки партии энесов широкой общественности, сопровождая их личными комментариями.

Значимое внимание Георгий Карлович в своих выступлениях уделял вопросу ведения войны. Он поддерживал мнение идеологов партии энесов о том, что войну необходимо вести до победного конца. Размышляя о введении смертной казни на фронте, Г. К. Крейер обосновывал целесообразность данной меры тяжелым положением в армии, подчеркивая, что в условиях разложения армии и тыла, низкого уровня образованности и просвещенности русского солдата не существует альтернативного и более эффективного способа повысить армейскую боеспособность. Он приводил факты преступной деятельности военнослужащих, имеющую явный характер измены родине, и отмечал, что только смертная казнь способна бороться с данным явлением. При этом Г. К. Крейер заявлял, что Вре-

менному правительству следует использовать смертную казнь лишь в исключительных случаях – для искоренения наиболее негативных явлений в армии [9, с. 30].

На общем собрании Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов 22 августа 1917 г. Георгий Карлович при обсуждении вопроса об отношении к смертной казни предложил резолюцию следующего содержания: «Общее собрание Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов, обсудив вопрос об отношении к смертной казни... постановило: принципиально протестовать против смертной казни, как затемняющей идею социализма, соглашаясь, однако, с Временным правительством на восстановление этой меры в целях предупреждения и пресечения зла, носящего характер измены родине, полагая при этом, что Временное правительство будет пользоваться этой ужасной мерой лишь в исключительных случаях, доколе волей и сознанием народа в тылу и в армии не возродятся прочные устои революционной дисциплины и порядка» [10, с. 3].

Данная резолюция нашла поддержку только двух участников собрания и была отклонена [11, л. 92]. Ее автор столкнулся с острой критикой со стороны оппонентов, получил обидное прозвище «лояльный земец» и вынужден был оправдываться посредством открытого письма в печатном органе «Могилевская жизнь», где он отметил, что «можно быть принципиальным противником смертной казни с любых точек зрения, но следует признавать ее как меру, способную предотвратить и пресечь преступность, имеющую явный характер измены родине, выходя при этом, конечно, за пределы узкопартийных и классовых взглядов. Смертная казнь, принципиально отрицаемая по обстоятельствам момента, пока восстановится у граждан чувство государственности и патриотизма и, главное, пока в армии и тылу не восстановится более или менее нормальный порядок, взаимное понимание и уважение, которое должно быть также основой взаимоотношений офицера и солдата, подчиняющего и подчиненного, но которое пока не нарождается. Смертная казнь нужна не для тех, кто похитил 15 яблок и не для тех дивизий, которые бежали от Рижского фронта, а для тех немногих, кто мог оказаться виновником неоправдываемого всякий раз бегства и которые являются первоисточником зла нашей действительности и язвой гибнущей родины» [12, с. 3].

Ученый с горечью наблюдал за ситуацией в стране, углублением политического кризиса, осложнением экономической ситуации, падением уровня жизни населения. Волновала его и эпидемиологическая обстановка.

Рост влияния партии большевиков и их решительное поведение воспринимались им как угроза срыва мирного легального пути выхода страны из кризиса. События осени 1917 г. и приход к власти большевиков были восприняты Георгием Карловичем негативно. Он вошел в состав Комитета общественной безопасности при губернском комиссариате, решение о создании которого было принято на чрезвычайном совещании демократических организаций города Могилева 26 октября 1917 г. [13, с. 58].

Г. К. Крейер стал очевидцем проигрыша партии энесов на выборах в Учредительное собрание, постепенного угасания и распада региональных партийных организаций. Документы свидетельствуют, что региональные функционеры с неодобрением смотрели на деятельность большевиков. Особенно негативную реакцию вызвали условия Брестского мирного договора. Однако постепенно представители местных отделов ТНСП на территории Беларуси стали адаптироваться к новым политическим реалиям. Кризисная ситуация вынуждала их пересмотреть свои политические убеждения и уделить серьезное внимание работе по выводу страны из экономической разрухи. Аналогичных взглядов придерживался и Г. К. Крейер, который понимал, что его знания и навыки могут быть востребованы в сложившейся ситуации. Свою нишу он нашел в научной и просветительской деятельности. К примеру, Георгий Карлович принял участие в создании летних учительских курсов, поддержав решение Бюро Могилевского губернского комитета по народному образованию, принятое в начале лета 1918 г. Следует отметить, что к работе на летних курсах были привлечены исключительно профессионалы своего дела. Так, в числе лекторов был В. Н. Тычинин, директор Могилевского учительского института. В рамках курсов Георгию Карловичу предстояло освещать тему «Ботаника и культура лекарственных растений» [14, л. 47].

Г. К. Крейер неоднократно оказывал консультативную помощь медицинским учреждениям и заготовительным организациям по вопросам изучения и сбора дикорастущих лекарственных растений. Свои знания и любовь к лекарственным растениям Георгий Карлович

стремился передать всем заинтересованным лицам. Ученый публиковал статьи, рассчитанные и на детскую аудиторию. Занимательные названия статей активизировали познавательный интерес подрастающего поколения к лекарственным растениям («Аптека под ногами», «Витамины», «Духи в растениях») [1].

Несмотря на значительные трудности, Г. К. Крейер активно занимался научной деятельностью. Он уделял огромное внимание агротехнике возделывания лекарственных растений, в том числе применению удобрений, а также вопросам селекции, семеноводства и интродукции лекарственных культур. Одновременно он продолжал работать над изучением лекарственных растений.

С 1926 г. Г. К. Крейер работал во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур (впоследствии – Всесоюзном институте растениеводства), принимал участие во всесоюзных научных мероприятиях, различных исследовательских экспедициях.

В 1930 г. плантация лекарственных растений, организованная Георгием Карловичем в Могилеве, была преобразована в Опытную Станцию. Ученый продолжал уделять внимание ее работе. Учитывая важность лекарственного растениеводства, Г. К. Крейер постоянно стремился к расширению круга работ и сферы деятельности Опытной Станции. К территории Станции, где проводились опыты на белорусских лессовидных суглинках, было присоединено расположенное за Днепром на торфяных и легких супесчаных почвах хозяйство «Давыдовка». К лекарственному растениеводству привлекались совхозы и колхозы.

Жизнь Г. К. Крейера закончилась трагически. Находясь в блокадном Ленинграде, он вступил в ряды бойцов противовоздушной и противохимической обороны, выступал перед ранеными бойцами в госпиталях. Голод и тяжелые лишения блокадной жизни переносил с достоинством. Умер Георгий Карлович 11 января 1942 г. от дистрофии [1].

Заключение

Георгий Карлович Крейер относится к числу незаслуженно забытых имен представителей интеллигенции, внесших вклад в развитие научных исследований на территории Беларуси в начале прошлого столетия. Его жизнь пришлась на период революционных и военных потрясений, однако он остался сторонником легального действия, противником разного рода радикализма. Наиболее близкой

по идейным воззрениям и тактике ему стала партия народных социалистов (энесов), которая в условиях Февральской революции 1917 г. попыталась приобрести широкое влияние на общественное сознание. Однако Георгию Карловичу на собственном примере пришлось убедиться в неготовности основной массы населения Беларуси к восприятию энесовских постулатов. Приход большевиков к власти он вслед за лидерами ТНСП воспринял отрицательно. Однако в борьбе с новой властью не участвовал, а со временем сумел принять советскую действительность, заметно проявив себя на научном и просветительском поприще. На сегодняшний день многие стороны биографии Георгия Карловича еще не раскрыты и нуждаются в дальнейшем изучении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крейер Георгий Карлович / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vir.nw.ru/biography/kreier.htm>. – Дата доступа : 06.02.2022.
2. **Крейер, Г. К.** Осведомительный отчет о ботанических работах в Могилевской губернии в 1915 и 1916 гг. / Г. К. Крейер. – Могилев : Типо-лит. Могил. губ. земства, 1917. – 26 с.
3. **Мельникова, А. С.** Политика Временного правительства в оценках представителей Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси / А. С. Мельникова // 1917 год у гістарычных лёсах Беларусі : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 30 лістап. – 1 снежня 2017 г. / БДУ ; рэдкал.: А. Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2017. – С. 124–127.
4. **Емельянов, Е. В.** Социально-политический идеал народных социалистов (1906–1920 гг.) / Е. В. Емельянов. – М. : Социально-политическая мысль, 2004. – 37 с.
5. Модели общественного переустройства России : XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2004. – 608 с.
6. **Сыпченко, А. В.** Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика / А. В. Сыпченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – 516 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3445. Оп. 1. Д. 64. Л. 44.
8. Избирательный список № 5 // Могилевская жизнь. – 1917. – 8 авг. – С. 3.
9. **Мельникова, А. С.** Идеология и тактика Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси (июль–октябрь 1917 г.) / А. С. Мельникова // Весн. Палес. дзярж. ун-та. Сер. грам. і гум. навук. – 2013. – № 2. – С. 29–34.
10. И. М. Собрание Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов 22 августа 1917 г. / И. М. // Молот. – 1917. – 4 сент. – С. 3.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Оп. 3. Д. 177. Л. 92.
12. **Крейер, Г. К.** Письмо в редакцию / Г. К. Крейер // Могилевская жизнь. – 1917. – 6 сент. – С. 3.
13. **Мельникова, А. С.** Политические воззрения и тактика представителей Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси (ноябрь 1917 г. – начало 1918 г.) / А. С. Мельникова // Працы гістар. фак-та БДУ. – 2015. – № 10. – С. 56–66.
14. НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 318. Л. 47.

Поступила в редакцию 27.06.2022 г.

Контакты: melnikova_as@msu.by
(Мельникова Алеся Сергеевна)

Melnikova A. S. G. K. KREYER: SOCIAL AND POLITICAL, SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES IN BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article deals with the activity of a representative of the Russian intelligentsia of the early XX century Georgy Karlovich Kreyer. He was engaged in scientific research in the field of meadow and marsh management in Mogilev province. The theoretical and practical work of the scientist allowed him to make a significant contribution to the development of medicinal plant growing. In the spring and summer of 1917 G. K. Kreyer was active in social and political life, was a member of Mogilev organization of the all-Russian Popular Socialist Party and different public organizations. After the establishment of Soviet power he was engaged in scientific and educational activities.

Keywords: G. K. Kreyer, scientist, public and political figure, Popular Socialists, Trudoviks, party, ideology, tactics, socialism, educational activities, revolution, evolution.

УДК 94(470):343

ПРОБЛЕМА ОТМЕНЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Е. П. Цумарева

кандидат исторических наук, доцент,
Белорусско-Российский университет

Статья посвящена исследованию мнений юристов, ученых, журналистов, депутатов Первой Государственной думы по вопросу существования и применения смертной казни в Российской империи в 1905–1907 гг. Либеральный подход основывался на требованиях отмены смертной казни политзаключенных, критике применения смертной казни в обход законодательства, доказательствах опасности для государственного устройства осуществления смертной казни. Консервативные политики допускали существование смертной казни как средства, сдерживающего революционные выступления и антиправительственную агитацию. Позиции правоконсервативных деятелей характерно зачастую инициирование внесудебного применения смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, амнистия, либеральная пресса, карательная экспедиция, Первая Государственная дума, адрес Государю.

Введение

Хронологические рамки исследования ограничены периодом Первой российской революции, когда смертная казнь имела широкое применение. Этот период противоречив. С одной стороны, событием в правовой жизни стало издание Манифеста 17 октября 1905 г., декларирование гражданских прав и свобод и, прежде всего, права на жизнь. Безусловным достижением стала попытка отмены смертной казни на законодательном уровне в Первой думе. С другой стороны, практика демонстрировала реакционный откат властей от понимания права на жизнь, расширение применения казни с 1905 г. В общественном мнении особенно остро обсуждалась проблема внесудебного применения смертной казни в ходе карательных экспедиций.

Проблема отмены смертной казни широко обсуждалась интеллигенцией в начале XX в. В сборнике статей оформлены требования отмены смертной казни, проведена историческая ретроспектива изменения отношения общества к казни и доказана архаичность данного вида наказания. Российская империя

представлена в сравнительной характеристике с европейскими государствами [1].

Проблему ответственности власти перед обществом за приведение в исполнение смертной казни, внесудебное применение высшей меры наказания обсуждали И. Малиновский в монографии «Кровавая месть и смертные казни», специальный корреспондент газеты «Русь» журналист В. Климков [2, с. 23–30; 3, с. 3–24].

В советской историографии одним из основных исследований данной проблемы является труд С. С. Ущеровича [4]. По мнению автора, политика массового применения казни в 1905–1906 гг. стала одной из причин роста революционных настроений к 1917 г. [4, с. 11]. Для советского периода историографии характерны резкая критика военно-полевых судов, оценка каторги как средства доведения до смерти обвиняемых, позитивное отношение к революционному террору. В то же время отсутствует сравнительная характеристика применения смертной казни советской властью в сопоставлении с царской политикой. Отсутствует объективная оценка причин ужесточения применения казни после покушений на высших чиновников.

Новые подходы к предмету исследования содержатся в сборнике трудов «Смертная казнь: за и против», где представлена дискуссионность некоторых аспектов, рассмотрены нарративы сторонников и противников смертной казни [5].

С точки зрения юридического анализа законодательства, смертная казнь на территории Беларуси изучена А. П. Пацкевич, С. Н. Сторожено. Затронута проблема самосуда, повешение И. П. Пулихова за покушение на генерал-губернатора П. Г. Курлова после расстрела демонстрации в Минске [6, с. 60].

С нашей точки зрения необходимо более детально рассмотреть некоторые составляющие дискуссии об отмене смертной казни, исследовать позицию Первой думы, выражавшей надежды народа на отмену данного вида наказания.

Основная часть

В Российской империи в начале XX в. смертный приговор назначался на основании Уголовного уложения 1903 г. за преступления против Императора и членов царствующего дома, государственную измену, явные восстания [7, с. 181, 193].

По правилам, обвинительному приговору должна предшествовать процедура из нескольких этапов: предварительное следствие, письменное заключение военно-прокурорского надзора, проведение суда и вынесение обвинительного акта. Далее, подсудимому должны были вручить обвинительный приговор и предоставить срок на заявления о защите, вызове новых свидетелей, отводе судей и прокурора. Этот процесс не соблюдался, хотя по правилам военного времени допускалось лишь ограничение гласности делопроизводства [8, с. 77–78]. До приведения казни к исполнению приговор должен был рассмотреть главнокомандующий или комендант крепости.

Об учреждении военно-полевых судов было объявлено 19 августа 1906 г. Наиболее активная фаза применения смертной казни была в 1906–1908 гг. В обществе решения этих судов называли «расстрел в 48 часов» без права протеста, а сами суды называли «скорострельными». На практике, доказывали юристы, задержанного отводили не к следователю и прокурору, а на расстрел «без суда» [8, с. 75, 82].

Массовым явлением в 1905–1906 гг. стало внесудебное применение смертной казни. Практика показывала, что наряду со спорным назначением смертной казни военно-полевыми судами в значительном объеме казнь применялась во время карательных экспедиций в разные регионы Российской империи. Например, экспедиций Н. К. Римана, Г. А. Мина в декабре 1905 г. на Московско-Казанской железной дороге, ротмистра К. фон-Сиверса в Эстонии, П. К. Ренненкампа в Восточной Сибири, А. Н. Меллер-Закомельского против Севастопольского восстания моряков, на Сибирской

железной дороге, в Латвии и Эстонии, генерала Рудова в Черниговской губернии, генерала Данилова в Витебской губернии.

Многие карательные экспедиции были направлены в первую очередь, против телеграфистов и инженеров. Позиция Николая II и генералов, возглавлявших экспедиции, зачастую имела окраску лозунгов Союза русского народа: «инженеры – поляки и жида», «сбили с толку рабочих» [4, с. 55]. Характер экспедиций можно понять через приказы «Пятьдесят плетей и расстрелять» [4, с. 55]. Возмущение общества вызвали жесткое подавление и расстрелы, в т. ч. несовершеннолетних. Например, карательные операции в Варшаве возглавил генерал Г. А. Скалон, по приказу которого в январе 1906 г. расстреляно 17 человек, 11 из которых были несовершеннолетними.

Карательная экспедиция в Прибалтийском крае характеризовалась тем, что казачьи сотни были отданы в распоряжение помещиков в ноябре 1905 – декабре 1906 гг. [4, с. 70]. По железным дорогам курсировали карательные составы с артиллерией, по Черному морю – два бронированных крейсера [4, с. 80].

В высшей власти политику подавления революции 1905 – 1907 гг. проводили П. А. Столыпин, П. Н. Дурново, инициатор принятия закона о военно-полевых судах В. П. Павлов, А. Г. Булыгин, П. Г. Курлов.

Приказы генерала Ф. В. Дубасова и далее все, что делали карательные отряды в декабре 1905 г., журналист А. Амфитеатров назвал полицейскими и солдатскими колядками, в ходе которых были проведены массовые расстрелы подданных, не оказывавших сопротивления. По свидетельству очевидцев, родственников убитых, многие жертвы «совершенно не имели отношения ни к политическому, ни к аграрному движению» и не принимали участия в революции. Невинных убивали, да еще изязали перед смертью [3, с. 3–6].

Приведем некоторые данные о внесудебном применении смертной казни [2, с. 72–73].

Источник информации	Даты	Местность	Убитых в ходе карательных экспедиций
Латышская газета «Tagadne»	01.12.1905 – 01.02.1906 г. (2 месяца)	Прибалтийский край	958 чел.
Официальные и официозные данные из газеты «Биржевые ведомости»	09.01.1905 – 01.1906 г.	Российская империя	14 654 чел.

Исходя из цифр, массовость внесудебного применения смертной казни доказывала, что наказание не являлось исключительным, каким позиционировалось изначально.

Цель работы журналистов, противников внесудебного применения смертной казни, была в том, чтобы осветить «неисчерпанные страницы» кровавой были, убедить общество

в необходимости «настоятельного требования» следствия и суда над организаторами и исполнителями внесудебных казней [3, с. 3–6]. Корреспонденты доказывали, что террор карательных экспедиций вызывал озлобленное отчаяние у населения и ответный террор. Эту мысль разделяли депутаты Думы, некоторые представители Государственного совета. Также корреспонденты выступали против умалчивания и сокрытия преступлений карательных экспедиций, после которых возрастало количество случаев самосуда со стороны представителей левых партий. Корреспондент Н. Кириллов писал, что расстрелы без суда не укладывались «даже в понимание», карательные экспедиции названы грязным пятном в истории, что «марало нацию и армию». Корреспондент В. Климов называл карательные экспедиции мировой трагедией. Он писал, что не испытывал такого чувства ужаса и сожаления даже участвуя в боевых действиях с Японией. На фоне карательных экспедиций военно-полевые суды выглядели более человечными [3, с. 3–6].

Проблема смертной казни была в ряде самых цензурируемых тем в плане доступа общества к информации, ограничения доступа журналистов к расследованию, фиксации и опубликования данных, отсутствия отчетности в Российской империи в 1906–1911 гг. о приведении в исполнение смертных приговоров. По данным академика, основателя Конституционно-демократической партии В. И. Вернадского, отчеты военного министерства о применении смертной казни были значительно ниже реальных данных [9, с. 172–177].

Отдельно отмечены препятствия в работе корреспондентов. В. Климов приводил пример, когда по приказу офицера Семеновского полка были избиты журналисты, имевшие удостоверения [3, с. 6]. Тифлиссские газеты, критиковавшие карательные экспедиции в Шуше, были закрыты [4, с. 80].

Многих представителей политической элиты удивляла поддержка царем карательной экспедиции Семеновского полка, поддержка действий Н. К. Римана [10, с. 5–9]. Вознаграждением организаторам и исполнителям карательных экспедиций зачастую было повышение по службе, денежная награда, двухмесячный отпуск [4, с. 13]. Например, полковник Г. А. Мин был произведен в генералы. Карьерный рост также ожидал К. фон-Сиверса, за него ходатайствовал В. А. Безобразов, под командованием которого он действовал в Прибалтике в 1906 г. [4, с. 49].

Таким образом, власть избрала метод механического подавления народных волнений и поощрения руководителей карательных экспедиций.

На законодательном уровне местом развертывания дискуссий и активного обсуждения проблемы необходимости отмены смертной казни являлась Первая Государственная дума. С начала ее работы депутаты активно предлагали включить в ответный адрес Государю вопрос об отмене смертной казни, а также прошение о приостановлении властью царя всех назначенных смертных приговоров. Депутаты просили о политической амнистии, которая должна была состояться для всех и стать залогом согласия и взаимопонимания в обществе [11, с. 85].

Однако Николай II не принял адрес Думы. Депутаты раскрыли опасность выбранной властью позиции. Например, Ф. Ф. Кокошкин предупредил, что взаимная вражда революционеров и карательных экспедиций близка к междоусобной войне, в которую втягивались все большие массы. В сложившейся ситуации амнистия была необходима для водворения политического мира, ведь верховная власть должна стоять выше всех борющихся сторон. Вместо этого власть выбрала позицию искоренить «всех наших противников», которая была в корне ошибочной, т. к. в конце концов это приведет к вызову «искоренить всю Россию» [11, с. 146–147].

В Первой думе разгорелась дискуссия между противниками и сторонниками отмены смертной казни.

Аргументом сторонников смертной казни, например И. В. Способного, был тезис, что в «некоторых случаях» смертная казнь необходима. В особенные исторические моменты она служит «единственным орудием государства» в борьбе со «специальной преступностью» [8, с. 79]. Смертную казнь нужно оставить во имя «государственных интересов», пока не наступит «умиротворение» [11, с. 317–320].

Против данного аргумента многие депутаты и журналисты выдвигали тезис, что «устрашающая функция» смертной казни не состоятельна. В этой связке большой вопрос: где причина и где следствие? Зачастую ответом на каждую смертную казнь было осуждение общества, а со стороны революционеров – политическое убийство.

Также депутаты доказывали, что в результате карательных акций «колеблется трон», потому что народ был уверен, что приказы отдает Николай II [11, с. 48]. А. П. Андреев

говорил о том, что народ «изверился», т. к. от администрации только репрессии. Смертная казнь, таким образом, претит разумной государственной политике. Государство, доказывали депутаты-юристы, должно обезвредить человека другим способом, законодательно решить проблему [11, с. 63-64].

Депутат Э. Ропп подчеркнул, что народное самосознание изменилось и мужик «уже вырос» и осознал свое право на жизнь. Ксендз напоминал о Конституции Божьей из Десяти заповедей и предложил умиротворение страны на началах мира, любви и справедливости. Эту же позицию разделял депутат от Воронежской губернии А. В. Поярко [11, с. 83–84]. Многие говорили о противоречии смертной казни Новому Завету. С. И. Лопатинский выступал также против зачитывания помилования в последний момент. Депутат описал глубину психологической травмы, т. к. осужденные свидетельствовали, что «всходить на эшафот было легче, чем сходить» с него [12].

На 11 заседании Государственной думы 18 мая 1906 г. был рассмотрен законопроект об отмене смертной казни. Смертная казнь отменялась, вычеркивалась из списка уголовных наказаний [11, с. 296–300].

Однако по данному вопросу в высших органах власти изначально проявилось расхождение. Несмотря на заявление Думы о приостановлении смертных приговоров, они были осуществлены в отношении восьми политзаключенных в Прибалтийском крае. Таким образом, по мнению депутата юриста В. Д. Набокова, запросы Думы не являлись действенной мерой в решении проблемы [11, с. 297]. В. Д. Набоков подчеркивал важность для назначавших смертную казнь понимать, что политические соображения, из которых комиссия оставила смертную казнь в 1903 г., это не то же самое, что карательная политика в 1906 г. [11, с. 297].

Депутат адвокат Ф. И. Новодворский критиковал формализм и упрощенный порядок применения смертной казни [11, с. 298-299]. Он расценивал смертную казнь как оплот несправедливости и сень для произвола, призвал «произнести смертный приговор над смертной казнью» [11, с. 298].

В адрес властей Р. А. Ледницкий задавал вопрос: какой государственный ум может рассчитывать на успокоение страны, если он будет толкать ее «к той бездне отчаяния», в которую может ринуться все общество? Приведены слова Ш. Толейрана и О. Бисмарка о том, что штыками «нельзя управлять, на штыках

сидеть невозможно». Массовое применение смертной казни вызовет не только кровавые столкновения, но и банкротство страны, анархию, доказывал депутат [11, с. 298, 299].

Рассмотрение проекта об отмене смертной казни в Первой думе осуществлялось в комиссии 15-ти «О неприкосновенности личности». Многие депутаты предлагали варианты скорейшего рассмотрения законопроекта. В. Н. Грамматчиков предложил, а священник А. В. Поярко, А. С. Ломшаков и др. поддержали, что в силу неотложности решения необходимо немедленно принять законопроект об отмене смертной казни, обойтись без рассмотрения в комиссии, т. к. он «ясен и краток». Депутаты И. Н. Пустошкин, В. В. Сипягин, Н. А. Огородников предлагали воспользоваться правом Думы и подать напрямую Императору Представление об отмене смертной казни [11, с. 311, 313].

Следует отметить, что Министры юстиции, военный и морской министры придерживались совершенно иных взглядов и отказали в пятидневном сроке подготовки законопроекта, взяли максимальный срок месяц на рассмотрение. В ответ многие депутаты высказали комментарии с удивлением и возмущением. На 29-е заседание Думы 19 июня 1906 г. прибыли министр юстиции И. Г. Щегловитов, главный военно-морской прокурор Н. Г. Матвеев, главный военный прокурор В. П. Павлов, товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров. В обширном докладе перед чиновниками и Думой В. Д. Кузмин-Караев акцентировал внимание на том, что движение за отмену смертной казни охватило все население Российской империи вплоть до глухой деревни [11, с. 317].

Однако И. Г. Щегловитов и прокурор Н. Г. Матвеев в выступлениях перед депутатами заняли диаметрально противоположную позицию. В ответ поднялся шум и заседание было прервано. Депутаты отмечали, что речи чиновников вызвали чувство глубокого негодования, т. к. Дума имеет целью «решать мирно» и всякий вид кровавого и ужасного «вызывает негодование и изгнание» [11, с. 320].

Позиция Государственного совета в большинстве мнений выражалась в отказе от существования смертной казни. Наиболее ярким борцом со смертной казнью являлся избранный от академической курии ученый В. И. Вернадский. Он говорил об оставшихся безнаказанными массовых и единичных убийствах, совершенных представителями органов власти в лице карательных экспедиций. Убий-

ствах, поражающих своей «жестокостью и бессмысленностью». Большую роль в борьбе с отменой смертной казни он отводил научной мысли, которая проливали свет на самые «темные закоулки государственного механизма» [9, с. 172–177].

Мнение Государственной думы и комиссии Государственного совета характеризовалось восприятием смертной казни как вреда для государства, избранием курса на сужение применения смертной казни и оставление ее только за покушение на Императора [11, с. 297].

Законопроект о полной отмене смертной казни не был окончательно утвержден в смешанной комиссии Государственного совета и Государственной думы, т. к. Дума была распущена 9 июля 1906 г. Общество надеялось, что законопроект, уже поступивший в Государственный совет, будет логично принят.

Заключение

Исследование показало, что сторонники существования смертной казни основным аргументом выдвигали тезис об использовании данного вида наказания как средства борьбы с революцией.

Противники доказывали неприемлемость смертной казни с точки зрения морали, религии, науки, основ существования государства и общества. Они подвергли огласке массовость нарушений законодательства, внесудебного применения казни. Первая государственная дума разработала законопроект об отмене смертной казни. Разброс мнений прямо зависел, на наш взгляд, от событий революции 1905 – 1907 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Против смертной казни : сб. ст. / под ред.: М. Н. Гернет, О. Б. Гольдовский, И. Н. Сахаров. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. – 500 с. – репринтная копия.
2. **Малиновский, И. А.** Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2 / И. А. Малиновский. – Томск : Типо-литогр. Сиб. т-ва печати, 1908. – 220 с.
3. **Климков, В.** Расправы и расстрелы. (Письма, очерки и наброски спец. кор. газеты «Русь») / В. Климков. – М., Тип. А. П. Поплавского, 1906. – 237 с.
4. **Ушеревич, С.** Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год / С. Ушеревич ; 2-е рус. испр. и доп. изд. с предисл. М. Н. Гернет. – Харьков : Изд.-во Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 504 с.

5. Смертная казнь: за и против / сост. : Т. С. Парфенова, О. Ф. Шишов; под ред. С. Г. Келиной. – М. : Юрид. лит., 1989. – 528 с.

6. **Пацкевич, А. П.** Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь / А. П. Пацкевич, С. Н. Стороженко // Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. – Вологда : Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России. – 2007 – № 1. – С. 59–63.

7. Уголовное Уложение с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в государственный Совет и журналов / Издание Н. С. Таганцева. – СПб, 1904. – 1125 с.

8. **Кузьмин-Караваев, В.** Вопиющее беззаконие / В. Кузьмин-Караваев // Против смертной казни: сб. ст. / под ред. М. Н. Гернета. – М. : Тип. И. Д. Сытина, 1906. – С. 75–83.

9. **Вернадский, В. И.** Публицистические статьи / В. И. Вернадский ; отв. ред. В. П. Волков. – М. : Наука, 1995. – 312 с.

10. **Владимиров, В. Е.** Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор. / В. Владимиров. – Москва : Тип. А. П. Поплавского, 1906. – 167 с.

11. Думский сборник. 1: Государственная дума первого созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.). – С.-Пб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. – 400 с.

12. Заседание Государственного совета // Наша жизнь. – 1906. – 11 июля. – С. 2.

Поступила в редакцию 22.06.2022 г.
Контакты: tsumarava.alena@gmail.com
(Цумарева Елена Петровна)

Tsumarava A. P. THE PROBLEM OF THE DEATH PENALTY ABOLITION IN THE ACTIVITY OF THE FIRST STATE DUMA

The article deals with the study of the opinions of lawyers, scientists, journalists, deputies of the First State Duma on the existence and application of the death penalty in the Russian Empire in 1905–1907. The liberal approach was based on the demand for the abolition of the death penalty of political prisoners, criticism of the use of the death penalty in circumvention of legislation, evidence of threat to the state structure by application of the death penalty. Conservative politicians accepted the existence of the death penalty as a means of deterring revolutionary demonstrations and anti-government agitation. The position of right-wing conservative figures is characterized by support and often initiation of extrajudicial application of the death penalty.

Keywords: death penalty, amnesty, liberal press, punitive expedition, First State Duma, appeal to the Sovereign.

УДК 94(476.1) «1915»

РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА И БОРЬБА С ДОРОГОВИЗНОЙ В ГОРОДАХ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1915 г.

В. В. Василенко

кандидат исторических наук

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается проблема роста цен на товары первой необходимости и снабжение ими городов Минской губернии во время Первой мировой войны. Показаны меры, которые принимали городские органы самоуправления для борьбы с дороговизной и товарным голодом.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольствие, товары первой необходимости, дороговизна, такса, снабжение, железная дорога.

Введение

Первая мировая война оказала влияние на социально-экономическую ситуацию в Российской империи и жизнь населения в 1914–1917 гг. Ведение войны требовало больших финансовых и материальных затрат. Обслуживание многомиллионной российской армии отвлекало большие продовольственные и промышленные ресурсы. Их перераспределение в пользу военных не сразу, но повлияло на обеспечение населения продовольствием и товарами первой необходимости. Через несколько месяцев после начала войны появились проблемы с их поставками в города, в том числе в Минской губернии. Недостаточное обеспечение товарами, спекуляции приводили к их дефициту и росту цен.

Основная часть

В городах Минской губернии с начала 1915 г. наблюдался рост цен на продукты и товары. В Минске первыми стали дорожать мучные и хлебобулочные изделия. 14 января 1915 г. владельцы хлебопекарен обратились в городскую думу с ходатайством об увеличении таксы (фиксированной цены) различных сортов хлеба за 1 фунт на 1 копейку [1, с. 4]. С аналогичной просьбой обратились торговцы мукой и просили установить таксу при продаже муки оптом до 3 руб. за пуд, в розницу – до 8 коп. за фунт [2, с. 4]. В конце января они снова просили городскую управу повысить цену на муку в феврале: ржаную – с 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд, обдёрную – с 1 руб.

65 коп. до 1 руб. 90 коп., сеяную – с 1 руб. 65 коп. до 2 руб., пеклеванной с 1 р. 65 коп. до 2 руб. 10 коп. Из-за низкой цены они не могли закупать муку для города [3, с. 4]. Таксы на продукты были ниже закупочных цен. Торговцам было невыгодно продавать свои товары.

В феврале сапожники Минска обратились к губернатору с ходатайством об установлении таксы на кожевенные приклады, так как их труд был малооплачиваемый, а цена на сырье (на приклады) выросла с 75 коп. до 1 руб. 15 коп. [4, с. 4]. Производители колбасных изделий просили городскую управу об увеличении цены на все виды своей продукции [5, с. 3]. Они обосновывали это подорожанием услуг рабочих (на 100 %), продуктов производства – селитры и перца (на 300 %), соли (на 35 %). Увеличилась стоимость свиньи живым весом до 9 руб. за пуд [6, с. 4].

Во время войны власти для решения продовольственной проблемы и борьбы с дороговизной предпринимали меры административного характера – устанавливали фиксированные цены на продукты и закупали товары первой необходимости. Таксы на товары вырабатывали либо городская управа, либо специальная комиссия [7, с. 305–306].

В Минске с начала 1915 г. с дороговизной боролись указанными выше мерами. Таксы на товары вырабатывала городская управа. Но городская дума изъяла у нее эти полномочия. Управа не могла уделять достаточно времени этому вопросу, так как у нее было много другой работы. Поэтому была создана специальная комиссия. Она смогла выработать таксы на январь. На февраль по заявлению председателя комиссии сформировать цены на товары было невозможно. Он ссылался на короткие сроки, отсутствие документов и положений, обосновывавших каждую цену. Данный вопрос был передан снова в ведение городской управы [8, с. 2].

В заседании городской думы 28 января обсуждались вопросы обеспечения города продуктами первой необходимости и выработки такс. Председатель комиссии по уре-

гулированию цен высказал мнение, что такса на сдерживание цен никак не влияет. Член управы М. В. Запольский-Довнар доложил, что основные продукты подорожали, так как установленные для них предельные цены низкие. Нет подвоза продуктов в город, а на ближайших рынках цены на них выросли. Было высказано предложение организовать оптовый склад продуктов (сахара, муки, крупы и соли). Для закупки продовольствия требовалось 20–25 тыс. рублей. Продукты на этом складе будут закупать городские потребительские общества. По итогам рассмотрения вопроса было решено командировать члена управы М. В. Запольского-Довнара в порайонные комитеты (они регулировали перевозки грузов по железной дороге и количество отпускаемых для этого вагонов. – *В. В.*) для решения вопроса с подвозом в город закупленных товаров. Его же и гласного И. И. Свенцицкого решили отправить в южные и центральные губернии страны для закупки продуктов [9, с. 4].

В феврале в заседании городской думы председатель комиссии по урегулированию цен доктор Камоцкий предложил запретить вывоз из губернии продуктов, так как перекупщики их массово скупали и вывозили в другие губернии. Торговцы же должны два раза в месяц сообщать об имеющихся у них запасах продовольствия. Он считал, что они придерживают продукты с целью поднятия цен. При выявлении нарушения таких торговцев следовало штрафовать, а запасы продуктов конфисковывать. Камоцкий предложил снизить таксу на дрова с 40 до 36 руб., так как был введен запрет на их вывоз из губернии. Предлагаемые им меры решили обсудить в заседании думы 25 февраля [10, с. 3].

В февральской таксе на товары цена 1 кубической сажени березовых дров с доставкой и укладкой была установлена в 36 руб., ольховых и сосновых – 33 руб., еловых – 31 руб., осиновых – 29 руб. [11, с. 3]. Закупались для города и другие виды топлива. Управа заключила договор с фирмой «Нобель» на поставку в город керосина [12, с. 4]. Чтобы топливом не вывозили спекулянты, в марте 1915 г. начальником Минского военного округа было издано обязательное постановление о запрете вывоза дров из уездов Минской, Могилевской и Гродненской губерний [13, л. 115]. Такие меры носили временный характер. Когда ситуация с наличием каких-либо дефицитных товаров стабилизировалась, то постановления отменялись.

Вернувшийся в Минск из командировки М. В. Запольский-Довнар доложил, что Киевский порайонный комитет разрешил доставку продуктов для города, которые были в очереди на перевозку и хранились на станциях из-за нехватки грузовых вагонов. В Харьковском порайонном комитете затруднения с движением грузов объясняли загруженностью железной дороги составами с углем. Но комитет будет способствовать пропуску тех грузов, которые пропустил Киевский порайонный комитет. В Роменском районе М. В. Запольский-Довнар закупил овес и сено для города [14, с. 3].

В марте М. В. Запольский-Довнар ездил в Московский порайонный комитет, где ходатайствовал о пропуске грузов в Минск, на что получил согласие. Но городскому голове было сообщено телеграммой, что хлебные грузы не могут быть отправлены со станций Бахмач и Ваяловщина, так как вывоз продуктов с этих станций запрещен [15, с. 4].

В марте в Минске выросла цена на куриные яйца, на что обратил внимание даже городской голова С. Б. Хржонстовский. Стоимость десятка яиц поднялась с 35–37 коп. до 65–70. В заседании городской думы при обсуждении таксы на продукты на апрель было предложено установить цену за десяток яиц в 40 коп., что единогласно было поддержано [16, с. 4]. Появились проблемы с мясом. В мясных рядах на Нижнем базаре его невозможно было купить. Мясники отказывались продавать мясо, так как цена, установленная мартовской таксой, была низкой. На некоторых из них были составлены протоколы за продажу мяса выше установленной таксы [17, с. 4].

За необоснованное повышение цен торговцы привлекались к административной ответственности – штрафу или аресту. Так был оштрафован на 1000 руб. (или арест на 2 месяца) торговец дровами Л. Жуковский [18, с. 4]. За повышение цены на мясо получил штраф 15 р. (или 10 суток ареста) торговец Г. Мурох [19, с. 4]. Минский купец Ш. Ривин был оштрафован на 3000 руб. (или арест на 2 месяца) за продажу дров по завышенной цене [20, с. 4].

Торговцы могли закрыть магазины или отказывались продавать населению товары по фиксированным ценам. Чтобы пресечь такие действия, начальник Минского военного округа издал обязательное постановление, которым запрещалось закрывать магазины, где продавались продукты и товары первой необходимости, а также отказывать в продаже товаров жи-

телям по ценам, установленным городскими и земскими учреждениями. Запрещалась скупка продуктов и товаров впрок [21, с. 4].

В уездных городах цены на товары тоже росли и наблюдался их дефицит. В феврале в Пинском уезде по сообщениям корреспондента выросли цены на рожь, овес, картошку, соль, сено, керосин [22, с. 4]. Пинская городская дума для удержания цен разработала ряд мер. Следовало: 1) проводить регистрацию наличных продуктов у оптовиков и розничных торговцев, чтобы иметь представления о наличии продуктов; 2) устанавливать максимальные цены на сельскохозяйственные и продукты животноводства; 3) вводить запрет на скупку товаров первой необходимости в больших объемах с целью их перепродажи; 4) запрещать вывоз из Пинска предметов первой необходимости, пока не будет обеспечен их достаточный запас в городе; 5) просить губернатора сделать эти постановления обязательными путем издания распоряжения [23, с. 4]. Меры, видимо, не помогали, так как в мае городская управа ходатайствовала перед губернатором о повышении цен на сахар, мясо, сало, муку и керосин [24, с. 3].

По сообщению газеты «Наша Ніва», к середине апреля в Мозыре, Бобруйске, Пинске прогнозировался дефицит муки, соли, масла, пшеницы [25, с. 4]. В сентябре 1915 г. в Мозыре неделю был недостаток керосина, а через некоторое время и свечей. Власти эту проблему решили, организовав доставку товаров по реке Припять [26, с. 4].

В уездных городах торговцы за повышение цен на товары тоже подвергались наказанию – штрафу или тюремному заключению. В Мозыре С. Урецкий за поднятие цен на товары первой необходимости был оштрафован на 200 руб. (или арест на 1 месяц) [27, с. 2], а в Пинске Я. Дененберг – на 300 р. (или арест на полтора месяца) [28, с. 3]. Жителя Баранович Я. Каплана за поднятие цены на мясо оштрафовали на 1000 руб. (или арест на 2 месяца) [29, с. 3]. За сокрытие сахара житель Новогрудка Б. Брук получил штраф 300 руб. (или арест на полтора месяца) [30, с. 4]. За поднятие цены на овес был оштрафован на 15 р. (или арест на 7 дней) Г. Элькин [31, с. 4], а Л. Бернштейн – на 3000 руб. (или арест на 3 месяца) за сокрытие сахара и отказ его продавать [32, с. 4]. Оба жители Борисова. Бобруйчанка С. И. Марон за продажу сахара выше таксы была оштрафована на 100 руб. (или арест на 1 месяц) [33, с. 3].

Положение с запасами товаров в городах ухудшилось в конце лета – осенью 1915 г. У властей не хватало средств на их закупку. Потребности в продовольствии были большие. Например, для Речицы в месяц требовалось 15 вагонов ржаной муки, 10 – пшеничной муки, 6 – овса, 1 – различной крупы, 3 – пшеница, 7 – соли, 2 – сахара, 8 – керосина, 13 – отрубей, 3 – сельди и сухой рыбы, 30 пудов чая [34, л. 46, 47а, 47б]. Для Бобруйска ежедневно нужно было 10–14 вагонов продовольствия. С 11 октября по 14 ноября город запросил для подвоза по железной дороге 365 вагонов, а прибыло только 3 [34, л. 29а].

Для регулирования экономики в августе 1915 г. были созданы Особые совещания: по обороне, по топливу, по продовольствию, по перевозкам, по устройству беженцев. Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу курировало вопросы продовольственной политики в целом. В составе совещания действовали комиссии: 1) о снабжении армии и флота, а также сельского и городского населения хлебом и зерновым фуражом; 2) о снабжении армии и флота и городского населения мясом, маслом и сеном; 3) о мерах борьбы с дороговизной предметов первой необходимости. Особое совещание устанавливало предельные цены на продовольствие, следило за соблюдением такс, выясняло запасы и потребности в продовольствии [35]. Именно сюда обращались города с ходатайствами о выделении средств на закупку продовольствия.

В Слуцке 30 сентября 1915 г. прошло собрание уполномоченных города при участии предводителя уездного дворянства, уездного исправника. Городской староста доложил, что с начала войны продукты постепенно дорожали. На некоторые из них цены поднялись в 1,5–2 раза. Одна их причин – это проблема доставки продовольствия в город. В Слуцке значительно увеличилось население. Запасы таких товаров, как соль, сахар, свечи, керосин, табак закончились. Чтобы решить эту проблему, нужно проводить закупки товаров и продавать их по заготовительной цене. Для этого нужны средства – правительственные ссуды. Собрание постановило уполномочить старосту ходатайствовать о выдаче правительственной ссуды в 50.000 руб. для закупки продовольствия [34, л. 3, 4 – об. 4]. Подобное заседание прошло в Мозыре, где была точно такая же ситуация, как и в Слуцке. Решили просить городского старосту ходатайствовать

перед минским губернатором об отпуске правительством ссуды в 50.000 руб. [34, л. 8].

Минская городская дума ходатайствовала перед Особым совещанием по продовольственному делу о выделении 300.000 руб. на закупку продовольствия. 20 октября 1915 г. Комиссия о мерах борьбы с дороговизной предметов первой необходимости, рассмотрев ходатайство, постановила выделить запрашиваемые средства [34, л. 10]. 27 октября подкомиссия по выдаче городам и земствам ссуд на закупку предметов первой необходимости постановила ассигновать 50.000 руб. Слуцкому городскому управлению на запрашиваемые цели [34, л. 12]. Мозырскому городскому управлению 2 декабря были выделены запрашиваемая средства [34, л. 22 – об. 22]. В декабре Бобруйская городская дума и Речицкое городское управление ходатайствовали о выделении им средств на 100.000 и 25.000 руб. соответственно. Их ходатайства поддержал уполномоченный представитель Особого совещания при Минской губернии [34, л. 29а, 29б, 29в].

Повышение цен и дефицит товаров в городах были вызваны целым рядом причин. Нехватка мяса была обусловлена тем, что за время войны произошло сокращение поголовья крупного рогатого скота и овец. В 1913 г. было 52,2 млн голов крупного рогатого скота, а в 1917 г. – 48,2 млн; количество овец уменьшилось с 80,7 млн голов в 1913 г. до 69,1 млн в 1917 г. [36, с. 197]. Подорожание зерновых хлебов, а вследствие и муки, было связано с началом закупок хлеба для армии. Сказалось еще и то, что урожай 1914 г. был ниже урожая 1913 г. Следует учитывать спекуляции сельскохозяйственной продукцией [37, с. 20].

Во время войны регулировалась цена на сахар. Власти установили предельную стоимость 1 пуда сахара с 1 сентября 1914 г. по 1 января 1915 г. в 4 рубля, а с 1 января 1915 г. по 1 сентября 1915 г. – в 4 руб. 10 коп. Но цена на него росла. Это было вызвано тем, что Министерство финансов для изыскания денег на военные нужды повысило акциз на сахарный песок. Дополнительно был введен железнодорожный военный налог на перевозку этого продукта. Сахар на станциях юго-западных железных дорог подорожал до 4 руб. 25 коп. – 4 руб. 35 коп. за пуд. Из-за роста расходов сахарозаводчиков цена в марте 1915 г. поднялась еще на 10 коп. Чтобы прекратить повышение цен, Министерство финансов с начала марта в несколько этапов поставило на рынок 18 млн пудов сахара из стратегических запасов. Но цена

на него все равно поднялась до 5–5 руб. 10 коп., а на рафинад – до 6 руб. 50 коп. за пуд. Сахар дорожал не потому, что его не хватало, а потому, что власти не могли правильно организовать снабжение потребительских рынков ввиду проблем на железной дороге [38, с. 30–31].

Причина подорожания продовольствия крылась еще и в том, что в сельском хозяйстве сокращались посевные площади под культуры. Не хватало рабочих рук для обработки земли, так как значительная часть мужского населения была призвана в армию. В 1913 г. засевалось 93,5 млн гектаров земель, а в 1917 г. уже только 78. Сбор продовольственных культур сократился на 23 %, крупяных – на 15 %, масличных – на 14 %, кормовых – на 43 %, картофеля – на 24 % [36, с. 196].

Главная же причина задержек и недопоставок продовольствия в города – это военные перевозки и загруженность железнодорожной сети. Транспортировка военных грузов была на первом месте и выросла с 1 % в 1913 г. до 50 % в 1916 г. в общем объеме всех перевозок [39, с. 209]. Железнодорожные вагоны в первую очередь предоставлялись под военные грузы. В первый год войны для перевозки интендантских грузов было задействовано не менее 110 тыс. вагонов. В первом полугодии 1915 г. военные перевозки занимали на тыловых дорогах 145 тыс. вагонов, что составляло свыше 40% всего товарного парка. Для нужд коммерческих перевозок железнодорожная сеть располагала в 1915 г. вдвое меньшим вагонным парком, чем до войны (153 тыс. вагонов вместо 308 тыс.) [40, с. 129].

По загруженным железным дорогам невозможно было без перебоев вывозить грузы из тех регионов, где производилась основная часть продовольствия. Весь район Сибири, в котором в 1914 г. был собран хороший урожай и были низкие цены, оказался отрезанным от Европейской России. Многие частные лица, общественные организации сделали в этом регионе большие заказы фуража, масла, мяса, рыбы и прочих продуктов. С северных регионов страны также проблематично было вывозить коммерческие грузы, так как железнодорожная магистраль Вятка – Санкт-Петербург обслуживала воинские перевозки [41, с. 86]. В южных регионах Российской империи сложилась подобная ситуация.

На многих железнодорожных станциях склады и пакгаузы были заняты грузами военного интендантства и министерства земледелия [41, с. 100]. Поэтому прием гражданских

грузов станциями был ограничен и уже в первой половине 1915 г. в белорусских губерниях стал ощущаться недостаток товаров, подвоз которых осуществлялся из внутренних губерний Российской империи [39, с. 269].

Заключение

Проблема дороговизны и дефицита товаров первой необходимости для городов Минской губернии стала актуальна с начала 1915 г. С дороговизной боролись с помощью установления фиксированных цен. Но таксировка не влияла на сдерживание роста цен на товары и продовольствие. Цены повышались из-за дефицита товаров. Поэтому городские власти делали закупки товаров первой необходимости и продовольствия, стараясь создать необходимый запас. Но из-за загруженности железнодорожной сети не всегда удавалось организовать бесперебойное снабжение городов всем необходимым. Кроме этого у городских органов управления не хватало финансовых средств. С осени 1915 г. они стали получать субсидии от Особого совещания по продовольственному делу для организации закупок товаров первой необходимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хроника минского дня. Слезница хлебопеков // Минский голос. – 1915. – 15 янв. – С. 4.
2. Хроника минского дня. К таксе на муку // Минский голос. – 1915. – 18 янв. – С. 4.
3. Хроника минского дня. К таксе на муку // Минский голос. – 1915. – 21 янв. – С. 4.
4. Хроника минского дня. Жалоба сапожников // Минский голос. – 1915. – 19 февр. – С. 4.
5. По губернии // Мозырянин. – 1915. – 25 февр. – С. 3.
6. Хроника минского дня. Слезница местных королей от колбасы // Минский голос. – 1915. – 22 февр. – С. 4.
7. *Ковальская, Л. М.* Дороговизна жизни и борьба с ней / Л. М. Ковальская. – М. : типо-лит Рус. Т-ва печатного и изд. дела, 1917. – [2], VIII, 352 с.
8. *Огинский.* К урегулированию городской таксы / Огинский // Минский голос. – 1915. – 11 янв. – С. 2.
9. Хроника минского дня. Город и вздорожание продуктов // Минский голос. – 1915. – 30 янв. – С. 4.
10. Хроника минского дня. Вчера в городской думе // Минский голос. – 1915. – 12 февр. – С. 3.
11. Хроника минского дня. К таксе на дрова // Минский голос. – 1915. – 18 февр. – С. 3.
12. Хроника минского дня. Керосин для города // Минский голос. – 1915. – 11 февр. – С. 4.
13. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 65.
14. Хроника минского дня. К обеспечению г. Минска продуктами // Минский голос. – 1915. – 24 февр. – С. 3.
15. Хроника минского дня. К борьбе с дороговизной // Минский голос. – 1915. – 31 марта. – С. 4.
16. Хроника минского дня. Борьба с предпраздн. взвинчиванием цен // Минский голос. – 1915. – 19 марта. – С. 4.
17. Хроника минского дня. К продаже мяса // Минский голос. – 1915. – 14 марта. – С. 4.
18. *Гаротнік.* 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны / Гаротнік // Наша ніва. – 1915. – 14 марта. – С. 4.
19. Хроника минского дня. Штрафы // Минский голос. – 1915. – 19 марта. – С. 4.
20. *Гаротнік.* 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны / Гаротнік // Наша ніва. – 1915. – 19 марта. – С. 4.
21. 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны // Наша ніва. – 1915. – 22 мая – С. 4.
22. *М.Р.* 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны / М.Р. // Наша ніва. – 1915. – 6 лютага. – С. 4.
23. Хроника минского дня. Борьба с дороговизной в уездах // Минский голос. – 1915. – 23 февр. – С. 4.
24. По губернии // Мозырянин. – 1915. – 27 мая. – С. 3.
25. 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны // Наша ніва. – 1915. – 16 красавіка. – С. 4.
26. Хроника. Без керосина // Мозырянин. – 1915. – 14 сент. – С. 3–4.
27. Хроника. Штрафы // Мозырянин. – 1915. – 16 февр. – С. 2.
28. По губернии // Мозырянин. – 1915. – 8 марта. – С. 3.
29. По губернии // Мозырянин. – 1915. – 5 апреля. – С. 3.
30. По губернии // Мозырянин. – 1915. – 9 сент. – С. 4.
31. Хроника минского дня. Штрафы // Минский голос. – 1915. – 16 марта. – С. 4.
32. 3 Беларусі і Літвы. 3 Міншчыны // Наша ніва. – 1915. – 12 чэрвеня – С. 4.
33. Бобруйский день // Бобруйский курьер. – 1915. – 26 мая. – С. 3.
34. РГИА. – Ф. 457. Оп. 1. Д. 739.
35. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. / Упр. делами Особого совещания по продовольствию. – Пг., 1916. – 410 с.
36. *Шигалин, Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М. : Воениздат, 1956. – 332 с.

37. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны. – Петроград : Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. – 110 с.

38. **Цеханский, М. Ю.** Сахарная промышленность и война / М. Ю. Цеханский // Торгово-промышленный мир России: литературно-экономический, финансовый, торгово-промышленный и статистический обзор; под ред. Е. В. Михальского. – Петроград, 1916. – Часть I. – С. 30–32.

39. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского [и др.]. – Минск : Изд-во АН БССР, Ин-т экономики, 1963. – 420 с.

40. Первая мировая война: влияние на экономику России и мира : монография / О. Н. Емельянова [и др.]. – М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – 200 с.

41. Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную вой-

ну. – Ч. 1–2 : Управление железных дорог. – Петроград : Типо-литография Н. И. Евстифеева, 1916. – 2 т. – Ч. 2 : Первое полугодие 1915 года / [Сост. инж. В. Цыгульский]. – [2], VI, 132 с.

Поступила в редакцию 19.10.2022 г.

Контакты: vasilenko06@rambler.ru

(Василенко Василий Викторович)

Vasilenko V. V. THE SOLUTION OF FOOD ISSUE AND THE FIGHT AGAINST HIGH PRICE IN CITIES AND TOWNS OF MINSK PROVINCE IN 1915

The article deals with the problem of rising prices for essential goods and their supply in the cities and of Minsk province during the First World War. The measures taken by the self-government bodies to combat the high cost and commodity hunger are shown.

Keywords: World War I, food, essential goods, high cost, tax, supply, railroad.

УДК 947,6 (1921–1939)

**РАЗВІЦЦЁ АГРАРНАЙ СФЕРЫ ДРАГІЧЫНСКАГА ПАВЕТА
ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 гг.****В. П. Гарматны**кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры,
Прыватны інстытут кіравання і прадпрымальніцтва

У 1921–1939 гг. землі Драгічыншчыны з'яўляліся часткай народна-гаспадарчага комплексу тагачаснай Польшчы. Асноўнай масай насельніцтва заставаліся сяляне, якія ў сваёй пераважнай большасці пакутавалі ад малазямелья і забягненасці, таму аграрнае пытанне стаяла вельмі востра. Разам з тым польскія ўлады адзначалі, што ворнай зямлі не хопіць на ўсіх жадаючых, таму пры правядзенні аграрных пераўтварэнняў падкрэслівалі неабходнасць пераводу гаспадарання на якасна новы ўзровень, у сувязі з чым ажыццявілі шэраг карэктных пераўтварэнняў з мэтай стварэння вялікай колькасці самастойных вытворных і эканамічна моцных гаспадарак.

Ключавыя словы: Драгічыншчына, зямля, сельская гаспадарка, ураджайнасць, хутар, асаднік, меліярацыя, камасацыя, сервітут.

Уводзіны

На працягу 1921–1939 гг. заходнебеларускія землі ўваходзілі ў склад Польскай дзяржавы і былі ў адпаведнасці з тагачасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаваннем падзелены на ваяводстваў, паветы і гміны.

1 сакавіка 1921 г. польскімі ўладамі створаны Драгічынскі павет (12 сельскіх гмін, на 1939 г. – 10), які ахопліваў большую частку сучасных Драгічынскага і Іванаўскага раёнаў, за выключэннем Антопаля і ваколіц, якія ўваходзілі ў Кобрынскі павет [1]. Агульная плошча павета складала 2 350,7 кв. км, колькасць насельніцтва – 97 000 чалавек (з іх сяляне – 89,1 %), шчыльнасць – 41 чалавек на кв. км (на 1931 г.) [2, с. 32; 3, с. 13].

Варта падкрэсліць, што па колькасці насельніцтва Драгічын (паводле ўсепольскага перапісу 1921 г., 1 987 жыхароў) саступаў мястэчкам Моталь (4 390) і Янаў (3 068), але адыгрываў вельмі важную адміністрацыйную і эканамічную ролю дзякуючы знаходжанню на чыгуначнай лініі [4, с. 161; 5, с. 13–14]. Згодна з ацэнкамі польскіх даследчыкаў, нацыянальная структура насельніцтва Драгічынскага павета выглядала наступным чынам: тутэйшыя – 40,1 %, беларусы – 29,2 %, палякі – 14,6 %, яўрэі – 9,7 %, рускія – 5,8 % [6, с. 306].

© Гарматны В. П., 2023

Большасць крыніц па дадзеным пытанні захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці, перш за ўсё ў фондах 60 (Палеская акруговая зямельная ўправа) і 2004 (Драгічынскае павятовае староства), якія ўтрымліваюць справаздачы службовых асоб, планы вёсак і сялянскіх зямельных надзелаў, справы аб ажыццяўленні камасацыі і меліярацыі, насаджэнні асадніцтва і інш.

Раённыя кнігі «Памяць» па азначаным перыядзе пераважна засяроджваюцца на нацыянальна-вызваленчай барацьбе супраць польскіх уладаў, у той час як эканамічнае становішча мясцовага насельніцтва і ажыццяўленне тут аграрных пераўтварэнняў разгледжана недастаткова [1; 7]. Запоўніць гэты прабел у многім дапамаглі працы, выдадзеныя перш за ўсё даследчыкамі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, якія падрыхтаваны на багатай факталагічнай і крыніцавай базе [8–12]. Асобнай падзякі заслугоўвае выдадзены збор успамінаў старажылаў пра перыяд польскага панавання, дзякуючы чаму можна атрымаць цэласнае ўяўленне аб тых падзеях [13].

Вялікі ўклад унеслі і мясцовыя краязнаўцы, якія падрыхтавалі некалькі артыкулаў па асобных аспектах вывучаемага пытання [2; 14]. Разам з тым дадзенае пытанне да гэтага часу не знайшло належнага навуковага асвятлення і таму патрабуе далейшага вывучэння.

Эканамічны дабрабыт насельніцтва

Для паспяховага эканамічнага развіцця Драгічыншчыны польскія ўлады распрацавалі адпаведны комплексны план, дзякуючы чаму ўдалося забяспечыць каардынацыю розных служб. У цэлым, згодна з паказчыкамі ўраджайнасці, Драгічынскі павет быў адзін з чатырох цалкам самаакупных у Палескім ваяводстве.

Адпаведна ўсепольскаму перапісу, структура землеўладання на Драгічыншчыне на 1921 г. выглядала наступным чынам: да 2 га – 11,4 % сямей, 2-5 – 36,0 %, 5-20 – 47,0 %, 20-100 – 4,9 %, звыш 100 – 0,7 % [6, с. 308]. Паводле ацэнак даследчыкаў, на 1931 г. толькі 2,9 % мясцовых землеўласнікаў вялі капіталі-

стычную гаспадарку, на той час як 93,4 % – дробнагаварную [3, с. 44].

Паводле статыстычных звестак, ураджайнасць асноўных сельскагаспадарчых культур на землях Драгічынскага павета была некалькі вышэйшай у параўнанні з сярэдняй па Палескаму ваяводству і прыкладна роўнай агульнадзяржаўнай, што стварала магчымасці для павышэння дабрабыту мясцовага сялянства. Пры гэтым варта адзначыць, што ўраджайнасць даволі істотна вагалася нават на абшару асобнай гміны. Аб сярэднегадавой ураджайнасці асноўных сельскагаспадарчых культур на землях Драгічынскага павета ў цэнтнерах з 1 га за 1925–1935 г. у параўнанні з агульнапольскімі паказчыкамі ў цэлым сведчыць наступная табліца [15, с. 133]:

	Пшаніца	Жыта	Ячмень	Авіс	Бульба
Драгічынскі павет	11,4	13,8	12,8	12,5	97
Польшча	12,1	11,1	12,3	11,6	121

Разам з тым мясцовым сялянам даволі часта не хапала сродкаў нават на самае неабходнае. Так, напрыклад, жыхар Бездзежа А. Чайноўскі звяртаўся да мясцовага ксяндза Яблоньскага з просьбай знізіць аплату за хрышчэнне дзіцяці з 5 злотых да 1, але той адказаў, што правядзе тады абрад у скарачанай форме [16, с. 25–26]. Аб цяжкім матэрыяльным стане мясцовага сялянства сведчаць тагачасныя краязнаўчыя альманахі, у якіх апублікаваны адпаведныя конкурсныя работы навакольных скаляроў [11].

Насаджэнне асадніцтва

Храналагічна першай часткай польскіх аграрных мерапрыемстваў дадзенага перыяду з’яўляецца перасяленне сюды з карэннай Польшчы асаднікаў, якія, па сутнасці, былі каланістамі і сацыяльнай апорай польскага панавання ў вёсцы. Варта падкрэсліць, што польскія ўлады з мэтай больш паспяховай рэалізацыі дадзенай палітыкі на надзяленне асаднікаў перадавалі ў першую чаргу землі так званай «мёртвай рукі», што ў выніку ваенных узрушэнняў засталіся без гаспадара (землі, уладальнікі якіх загінулі, альбо былая царская, царкоўная і манастырская маёмасць). Разам з тым сяляне шчыра спадзяваліся на атрыманне гэтых зямель, таму адносіліся да асаднікаў з вялікай насцярожанасцю і недаверам, з-за таго што яны прыехалі аднекуль далёк і на льготных умовах атрымалі зямлю, якая па справядлівасці магла

належаць ім. Ужо на пачатку 1923 г. для асаднікаў у Драгічынскім павеце было выдзелена 8 000 га. Асаднікамі станавіліся нават і вышэйшыя чыны – адзін з бліжэйшых папличнікаў Ю. Пілсудскага генерал Л. Жалігоўскі набыў на Драгічыншчыне звыш 500 га зямлі [17, с. 73–74]. Некаторыя асаднікі атрымлівалі нават па два і больш надзелаў: напрыклад, у гміне Валовель надзелы № 19 і № 19а дасталіся Ф. Следзю, а надзелы № 20 і № 22 – Ф. Паўлоўскаму, надзелы № 4 і № 4а плошчай больш за 25 га – Ж. Шляхетку [9, с. 62].

Дзяржава аказвала асаднікам істотную дапамогу – звычайна ў памеры 80 кубічных метраў дрэва на забудову, выдачы льготных крэдытаў у 50 000 000 тагачасных польскіх марак, перадачы сельскагаспадарчага інвентару, перш за ўсё воза з канём. Так, 14 лютага 1930 г. Ст. Уладыка з асіды Хлевічы ў гміне Брашэвічы памерам 15,6 га звяртаўся з просьбай аб выдзяленні пазыкі ў 4 300 злотых тэрмінам на 15 гадоў на завяршэнне будаўніцтва гаспадарчых будынкаў і набыццё 2 кароў коштам 800 злотых. Свой надзел асаднік атрымаў у 1925 г., на 1929 г. засаеў 7 га азімых, меў 3 коней, 2 каровы і цялушку. З інвентару набыў 2 вазы, 2 сахі і 1 плуг, 3 бараны і сячкарыню. У адказ на прашэнне выддзена 1 800 злотых (800 на кароў і 1 000 на забудову) [18, арк. 59].

Аднак нават такая дапамога аказвалася недастатковай для паўнацэннай арганізацыі гаспадарання перасяленцаў на новым месцы. Таму нярэдка здараліся выпадкі, што многія з іх не маглі своечасова выплаціць патрабуемыя сродкі. Так, у 1930 г. асаднік маёнтка Варацэвічы гміны Янава І. Ласковіч не здолеў своечасова выплаціць узятую пазыку з працэнтамі ў памеры 1073,33 злотых. Банк абавязаў яго выплаціць гэтую суму поўнасю на працягу двух наступных гадоў [19, арк. 4]. На 1932 г. па ваяводстве налічвалася каля 1 000 асаднікаў, якія мелі запазычанасці па крэдытам, з іх большасць менавіта ў Драгічынскім павеце – 182, альбо амаль усе мясцовыя асаднікі.

З мэтай больш скаардынаванай дзейнасці асаднікі аб’ядноўваліся ў арганізацыі, прычым на Драгічыншчыне яны аформіліся першымі ў ваяводстве, бо тут асела найбольшая іх колькасць. Напрыклад, з цягам часу шырокую вядомасць атрымалі аграрна-гандлёвае аб’яднанне «Аграрнік» у Драгічыне і спажывецкія і малочныя аб’яднанні ў гмінах Валовель і Осаўцы [20, с. 439].

Усяго, паводле фрагментарных статыстычных звестак, на 1927–1928 гг. у Драгічынскім павеце налічвалася 178 асаднікаў у 16 асадах, а

на 1936 г. – 182 [21, с. 15; 22, с. 105]. У цэлым па колькасці асад Драгічыншчына займала адно з першых месцаў у Палескім ваяводстве [12, с. 48].

Ажыццяўленне парцэляцыі

Ва ўмовах дамінавання ў сельскай гаспадарцы памешчыцкага землеўладання неабходна была падтрымка мала- і безземельных сялян, што адбывалася шляхам продажы сялянам часткі памешчыцкіх і царкоўных зямель невялікімі надзеламі – парцэламі. На той час ворная зямля заставалася вялікім дэфіцытам, таму каштавала вельмі дорага, у сувязі з чым яе маглі купіць толькі асаднікі і заможныя сяляне. Напрыклад, рашэннем мясцовых уладаў 13 ліпеня 1921 г. землі маёнтка Валовель памешчыцы Н. А. Бобрынскай былі падзелены больш чым на 100 участкаў і трапілі ў продаж, асноўнымі іх пакупнікамі выступілі навакольныя асаднікі. Адначасова забаранялася дзяліць і прадаваць набытыя надзелы да часу выплаты ўзятых на гэтыя мэты крэдытаў [9, с. 61–62]. Разам з тым нават у гэтым выпадку ў навакольных беднякоў з’яўлялася магчымасць працаўладкавання ў новаствораных буйных гаспадарках.

13 красавіка 1927 г. на выкуп сялянам перададзены маёнтка Ляхавічы на адлегласці

13 км ад Драгічына. Паводле ацэнак уладаў, на 1926 г. пры курсе долара ў 9 злотых апошнім часам на тэрыторыі мясцовай гміны Осаўцы вызначаліся наступныя кошты зямлі: ворная найлепшая за 1 га – 500–700 злотых, сярэдняя – 225–400, дрэнная – 180–300, лугі грунтовыя – 225–300, балоцістыя – 90–225, паша – 130–225 [23, арк. 9].

На пасяджэнні Драгічынскай павятовай зямельнай управы 27-28 лістапада 1928 г. на парцэляцыю вызначаны землі 13 маёнткаў плошчай у 5 727,0144 га і агульным коштам 416 673,09 злотых [24, Арк. 87]. Пры гэтым на парцэляцыю памешчыкі звычайна перадавалі найбольш дрэнную зямлю. Так, сяляне гміны Валовель у 1929 г. скардзіліся на нізкую якасць атрыманых надзелаў з маёнтка Дзятлавічы і прасілі выдзеліць замест іх іншыя, але ім усім было адмоўлена згодна з артыкулам 68 Закона аб аграрнай рэформе ад 28 снежня 1925 г. Землі ацэньваліся ўладамі як добрыя, лугі нізка размешчаны па ўсёй ваколіцы, але даюць добры і вялікі збор сена [25].

2 красавіка 1929 г. на пасяджэнні ў Драгічыне ўпаўнаважаных спецыялістаў на падставе іх ацэнак грашовай вартасці ворных зямель пры правядзенні парцэляцыі быў вызначаны наступны сярэдні кошт:

	Гміна Моталь	Гміна Брашэвічы	Гміна Драгічын	Гміна Осаўцы	Гміна Валовель	Гміна Бездзеж	Гміна Адрыжын
Ворная зямля IV кл.	740	700	784	690	690	730	650
V	585	480	598	560	560	560	520
VI	440	310	430	380	380	416	390
VII	260	130	273	220	220	232	260
VIII	28	35	54	31	31	29	39
Лугі IV	570	532	572	560	560	535	368
V	395	260	420	375	375	325	260

Адначасова падкрэслівалася, што кошты зямлі ў гміне Хомск такія, як у гміне Бездзеж, а ў гміне Янава – як у Драгічыне [26, арк. 5–6].

Пры звароце з просьбай аб набыцці зямлі сяляне ўказвалі сваё матэрыяльнае становішча. Так, сялянка Вера Шэйко з вёскі Горка гміны Валовель 1 верасня 1938 г. накіравала ў драгічынскае павятовае стараства просьбу дазволіць набыць зямлю. Склад сям’і быў наступным: муж Дзмітры, сын Мікола, дачка Алена, бацька Антоні, маці Параскева. Сям’я валодала 7 га зямлі. З іх ворнай – 2 (15 надзелаў), лугоў – 2 (2), пашы – 3 (1), мела жылы дом, стадолу і абору на адлегласці 2 км ад парцэляванай зямлі. Будынкі застрахованы на суму 1 040 злотых. Са свайскай жывёлы ў наяўнасці

былі 1 конь, 2 цялят, 7 авчак, 4 каровы, 7 нерагатых (хутчэй за ўсё свіней). На руках сялянка мела 50 злотых і жадала набыць 5 га (уладамі дазволена 4 га) [27, арк. 39–40].

Правядзенне камасацыі

Адной з галоўных перашкод на шляху далейшага паспяховага развіцця мясцовай сельскай гаспадаркі з’яўлялася цераспалосіца – наяўнасць у пераважнай большасці мясцовых сялян па некалькі раскіданых надзелаў (у так званым «шахматным парадку»), што стварала істотныя цяжкасці па іх апрацоўцы [15, с. 136–137].

З гэтай мэтай, паводле закона ад 31 ліпеня 1923 г., польскімі ўладамі праводзілася

камасацыя – аб’яднанне раскіданых зямельных надзелаў з улікам іх грашовай вартасці з перанясеннем сюды хаты і гаспадарчых пабудоў і стварэннем такім чынам хутара. Такія маштабныя пераўтварэнні патрабавалі сур’ёзных капіталаўкладанняў, вялікай колькасці кваліфікаваных спецыялістаў і складання шматлікіх разнастайных дакументаў, што ў цэлым не магло не выклікаць істотных канфліктаў і ў выніку сур’ёзна замаруджвала ажыццяўленне справы [17, с. 95].

За неапраўданае зацягванне справы ажыццяўлення камасацыі землемеру пагражала забарона далейшай працы, зварот раней выплачаных грошай і штраф. Напрыклад, 5 чэрвеня 1928 г. польскія ўлады пры разглядзе ходу справы ажыццяўлення камасацыі вёскі Заверша гміны Бездзеж адзначалі, што землемер Мікола Катовіч распачаў тут працу з 4 верасня 1926 г., але з-за неадпаведнага падбору тэхнічнага персаналу справы ажыццяўляліся няд-

байна і некалькі разоў перарабляліся, што ў выніку істотна зацягвала вызначанія тэрміны. Землемер быў строга папярэджаны, бо, згодна з тэхнічнымі абставінамі, справа камасацыі вёскі Заверша адносіцца да лёгкіх, тут таксама няма ніякіх юрыдычных спрэчак адносна права землеўладання, таму ўсе праблемы адбываліся выключна па віне землемера. У сувязі з гэтым у землемера была забаронена далейшая дзейнасць і прадпісана да 1 ліпеня прадставіць Палескай акруговай управе зямельнай (ПАУЗ) усе неабходныя дакументы і добраахотна вярнуць выплачаныя яму раней 6 924 злотых 6 грошай і штраф у такім жа памеры [28, арк. 23].

ПАУЗ у асобе старшыні В. Буйко 7 мая 1932 г. на падставе ліста Міністэрства аграрных рэформ ад 17 сакавіка 1932 г. зацвердзіла наступны памер аплаты за зямлямерам за ажыццяўленне камасацыі ў Драгічынскім павеце [29, арк. 14–15].

№	Назва	Абшар	Колькасць гаспадароў	Колькасць паселішч	Дарог	Вызначанія цяжкасці і кошты за 1 га		
						Ступень цяжкасці	За першыя	За астатнія
1	Пікачы	310	36	1	2	лёгка	За 300 па 15	Рэшта па 14,5
2	Закляценне	676	96	1	5	сярэдне	За 600 па 15,5	15
3	Белінок	426	57	1	4	сярэдне	За 300 па 16	15,5
4	Залядынне	729	67	2	1	лёгка	14,7	-
5	Глінна	557	87	1	4	сярэдне	За 300 па 16,0	15,5
6	Вулька-Радавіцкая	580	84	1	2	сярэдне	За 300 па 16,0	15,5
7	Бошня	385	20	1	3	лёгка	За 300 па 15,0	14,5
8	Радаўніца	740	133	1	1	сярэдне	За 600 па 15,5	15

Такія маштабныя змены не маглі не выклікаць разнастайных канфліктаў і спрэчак, што прыводзіла да неабходнасці іх актыўнага абмеркавання з мэтай далейшага вырашэння. Напрыклад, 14 снежня 1933 г. драгічынскі паятовы зямельны камісар правёў агульны сход жыхароў вёскі Белінок гміны Осаўцы, на якім з 69 гаспадароў прысутнічала 53, з іх 40 прыняло праект камасацыі. Скаргі іншых выкліканы неспрыяльнай канфігурацыяй надзелаў і недахопам атрыманых зямель, але, згодна з адказам улад, землемер выканаў неабходныя работы адпаведна дзеючаму заканадаўству [30, Арк. 2].

18–19 лістапада 1938 г. на сялянскім сходзе вёскі Сулічава гміны Валовель зацверджаны праект камасацыі. З агульнай колькасці 268 гаспадароў прысутнічала 184, з якіх 177 адобрыла праект, на той час як 7 скардзіліся, што атрымалі зямлі менш, чым валодалі раней. Акрамя таго, іх гаспадаркі засталіся раздробленымі. У адказе падкрэслівалася, што

новыя надзелы атрымалі згодна з заканадаўствам і прыкладна таго ж кошту. Напрыклад, А. Волас (№ 178) перад камасацыяй меў 2,8303 га коштам 638,22 злотых, па выніках камасацыі атрымаў 4,3756 га коштам 614,63 злотых, што адпавядае страчанаму [31, арк. 1–5].

На 1 красавіка 1937 г. у Драгічынскім павеце было скамасавана 72 вёскі агульнай плошчай зямельных надзелаў 58 760 га, што складала 57,7 % ад запланаванага. На наступны год планавалася завяршыць камасацыю 26 вёсак плошчай 20 951 га (20,6 %) [32, с. 15]. Звесткі аб завяршэнні камасацыі асобных вёсак, плошчы і нумарах новых надзелаў публікаваліся ў мясцовым афіцыйным дзяржаўным друку – «Палескім ваяводскім дзённіку».

Рэалізацыя меліярацыі

Ва ўмовах усеагульнай забягненасці Палесся асаблівае значэнне атрымала справа меліярацыі – асушэння забалочаных угоддзяў,

дзякуючы чаму істотна пашыралася плошча ворных зямель. Пры сярэднім памеры забажненасці па Палескім ваяводстве ў 40 % на Драгічыншчыне гэты паказчык складаў 25,52 %, што, аднак, таксама было зашмат [6, s. 179]. Калі кошт 1 га забалочаных лугоў складаў 80–100 злотых, а на вялікіх абшарах нават каля 50, то вартасць асушаных зямель ацэньвалася ў 400–800 злотых за 1 га.

З мэтай змяншэння агульнай грашовай вартасці меліярацыі шырока выкарыстоўваліся шарваркі – натуральныя працоўныя павіннасці, калі асушэнне зямель (у першую чаргу пракопанне каналаў) у многім ажыццяўлялася пад наглядам спецыялістаў рукамі і інвентаром саміх сялян.

Ліквідацыя сервітутаў

Самай супярэчлівай часткай аграрных пераўтварэнняў стала справа ліквідацыі сервітутаў – права сумеснага карыстання сялянамі і памешчыкамі агульных угоддзяў (лес, паша, рэкі і г.д.) [33, с. 28–29]. У цэлым сервітуты, з аднаго боку, былі відавочным перажыткам мінулага, бо, згодна з капіталістычным прынцыпам, у кожнай маёмасці павінен быць толькі адзін уласнік, але дзякуючы ім сяляне маглі карыстацца значнымі дадатковымі магчымасцямі для ўтрымання асабістай гаспадаркі. Пры ліквідацыі сервітутаў сяляне атрымлівалі ад уладаў кампенсацыю, але звычайна лічылі яе відавочна недастатковай, а сябе незаслужана пакрыўджанымі [17, с. 91–92].

Заклучэнне

На працягу 1921–1939 гг. польскім уладам, нягледзячы на ўсе цяжкасці, удалося правесці на тэрыторыі Драгічынскага павета шэраг карэнных аграрных пераўтварэнняў з мэтай усталявання тут эканамічна моцнай капіталістычнай таварна-рыначнай сельскай гаспадаркі, дзякуючы чаму былі пераадолены пасляваенныя страты, палепшылася агульная аграгэхічная культура апрацоўкі зямлі і арганізацыя асабістай гаспадаркі, у выніку даволі істотна вырасла ўраджайнасць асноўных сельскагаспадарчых культур і павысіўся матэрыяльны дабрабыт мясцовага сялянства. Разам з тым неабходна адзначыць высокі кошт работ, якія праводзіліся, таму такія поспехі ў развіцці мясцовай аграрнай сферы дасягнуты перш за ўсё намаганнямі саміх сялян, а крэдытная дапамога была вельмі абмежаванай і аказвалася ў першую чаргу асаднікам.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Памяць: Іванаўскі раён : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Уклад. : В. М. Туркевіч. – Мінск : БелТА, 2000. – 590 с.

2. *Максімовіч, Ю. П.* Некаторыя асаблівасці размяшчэння насельніцтва ў Драгічынскім павеце / Ю. П. Максімовіч // Загароддзе-1 : матэр. Міждысц. навук. семінара па пытаннях даслед. Палесся, Мінск, 19 верасня 1997 г. – Мінск : БелППК, 1999. – С. 32–33.

3. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia : zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1963. – 208 s.

4. *Рамановіч, П. С.* Мясцічка Моталь у палітычным, сацыяльна-эканамічным жыцці Пінскага Палесся: мінулае і сучаснасць / П. С. Рамановіч // Моўна-культурная прастора Берасцейшчыны : зб. навук. арт. – Брэст : БрДУ, 2010. – С. 159–164.

5. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. T. 3. Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1924. – 95 s.

6. *Niezbrzycki, J.* Polesie: opis wojskowo-geograficzny i studjum terenu / J. Niezbrzycki. – Warszawa : Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1930. – 455 s.

7. Памяць: Драгічынскі раён : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Уклад. С. А. Супрун. – Мінск : БелТА, 1997. – 572 с.

8. Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район. – Брест : Брестская типография, 2017. – 839 с.

9. *Здановіч, У. В.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Валовельскай гміны ў 1921–1939 гг. / У. В. Здановіч // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. Выпуск 4. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2004. – С. 60–63.

10. *Пашкович, Е. И.* Административно-территориальное устройство и социально-демографическая ситуация на землях Ивановского района в составе Польши в 1920-х гг. / Е. И. Пашкович // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2014. – № 1. – С. 20–26.

11. *Пашкович, Е. И.* Краеведческие альманахи как источник по истории повседневности на Полесье в 30-е гг. XX в. / Е. И. Пашкович // Социально-культурная жизнь: история повседневности : сб. матер. регион. научно-практ. конф., Брест, 27 ноября 2015 г. – Брест, 2016. – С. 121–129.

12. *Пашкович, Е. И.* Сельские поселения Полесского воеводства в 1920-е годы: административно-территориальное устройство, демографическая структура / Е. И. Пашкович // Учёные записки БрГТУ: гуманитарные науки : сборник научн. трудов. Выпуск III. – Брест, 2021. – С. 46–52.

13. «За польскім часам...»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников. – Брест : БрГУ, 2019. – 172 с.
14. **Шукула, Л.** История деревни Хомск / Л. Шукула // Записы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. – Рыга, 2013. – Вып. 1. – С. 65–94.
15. **Śleszyński, W.** Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.
16. **Мараши, Я. Н.** Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939) / Я. Н. Мараши. – Минск : Беларусь, 1983. – 94 с.
17. **Сорокин, А. А.** Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 199 с.
18. Решения окружного земельного управления и заявления военных осадников Брестского, Дрогичинского, Камень-Коширского, Косовского поватов о выдаче ссуды за 1927–1933 гг. «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж» // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 138.
19. Дело о наделении землей военного осадника Ласковича Исидора 1930 г. имение Воропцевичи гмина Яновская повет Дрогичинский // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 158.
20. **Сцяпанав, А. Ф.** Грамадска-палітычная дзейнасць асаднікаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1920–1939 гг.) / А. Ф. Сцяпанав // Культура, навука, образование в современном мире : матер. V Междунар. научн. конф. – Гродно : ГГАУ, 2011. – С. 438–442.
21. Sprawozdanie wojewody poleskiego na posiedzenie Rady Wojewódzkiej w grudniu 1936 r. – Brześć-nad-Bugiem : Drukarnia Nadbużańska, 1936. – 78 s.
22. **Stobniak-Smogorzewska, J.** Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : Rytm, 2003. – 418 s.
23. Дело о парцелляции земли государственного имения Ляховичи гмины Осовецкой Дрогичинского повета за 1925–1935 годы // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 604.
24. Дело о парцелляции земли имений Дрогичинского повета за 1927 г. // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 587.
25. Ответы Министерства земельных реформ Польши на жалобы крестьян, получивших непригодную для обработки землю из имения Дятловичи гмины Волонель Дрогичинского повета за 1929 г. // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 667.
26. Дело о парцелляции земель имения Туровского Мотольской гмины Дрогичинского повета // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 773.
27. Заявления граждан о покупке земельных участков государственного имения Закозель Волонельской гмины Дрогичинского повета // ДАБр. – Ф. 2004. Воп. 4. Спр. 6.
28. Дело об объединении земель деревни Заверше гмины Бездеж Дрогичинского повета за 1926–1933 годы // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 967.
29. Протоколы оценочной комиссии о приеме работы от землеустроителей // ДАБр. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 1388.
30. Решения Дрогичинского поветового старосты, протокол и переписка с земельным управлением и лесничеством о комасации земель и лесных участков дер. Белинок Осовецкой гмины Кобринского повета // ДАБр. – Ф. 2004. Воп. 4. Спр. 4.
31. Решения Дрогичинского поветового старосты и протокол землемера о комасации земель дер. Суличево Волонельской гмины Дрогичинского повета // ДАБр. – Ф. 2004. Воп. 4. Спр. 5.
32. Sprawozdanie wojewody poleskiego na posiedzenie Rady Wojewódzkiej w grudniu 1937 r. – Brześć-nad-Bugiem : Drukarnia Związku Rezerwistów, 1937. – 88 s.
33. **Зялінскі, П. І.** Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919–1939 гг.) / П. І. Зялінскі // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук.-тэар. канф. 17–18 верасня 1999 г. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 24–30.

Паступіў у друк 31.08.2022 г.
 Кантакты: vitharmatny@mail.ru
 (Гарматны Віталь Пятровіч)

Harmatny V. P. DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL SPHERE OF DRAGICHYN REGION OF POLESIE VOIVODESHIP IN 1921–1939

In 1921–1939 the lands of the Dragichyn region were an integral part of the national and economic complex of Poland. The main part of the population belonged to peasants, in their vast majority suffering from small land and soil pollution, so the agrarian question was very pressing. At the same time, the Polish authorities noted that there was not enough arable land for those who wanted it, therefore when carrying out agrarian transformations, they emphasized the need to transfer management to a qualitatively new level, as a result they initiated a number of fundamental transformations with the aim of creating a large number of independent and economically strong households.

Keywords: Dragichyn region, land, agriculture, productivity, farm, settlement, land reclamation, land consolidation, easement.

УДК 94 (47). 084.8: 94 (476)

ВЛИЯНИЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ В МОСКОВСКОЙ БИТВЕ НА РАЗВИТИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ В 1942 г.

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье анализируется влияние, которое оказала на развитие партизанского движения в Беларуси в 1942 году победа Красной армии над немецко-фашистским вермахтом в Московской битве. Автором был сделан аргументированный вывод, что благодаря данной победе Красной армии партизанское движение на территории Беларуси в 1942 году получило мощнейший импульс для его последующего развития, которое расширилось и углублялось вплоть до полного освобождения нашей республики.

Ключевые слова: партизанское движение, Беларусь, Красная Армия, фашистский вермахт, Московская битва, победа, влияние.

Введение

Без малого восемьдесят лет прошло со дня победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и их сателлитами в Великой Отечественной войне, однако это событие и в наши дни продолжает привлекать большое внимание во многих странах современного мира. Актуальность данной публикации обоснована не только и не столько тем, что 2022 год в нашей республике является годом исторической памяти (а больше всего в памяти белорусов сохранились события Великой Отечественной войны), но и, главным образом, тем, что чем дальше от нашего времени победный 1945 год, тем больше спекуляций и фальсификаций появляется на тему Великой Отечественной войны в странах так называемого «цивилизованного Запада». Искажения исторической правды и действительности о событиях Великой Отечественной и Второй мировой войн приобрели небывалый ранее масштаб, что связано, во-первых, с разрушением Советского Союза, который в одиночку противостоял войскам фашистской Германии и ее сателлитов в 1941–1944 годах, а во-вторых, с попытками западных стран во главе с США разрушить уже современную Российскую Федерацию. Фальсификации касаются не только истории боевых действий регулярных войск Красной армии против немецко-фашистского

вермахта, но и деятельности советских партизанских соединений. Данная публикация, на наш взгляд, будет способствовать большему и лучшему пониманию современным молодым поколением Республики Беларусь того поистине величайшего вклада, который внесли в победу над фашистской Германией и ее союзниками белорусские партизаны.

Основная часть

Прежде чем вести речь о влиянии Московской битвы на развитие партизанского движения на территории Беларуси, следует кратко осветить те события, которые ей предшествовали в течение первого года Великой Отечественной войны. Нападение фашистской Германии стало действительно неожиданным, причем как для советского народа, так и для высшего руководства СССР во главе с И. В. Сталиным. Наступление немецкого вермахта развивалось очень быстрыми темпами, особенно на направлении главного удара – на Москву. Грубейшие ошибки руководства Советского Союза (такие, как неверное определение направления главного удара противника, неправильное, по отношению к главному удару, распределение сил Красной Армии и неверное определение сроков нападения) привели к катастрофе войск Западного особого военного округа Красной армии, которые располагались на территории Беларуси.

Впрочем, причины первоначальных поражений Красной армии в 1941 году были ранее довольно подробно освещены нами [1]. Быстрое продвижение немецко-фашистских войск по территории Советского Союза, включая белорусские земли, привело к тому, что формирование сопротивления на оккупированных ими территориях пришлось отложить на более позднее время, так как на первом месте стояла задача остановить наступление противника. Ввиду этого первые партизанские формирования на оккупированных территориях стали создаваться вовсе не по распоряжению высших органов власти и управления СССР, а в некоторой степени спонтанно. Данное

утверждение подкрепляется тем, что в речи Сталина 3 июля 1941 года содержался призыв к развертыванию партизанской борьбы в тылу врага, а специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск» ЦК ВКП (б) принято только 18 июля 1941 года, т.е. почти спустя месяц после начала Великой Отечественной войны [2, с. 15].

В то же время первые партизанские формирования вступили в бои против немецко-фашистских захватчиков на территории Беларуси еще в конце июня 1941 года. Об этом свидетельствуют и данные начальника ЦШПД (Центрального штаба партизанского движения) Советского Союза в годы Великой Отечественной войны П. К. Пономаренко, на труд которого нам доведется далее сослаться, ибо более полное обобщающее источника о деятельности партизан и подпольщиков не только на оккупированной немцами территории Беларуси, но и вообще всей оккупированной территории СССР на сегодняшний день не существует.

Так, по данным П. К. Пономаренко, Пинский партизанский отряд под командованием В. З. Коржа (Комарова), созданный 26 июня 1941 года, уже 28 июня провел свой первый бой, напав на колонны противника, двигавшиеся по тракту Пинск – Логишин. Партизаны отряда блокировали засадами дороги Ленино – Житковичи, Микашевичи – Житковичи и препятствовали передвижению по ним вражеских войск. Партизанский отряд «Красный Октябрь», созданный 26 июня 1941 года под командованием Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского, вел бои, поддерживая части Красной Армии. В середине июля отряд вместе с бронепоездом боевой группы подполковника Л. В. Курмышева нанес сокрушительный удар по противнику в д. Оземля. Отряд разгромил штаб вражеской дивизии, уничтожил 55 автомашин и броневиков, 18 мотоциклов и захватил большое количество вооружения. В июле партизанский отряд под командованием М. И. Жуковского ворвался в Слуцк, разгромил комендатуру, почту и телеграф, освободил большую группу советских военнопленных и раздал населению муку и продовольствие.

Вскоре этот же отряд атаковал и разгромил гарнизон в райцентре Красная Слобода. Совинформбюро (Советское информационное агентство) сообщило 24 июля 1941 года о том, что партизаны напали на штаб 121-й немецкой пехотной дивизии и уничтожили ее командира генерала Лансея [2, с. 53–54]. К сожалению, до

сегодняшнего дня так и не удалось выяснить, что за отряд это был, кто им командовал и проч. По-видимому, немцы устроили охоту на партизан этого соединения в отместку за гибель своего генерала и все партизаны были уничтожены, ввиду чего сведений об этом выдающемся партизанском отряде не сохранилось.

В Могилевской области 277-й партизанский отряд под командованием С. А. Мазура и комиссара И. З. Изоха 14 июля 1941 года уничтожил легковую автомашину, в результате чего два немецких офицера были убиты, а еще два ранены. Этот же отряд 26 июля 1941 года сжег 115 тонн бензина на Кличевском аэродроме, 6 августа уничтожил три легковые машины, в которых погибли пять офицеров противника и еще четыре были ранены. 26 августа этот отряд уничтожил продовольственный склад в райцентре Кличев и там же 25 тонн бензина, а с сентября по декабрь 1941 года разгромил 55 полицейских участков и сельских управлений и дезорганизовал работу оккупационных учреждений в Кличевском, Осиповичском и Кировском районах [2, с. 56].

Партизанский отряд под командованием Н. М. Никитина 16 августа 1941 года у местечка Пекалин Червенского района Минской области уничтожил 3 вражеских танка, а 17 августа на аэродроме в районе местечка Шальяны – 6 самолетов противника. 7 ноября 1941 года (т.е. в очередную годовщину Октябрьской революции) партизанские отряды под командованием А. И. Далидовича, Н. Н. Розова и А. Н. Патрина захватили мост через реку Оресса, ворвались в райцентр Любань Минской области и атаковали гарнизон, состоявший из подразделений 692-го пехотного полка и 339-й пехотной дивизии немцев. При этом противник понес большие потери. Партизанский отряд «Беларусь» Руденского района Минской области под командованием первого секретаря райкома партии Н. П. Покровского за время с 15 августа по 27 декабря 1941 года провел девять успешных операций (засад и нападений на войска и объекты противника, диверсий на железных дорогах), в результате которых была нарушена связь между Минском и райцентром Пуховичи; организовано крушение эшелона с живой силой противника на участке Руденск – Седча; произведено нападение из засады на автоколонну врага у д. Сергеевичи; разбиты два карательных отряда в районе деревень Сергеевичи и Пиличи; сожжена войлочная фабрика, изготовлявшая валяную обувь в м. Смилевичи, и ее готовая продукция; уничтожен 271 солдат

и 5 офицеров противника, выведены из строя 1 паровоз, 6 вагонов, 2 автомашины. Захвачены трофеи (пулеметы, автоматы, винтовки, гранаты и патроны) [2, с. 54–55].

Гомельский партизанский отряд «Большевик» под командованием И. С. Федосеенко и А. С. Антонова 25 сентября 1941 года подорвал два цеха завода, где немецкие захватчики ремонтировали танки и автомашины. Чувствительные потери наносили оккупантам и партизаны из отряда под командованием М. Ф. Шмырева (бабки Миная) и комиссара Р. В. Шкредо, созданного 9 июля 1941 года в Суражском районе Витебской области. В июле ими был разгромлен артиллерийский дивизион противника. На дороге Пудоть – Тимохи отряд взорвал 4 автомашины с горючим, приостановил движение по этой дороге, вывел из строя восстановленное захватчиками оборудование на картонной фабрике в Пудоти и взорвал телефонную станцию, сжег 4 моста на реках Усвяча, Туровка и Шляхотка.

15 сентября 1941 года партизанский отряд бабки Миная овладел районным центром Сураж и разгромил гарнизон, состоявший из 300 солдат 157-й пехотной дивизии и команд полиции безопасности и СД. Партизаны уничтожили канцелярию гарнизона, некоторые другие учреждения, захватили всю переписку и увезли 10 автомашин, 20 мотоциклов, 12 пулеметов, около 50 автоматов и значительное количество боеприпасов. В результате действий отряда М. Ф. Шмырева в треугольнике Сураж – Усвяты – Велиж захватчики были вынуждены усилить охрану дорог, выставить предупреждающие знаки «Зона партизан» и прикрывать движение колонн авиацией [2, с. 54–55].

В июле-сентябре 1941 года в дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил фашистского вермахта Ф. Гальдера были сделаны систематические записи о действиях партизан в тылу группы армий «Центр» на железнодорожных коммуникациях минского направления. В этих записях Гальдер сетовал на то, что частые крушения поездов препятствовали нормальному снабжению войск. Так, в записи от 26 сентября отмечалось: «Положение со снабжением. Шестая армия будет полностью снабжаться через районы группы армий «Юг». Причина – вывод из строя дороги партизанами» [2, с. 56–57]. Комментарии в данном случае излишни, ибо и так все понятно.

Руководство фашистской Германии было вынуждено уже в первые месяцы войны вне-

сти существенные коррективы в состав и численность карательных органов, предназначенных для обеспечения безопасности тыловых районов армии и установления пресловутого «нового порядка». Еще с осени 1941 года в ряде районов на борьбу с партизанами, помимо охранных частей и полицейских формирований, были брошены полевые войска. Так, в одной из карательных операций против белорусских партизан в районе пинских болот и реки Припять в начале сентября 1941 года участвовали два полка 1-й кавалерийской дивизии, моторизованные и артиллерийские части 162-й и 252-й пехотных дивизий вермахта и флотилия на реке Припять [2, с. 65]. Всего, по неполным данным, в августе 1941 года на оккупированной немцами территории БССР был организован и действовал 231 партизанский отряд и группы, насчитывавшие в своих рядах более 12 тысяч бойцов [2, с. 53].

В конце 1941 года войска Красной армии сумели перейти в наступление как на центральном, так и на северном и южном участках советско-германского фронта. На севере части Красной Армии нанесли поражение войскам фашистской группы армий «Север» под городом Тихвин, освободили часть территории Ленинградской области и не только не допустили создания двойного кольца блокады Ленинграда немецкими и финскими войсками, но и несколько улучшили положение блокированного города на Неве. На южном участке фронта Красная армия разгромила войска фашистской группы армий «Юг» и освободила Ростов-на-Дону с прилегающей территорией.

Однако поистине судьба не только Великой Отечественной, но и Второй мировой, войн зависела от Московской битвы, начавшейся еще в середине осени 1941 года. 5-6 декабря 1941 года началась наступательная фаза Московской битвы, в которой части Красной Армии нанесли крупное поражение самой большой немецко-фашистской группе армий «Центр». В ходе наступления войск Красной Армии фашистский вермахт был отброшен от Москвы на расстояние от 150 до 350 километров и непосредственная угроза захвата столицы Советского Союза была снята. Победа Красной Армии в Московской битве имела величайшее значение, ибо привела к колоссальному патриотическому подъему у населения Советского Союза, а воодушевленные этой победой партизаны и подпольщики на оккупированных территориях стали наращивать удары по врагу.

Эта победа привела и к активизации агитационно-пропагандистской работы среди всего населения СССР, включая и то, которое проживало на занятых вражескими войсками территориях. На территории Беларуси в начале 1942 года распространялись статьи, очерки и стихи таких белорусских литераторов, как А. Астрейко, П. Бровка, П. Глебко, Якуб Колас, Янка Купала, К. Крапива, А. Кулешов, М. Лыньков, П. Панченко и М. Танк (Скурко) [2, с. 22]. Существенно выросло и количество листовок и других печатных изданий, которые выпускались партизанами и подпольщиками, в том числе и на оккупированной территории Беларуси. Так, в числе листовок, которые были изданы ЦК КП(б)Б в 1941 году, на белорусском языке было издано 13, на русском – 4, на немецком – 24, на польском – 1, на чешском – ни одной. В 1942 году на белорусском языке уже была издана 61 листовка, на русском языке – 4, на немецком – 1, а на польском и чешском языках – ни одной. ЦК ЛКСМБ издал в 1941 году всего одну листовку на русском языке, а на других языках (включая белорусский) не было издано ни одной листовки. Зато в 1942 году ЦК ЛКСМБ издал уже 34 листовки на белорусском языке и 14 листовок на русском языке [3, с. 52].

В ходе проведения Красной Армией наступательной фазы Московской битвы возникли так называемые «витебские, или суражские ворота». Такое название получил временный разрыв в линии советско-германского фронта, который образовался благодаря особому характеру местности (леса и болота) и весенней распутице, из-за чего немецкое командование не сумело вовремя закрыть образовавшуюся брешь в линии своей обороны. «Витебские ворота» использовались с апреля по сентябрь 1942 года (т.е. в течение полугода). За этот период времени советским командованием через эти ворота путем провоза и проноса белорусским партизанам были переданы 4250 винтовок, 630 автоматов, 402 пулемета, 138 противотанковых ружей, 280 минометов, около 11 тысяч мин, полтора миллиона патронов, 625 тысяч патронов для автоматов, 40 тонн взрывчатых веществ, 18 тысяч гранат. Только осенью 1942 года противник ввел на этот участок новую дивизию, «закрыв таким образом брешь» в районе расположения своего 59-го корпуса. Кроме переброски оружия и боеприпасов, через «витебские ворота» в немецкий тыл было направлено большое количество организаторских групп и несколько отрядов,

в том числе отряд имени Гастелло из московских комсомольцев, два отряда, которые состояли из омских и новосибирских комсомольцев, и кавалерийский отряд А. К. Флегонтова, совершивший рейд по оккупированной территории в Брестскую область [2, с. 82].

Заключение

Подводя итоги данной статьи, мы можем утверждать, что деятельность партизанских формирований на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками в 1941 году территории в значительной степени развивалась благодаря солдатам и командирам частей Красной армии, попавшим в окружение и не имевшим шансов пробиться на соединение с фронтовыми частями. Непосредственно в самом начале войны партизанские формирования создавались вовсе не на основании соответствующих постановлений высших органов власти, а в немалой степени стихийно либо командирами окруженных частей Красной армии, либо партийными и советскими руководителями, которые имели опыт партизанских действий еще со времен гражданской войны или времен нахождения западно-белорусских земель в составе Польши. К числу первых следует отнести: генерал-майора М. П. Константинова, бывшего командира 6-й кавалерийской дивизии, ставшего впоследствии начальником оперативной части штаба партизанского соединения Минской области; полковника В. И. Ничипоровича, бывшего командира 208-й стрелковой дивизии, а затем организатора и командира 208-го партизанского отряда (он дал порядковый номер своей дивизии отряду), выросшего далее в партизанское соединение; командира партизанского отряда полковника В. А. Хлебцова, бывшего командира 110-й стрелковой дивизии [2, с. 31]. К числу вторых – С. А. Ваупшасова, К. П. Орловского, В. З. Коржа и других известных партизанских командиров.

Победа Красной армии в Московской битве привела к невиданному до того подъему партизанского движения в Беларуси, о чем свидетельствует и количество листовок, изданных ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ в 1942 году (в сравнении с 1941 годом): 48 листовок от имени ЦК ЛКСМБ (в 1941 году только одна) и 66 листовок от имени ЦК КП(б)Б (в 1941 году их было 42). О подъеме партизанского движения на оккупированной немцами территории Беларуси говорит и тот факт, что в 1941 году из 42 листовок, изданных ЦК КП(б)Б, 24 были на немецком языке, а в 1942 году на немецком

языке была издана только одна листовка, тогда как на белорусском – 61 листовка. ЦК ЛКСМБ в 1942 году издал 34 листовки на белорусском языке, тогда как в 1941 году не было ни одной. Эти цифры наглядно говорят о том, что с 1942 года в ряды партизан начинается массовый приток именно белорусского населения, которое уже в полной мере смогло на себе испытать немецкий «новый порядок» с его массовыми репрессиями против мирных людей, которых эти репрессии подвигли обратиться к вооруженным методам борьбы против захватчиков.

И в завершение необходимо указать на такой общеизвестный, но очень важный факт: первыми советскими партизанами, удостоенными высокого звания Героя Советского Союза (а партизан во все годы Великой Отечественной войны награждали далеко не так часто, как солдат и офицеров Красной Армии), стали руководители партизанского отряда «Красный Октябрь» Т. П. Бумажков и Ф. И. Павловский. Данный факт, на наш взгляд, также подтверждает тот большой вклад, который внесли в дело общей победы над фашистской Германией белорусские партизаны. Это, кстати, подтвердил и современный немецкий исследователь военной истории В. Гёрлиц, который дословно сказал следующее: «Партизанская война в Советском Союзе приобрела такой небывалый размах, что поставила под угрозу систему снабжения немецкой армии. Партизанская война была ответом на расстрелы заложников, массовую депортацию, голод, разруху и ужасы, творимые нацистами» [4, с. 408–409].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Воробьев, А. А.* О некоторых причинах поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны (сравнительный ана-

лиз с причинами поражений русской армии на начальном этапе Первой мировой войны) / А. А. Воробьев // 1941 год в истории Беларуси (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): сборник статей республиканской военно-исторической конференции, Минск, 1 июня 2011 г. / под общ. ред. А. А. Киселева. – Минск : ВА РБ (Воен. акад. Респ. Беларусь), 2012. – С. 69–74.

2. *Пономаренко, П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1944) / П. К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 440 с.

3. *Ермаловіч, В. І.* Лістоўкі перыяду Вялікай Айчыннай вайны як гістарычная крыніца / В. І. Ермаловіч // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Сeryя гуманітарных навук. – 1993. – № 1. – С. 49–58.

4. *Гёрлиц, В.* Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945 / В. Гёрлиц // Пер. с англ. С.В. Лисогорского. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 478 с.

Поступила в редакцию 25.11.2022 г.

Контакты: рах4@yandex.ru

(Воробьев Александр Александрович)

Vorobiev A. A. THE IMPACT OF THE RED ARMY'S VICTORY IN THE BATTLE OF MOSCOW ON THE DEVELOPMENT OF THE PARTISAN MOVEMENT IN BELARUS IN 1942

The article analyzes the influence which the victory of the Red Army over the German-Fascist Wehrmacht in the Battle of Moscow had on the development of the partisan movement in Belarus in 1942. The author draws a reasoned conclusion that thanks to this victory of the Red Army the partisan movement on the territory of Belarus in 1942 received a powerful impulse for its subsequent development, which expanded and deepened until the complete liberation of our Republic.

Keywords: partisan movement, Belarus, Red Army, Nazi Wehrmacht, Battle of Moscow, victory, impact.

УДК 903.2.02.(476.4)

**ДЕКОРАТИВНАЯ ОБРАБОТКА ПЛАСТИНЧАТЫХ ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ
МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ****Н. П. Шуткова**

кандидат исторических наук

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается декоративная обработка пластинчатых печных изразцов XVI–XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья (сюжетный рельеф, сюжетный рельеф и побелка, сюжетный рельеф и глазурирование, глазурирование, роспись). Для некоторых изразцов из Быхова, Барколабова и Могилева приводятся результаты оптико-эмиссионной спектроскопии стекла, позволяющие определить состав полив (красители, глушители), консервативность состава полив из разных населенных пунктов и хронологических групп.

Ключевые слова: печной изразец, декоративная обработка, оптико-эмиссионная спектрография стекла, Могилевское Поднепровье.

Введение

Печные изразцы являются достаточно массовой находкой при археологических раскопках и работах, однако им всегда уделяется меньше внимания, чем другим более редким и ценным артефактам. Изразцы представляют собой важный источник для изучения материальной и духовной культуры городов и других населенных пунктов.

Цель данной работы – обобщение данных о декоративной обработке пластинчатых печных изразцов с территории Могилевского Поднепровья. В ходе подготовки публикации были проанализированы материалы из археологических коллекций Барколабова, Быхова, Кричева, Могилева, Мстиславля, Славгорода (Пропойска), Шклова [1].

Все материалы хронологически относятся к периоду XVI–XVIII вв. Нижняя хронологическая граница обусловлена появлением и распространением пластинчатых изразцов в регионе, верхняя – постепенным переходом в конце XVIII в. к качественно новой технологии изготовления.

Основная часть

Декоративная обработка представляет собой художественное оформление изделия. В отношении декоративной обработки лицевых пластин печных изразцов региона приме-

нялись: сюжетный рельеф; сюжетный рельеф и побелка; сюжетный рельеф и глазурирование; глазурирование; роспись.

Значительная категория изразцового материала коллекций представлена терракотовыми изразцами с рельефным изображением, получаемым в ходе формовки лицевой пластины изделия в матрице. Иногда терракотовые рельефные изразцы после облицовки печи могли дополнительно покрывать побелкой. Самыми массовыми являются находки изразцов, лицевые пластины которых сочетали сюжетный рельеф и глазурирование (Рис. 1:1–2, 4–7, 9–16; Рис. 2:2–6). Реже встречаются глазурированные безрельфные изразцы (Рис. 1:8). Характерны они в основном для материалов XVIII в. Расписные изразцы представлены единичными экземплярами XVIII в. (Рис. 2:1). Они имели гладкую поверхность, на которую наносили рисунки при помощи окислов металлов.

По отношению к терминологическому разграничению между глазурью и эмалью мы придерживаемся определений глазури и эмали по М. В. Егорову и А. В. Соловьеву: «Глазурь представляет собой стеклообразный покров, образуемый легкоплавкими смесями на поверхности глиняных изделий. Эмалью называется глазурь, в состав которой вводятся материалы, заглушающие прозрачность и придающие ей белый или другие цвета» [2, с. 5]. Если уточнение по поводу прозрачности-глухости не требуется, то для них в статье в качестве общего используется термин «полива».

Поливные изразцы коллекций представлены монохромными (зеленополивные) и полихромными экземплярами. Трудно однозначно сказать, покрывались ли сырые изразцы сначала поливой, а затем обжигались. Следует отметить, что полива химически действует не только между своими составными частями, но и на глиняную массу, частично растворяя песок и глину с поверхности и прочно связываясь с ним [3, с. 14–17].

В некоторых случаях изразцы второй половины XVI – середины XVII в. преимущественно терракотовые, имеют трехслойный черепок, т.е. внешние слои имеют разные оттенки ко-

ричного цвета, а средний – темно-серый. Это говорит о том, что обжиг осуществлялся при кратковременной выдержке изделия при температурах каления в условиях окислительной атмосферы [4, с. 59]. Зеленополивные изразцы этого периода на изломе могут иметь серый черепок только под поливой (свидетельство воздействия поливы) или полностью серый (к воздействию поливы добавляется недожог изделия, как в случае с терракотовыми изразцами с трехслойным черепком). У поливных изразцов XVIII в. излом черепка по составу формовочной массы визуальнее более плотный, содержит меньшее количество примесей.

Н. И. Зданович и О. А. Трусов отметили, что расцвет производства поливных изразцов на белорусских землях приходился на вторую половину XVI – первую половину XVII в., для полихромных изделий – конец XVI – первая половина XVII в. Начало XVIII в. исследователи связывают со сменой рельефных полихромных изразцов расписными, с гладкой поверхностью (голландский тип) [5, с. 49, 51, 72].

Пластинчатые изразцы с территории Польши начали покрывать свинцовыми поливами во второй половине XV в. [6, с. 204]. Самые ранние материалы, покрытые «свинцово-оловянистыми» поливами, происходят с территории Вавеля и датированы началом XVI в. (1506 г.) [6, с. 202; 7, с. 333].

В работе «Опыт описания Могилевской губернии» (1884, Т. 2) в разделе «Кустарная промышленность», написанном А. Симановским, есть подраздел, посвященный гончарству. В подразделе даны сведения о керамическом производстве Могилевщины для XIX в. Поскольку традиции данного вида ремесла имеют достаточно консервативные черты в своем развитии, то данные материалы полезны в понимании особенностей производства более раннего времени. В источнике указано, что для создания поливы использовались деготь, олово и «циндра» (медная перегарь), закупаемые на местном рынке [8, с. 465].

Нанесение полихромных полив на рельефный рисунок требовало больших знаний и навыков. На полихромных изразцах коллекций поливы выглядят очень насыщенными, через них не просвечивает черепок изделия, что свидетельствует о введении в поливу глушителя. Логично, что для нанесения поливы на такой изразец не мог использоваться мокрый способ, поэтому остается только сухой (посыпание) или нанесение кистью. И. Е. Забелин при описании технологии изготовления полихромных глазу-

рованных изразцов XVII в. отметил, что сначала покрывали фон изразца, а затем рельефный рисунок. Каждый цвет рисунка наносился отдельно и должен был подсохнуть, иначе они могли смешаться и образовать неправильный цвет или дать потеки [9, с. 283].

Приготовление поливы было не только важным технологическим процессом, но и целым искусством. Начиналось оно с выбора и подготовки необходимых компонентов. Л. М. Блюмен в работе «Глазури» условно разделил компоненты на основные, которые использовались для создания основы поливы, и второстепенные – красители и глушители [3, с. 19]. Он же отмечает, что нанесение поливы можно осуществлять сухим способом (посыпанием), мокрым (окунанием или поливанием), кистью [3, с. 101].

М. С. Кацер описывает льячки, с помощью которых цветные эмали выливались на соответствующие участки рисунка. Сначала покрывали самую низкую часть рельефа, потом высокие его части. После обжига полива превращалась в твердое стеклообразное покрытие. Н. И. Зданович и О. А. Трусов описывают процесс нанесения зеленой поливы на изразец следующим образом: «Высушенный изразец смазывался шлимфой – специально разведенным клейстером, дегтем и сразу через «пытлик» (мелкое сито) присыпался сухой глазурью, состоящей из пережженного свинца, речного песка и глея» [5, с. 75]. Для получения зеленого цвета в шихту добавляли окись меди [3, с. 75].

Первый анализ количественного спектрального анализа полив региона был опубликован И. В. Ганецкой для материалов Мстиславля [10, с. 75]. Анализ позволил определить химический состав поливы и вид красителя для каждого цвета поливы: Fe_2O_3 (желтый), CuO (зеленый), SnO_2 (белый, глушитель), CoO (синий), MgO (фиолетовый, темно-коричневый). Опубликованные данные стали основой для определения красителей других изразцов белорусскими исследователями.

И. И. Синчуком было проведено исследование полив некоторых изразцов из Быхова и Могилева электронным микрондовым и оптическим спектральным анализами [11, с. 158–160].

Нами были отобраны 38 проб полив печных изразцов (с 22 экземпляров) конца XVI – XIX в. из Барколабова, Быхова, Могилева¹ (Рис. 1–2).

¹ Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору И. А. Марзалюку за возможность работы с материалами археологических исследований, ставших основой для проведения оптико-эмиссионной спектрографии стекла.

Для них была проведена оптико-эмиссионная спектрография стекла (Таблицы 1–4) кандидатом химических наук А. Н. Егорьковым на базе Лаборатории археологической технологии при Институте истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Материалы хранятся в фондах археологической лаборатории имени В. Ф. Копытина при МГУ имени А. А. Кулешова (далее ФАЛ) и Музея истории Могилева (далее МИМ).

Анализы были проведены для того, чтобы определить состав полив (красители, глушители); сравнить составы полив, близких хронологически, но из разных населенных пунктов; определить, изменялся ли состав на разных хронологических этапах.

Результаты анализов показывают, что свинец относится к одному из главных стеклообразующих элементов, в качестве которого его использовали еще с античного времени. Без стеклообразующих элементов нельзя получить устойчивых в химическом отношении стекол [12, с. 29]. Его использовали в комбинации с песком для получения стеклянной массы, которая из-за своей легкоплавкости оказалась весьма пригодна для использования ее как поливы [12, с. 29].

В. А. Галибин отметил независимое существование олова и свинца в составе стекла, характерного для полихромных свинцовых глазурей (полив) XV–XVII вв., где олово выступает в качестве красителя белого цвета и глушителя. При этом свинец является стеклообразующим элементом, т.е. элементом, без которого нельзя получить устойчивых в химическом отношении стекол [12, с. 25, 43]. Анализ материала показал, что для создания полив белого цвета образцов 883-11, 883-16, 883-24, 883-26, 883-32, 883-29, 883-37, 883-40 (т.е. все образцы белых полив полихромных изразцов) олово использовали в качестве красителя и глушителя. Такая традиция сохраняется в XIX в., поскольку анализ поливы изразца с плоской лицевой пластиной (883-12) подтвердил окрашивание поливы в белый цвет и ее глушение из-за использования олова. Олово не являлось примесью, оно вводилось в состав сознательно, о чем свидетельствует его относительно большее содержание по отношению к меди [12, с. 50]. Таким образом, для создания белой глухой поливы с конца XVI и вплоть до начала XIX в. использовалось олово.

Образцы полив 882-50; 883-18; 883-25; 883-28; 883-30; 883-33; 883-40 полностью подтвердили получение при добавлении кобальта

синего цвета поливы. Из них образцы 883-18; 883-30 заглушены диоксидом олова.

Образцы 882-49; 883-15; 883-36; 883-41 окрашены в сине-зеленый (бирюзовый) цвет совместным действием марганца и меди. Элементы, необходимые для создания такого цвета, исследователями ранее не отмечались. Некоторые бирюзовые поливы дополнительно глушились диоксидом олова (883-15; 883-36; 883-41).

Зеленый цвет поливы мастера получали двумя способами: с помощью ионов железа и меди [12, с. 35].

Поливы желтого цвета, судя по анализам материала, изготавливались двумя способами [12, с. 40]. Способ 1: образцы полив окрашивались и заглушались высоким содержанием оксида олова (883-17, 883-39). Способ 2: небольшое содержание оксидов меди, олова и железа в составе при совместном действии окрашивают поливы в желтый цвет (883-27 и 883-34). Свинец, кроме стеклообразующего элемента, может выступать в качестве цветообразующего элемента (красителя). В этой роли он выступает при низком содержании его в составе стекла (менее 15%). Его красящие действия (желтый цвет) проявляются в соединениях с оловом и сурьмой при условии, что в составе стекла роль стеклообразователей выполняют другие щелочные элементы [12, с. 40]. Эта закономерность видна в составе поливы 882-48.

Натрий при содержании меньше 2,0-1,5% не выполняет функции стеклообразующего элемента, а переходит в разряд примесей [12, с. 47]. Эта закономерность прослеживается во всех образцах полив, за исключением образцов 882-48, 883-32, 883-37, где содержание натрия колеблется в пределах 1,6-2,2 %.

Во всех образцах полив магний относится к примеси, а не выступает в качестве красителя. Он попадает в состав стекла вместе с сырьевыми компонентами шихты (чаще всего с золой) [12, с. 47–48]. Алюминий, входящий в состав поливы, также относится к примеси, несмотря на значительный процент его содержания в стекле. Он попадает в состав несколькими путями: песок, растительная зола, полевой шпат [12, с. 48].

Следует отметить, что состав анализов полив региона близок опубликованным анализам полив некоторых населенных пунктов с территории Польши и Литвы, что свидетельствует о близких технологиях изготовления полив [12, с. 248-255; 13, с. 455-458].

Заключение

Таким образом, для декоративной обработки печных изразцов XVI–XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья использовались: сюжетный рельеф; сюжетный рельеф и побелка; сюжетный рельеф и глазурирование; глазурирование; роспись. Самой многочисленной является категория изразцов, сочетающая в себе сюжетное рельефное изображение и нанесение поливы. Для некоторых изразцов из Быхова,

Барколабова и Могилева была проведена оптико-эмиссионная спектрография стекла, позволяющая определить состав полив (красители, глушители). Результаты анализов также показали, что составы полив из разных населенных пунктов и хронологических групп не имеют существенных различий. Проведенные анализы показывают, что традиции использования состава поливы являются достаточно консервативными и сохраняются на протяжении столетий.

Рис. 1: 1 – стеной изразец 1621–1635 гг. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 140); 2 – стеной изразец 1621–1635 гг. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 142); 3 – стеной изразец XIX в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 19); 4 – стеной изразец XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 45); 5 – элемент составного изразцового панно вт. п. XVII в. (ФАЛ, Баркалабово, 2008 г., инд. № 235); 6 – реконструкция стеной изразца XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г.); 7 – стеной изразец XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 584а); 8 – стеной изразец XVIII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г., инд. № 36); 9 – стеной изразец сер. – вт. п. XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г., инд. № 16); 10 – стеной изразец сер. – вт. п. XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г., инд. № 17); 11 – перемычка вт. п. XVII – н. XVIII в. (ФАЛ, Могилев, Подниколье (Покровский посад), 2015 г., инд. № 225); 12 – стеной изразец с датой «166X» (МИМ КП 005457); 13 – углоу изразец вт. п. XVII – н. XVIII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 5); 14 – навершие XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г. инд. № 5); 15 – стеной изразец сер. – вт. п. XVII в. (МИМ КП 528); 16 – стеной изразец вт. п. XVII – н. XVIII в. (МИМ КП 189). Могилев (11, 12, 15, 16), Быхов (1–4, 6–10, 13–14), Барколабова (5). Фотографии и реконструкция сделаны Н. П. Шутковой.

Рис. 2:1 – поясковый изразец XVIII в. (МИМ КП 005459); 2 – стеной изразец к. XVI – п. п. XVII в. (МИМ КП 1603/16); 3 – стеной изразец с датой «1643» (ФАЛ, Замчище, 2014 г. инд. № 2); 4 – стеной изразец сер. – вт. п. XVII в. (МИМ КП 529); 5 – стеной изразец п. п. XVII в. (ФАЛ, замок в Старом Быхове, 2013 г.); 6 – карнизный изразец сер. – вт. п. XVII в. (МИМ КП 1061). Могилев (1-4, 6), Быхов (5). Фотографии сделаны Н. П. Шутковой.

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла

(за значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше – две, достижимая чувствительность по K₂O около 1 %)

Таблица 1

Шифр лаборат.	882-47	882-48	882-49	882-50	883-11	883-12	883-13	883-14	883-15	883-16
№ на рис.	Рис. 1:1	Рис. 1:2	Рис. 1:2	Рис. 1:2	Рис. 1:2	Рис. 1:3	Рис. 1:7	Рис. 1:4	Рис. 1:5	Рис. 1:5
Цвет	зел	жел	син-зел	син	бел	бел	зел	зел	син-зел	бел
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	0,1	0,2	1,6	1,2	0,3	0,5	0,2	0,1	0,6	1,0
K ₂ O	3,4	3,3	3,1	2,8	2,6	3,3	3,8	4,0	3,5	3,9
CaO	3,5	0,8	1,1	0,9	0,8	2,6	1,4	2,3	2,2	1,4
MgO	1,0	1,0	1,4	0,9	0,4	1,4	1,3	1,8	1,1	1,0
Al ₂ O ₃	5,4	4,6	5,8	3,8	1,5	6,3	4,5	8,0	4,5	3,8
Fe ₂ O ₃	1,3	1,1	1,2	1,8	0,5	0,6	0,6	0,8	0,6	0,8
MnO	0,07	0,08	0,2	0,07	-	-	-	-	-	-
TiO ₂	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3	0,5	0,5	0,5
PbO	1,8	1,1	26	40	12	17	11	22	16	38
SnO ₂	0,02	0,2	2,2	1,8	6,7	7,7	-	0,03	4,9	9,7
CuO	0,2	-	0,9	0,3	0,2	0,1	0,5	0,4	0,8	0,2
CoO	-	-	-	0,1	-	-	-	-	-	-
Sb ₂ O ₃	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag ₂ O	-	-	-	0,01	-	-	-	-	0,01	-
NiO	-	-	-	0,3	-	-	-	-	-	-

Таблица 2

Шифр лаборат.	883-17	883-18	883-19	883-20	883-21	883-22	883-23	883-24	883-25	883-26
№ на рис.	Рис. 1:5	Рис. 1:5	Рис. 1:15	Рис. 1:8	Рис. 2:2	Рис. 1:9	Рис. 1:10	Рис. 1:11	Рис. 1:11	Рис. 1:14
Цвет	жел	син	зел	зел	зел	зел	зел	бел	син	бел
SiO ₂	осн.	осн.		осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	0,2	0,7	0,2	0,3	0,1	0,2	0,4	1,0	0,2	0,9
K ₂ O	4,6	3,3	3,6	3,9	3,8	3,5	4,6	3,2	3,6	3,9
CaO	2,8	1,0	1,8	3,5	1,6	3,3	3,6	1,1	2,6	1,8
MgO	2,8	0,3	1,0	0,8	0,6	0,9	1,5	0,7	1,0	1,4
Al ₂ O ₃	10	13	7,5	5,4	5,4	3,8	10	3,0	6,4	12
Fe ₂ O ₃	1,5	1,0	2,0	1,4	1,0	0,6	1,0	0,6	1,4	3,0
MnO	-	-	0,08	-	-	-	0,1	0,08	-	0,09
TiO ₂	0,6	0,2	0,5	0,8	0,5	0,4	0,5	0,2	0,8	0,8
PbO	13	26	40	20	10	5,4	8,0	27	5,6	27
SnO ₂	4,3	4,1	-	0,2	-	-	0,04	8,5	0,2	5,5
CuO	0,07	0,1	1,6	1,4	0,5	0,1	0,3	0,4	0,06	0,04
CoO	-	0,3	-	-	-	-	-	0,07	0,1	-
Sb ₂ O ₃	2,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag ₂ O	-	-	0,01	0,01	0,01	-	-	0,02	-	0,01
NiO	-	0,1	-	-	-	-	-	0,05	0,09	-

Таблица 3

Шифр лаборат.	883-27	883-28	883-29	883-30	883-31	883-32	883-33	883-34	883-35	883-36
№ на рис.	Рис. 1:14	Рис. 1:14	Рис. 1:13	Рис. 1:13	Рис. 1:2	Рис. 1:12	Рис. 1:12	Рис. 1:12	Рис. 2:4	Рис. 1:16
Цвет	жел	зел	бел	син	зел	бел	син	жел	зел	син-зел
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	0,3	0,3	0,6	0,7	0,1	2,1	0,8	0,4	0,3	1,1
K ₂ O	3,6	3,6	3,5	3,9	4,4	3,0	4,0	5,2	6,0	3,3
CaO	2,0	2,0	1,0	1,3	2,6	1,1	2,2	1,4	4,4	2,2
MgO	1,1	1,1	0,4	1,0	1,8	0,7	1,8	0,5	2,5	0,3
Al ₂ O ₃	8,6	10	1,0	6,4	1,6	3,2	8,0	2,1	18	1,6
Fe ₂ O ₃	2,9	3,5	1,5	2,2	2,3	1,3	2,0	0,9	2,1	0,3
MnO	-	0,08	-	-	0,08	-	-	-	0,08	-
TiO ₂	0,5	0,7	0,1	0,8	0,8	0,6	0,8	0,5	0,9	0,3
PbO	24	13	32	7,5	16	63	13	5,6	7,5	50
SnO ₂	0,2	1,8	9,7	2,2	0,03	15	1,2	1,3	-	12
CuO	0,1	0,2	0,2	0,1	1,3	0,4	0,1	0,06	0,2	4,1
CoO	0,03	0,1	0,05	0,07	-	-	0,08	-	-	-
Sb ₂ O ₃	1,1	-	0,3	-	-	0,2	-	0,3	-	1,9
Ag ₂ O	0,01	0,01	-	-	0,01	0,03	-	-	-	0,01
NiO	0,03	0,1	0,02	0,08	-	-	0,1	0,04	-	-

Таблица 4

Шифр лаборат.	883-37	883-38	883-39	883-40	883-41	883-42	883-43	883-44		
№ на рис.	Рис. 1:16	Рис. 2:1	Рис. 2:5	Рис. 2:5	Рис. 2:5	Рис. 2:5	Рис. 2:3	Рис. 2:6		
Цвет	бел	кор.	жел	син	син-зел	бел	зел	зел		
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.		
Na ₂ O	2,2	0,4	0,9	1,0	0,1	1,0	0,1	0,6		
K ₂ O	5,2	3,9	3,8	4,4	4,9	4,4	3,9	5,0		
CaO	3,3	5,3	1,8	2,2	2,7	2,3	1,1	1,1		
MgO	2,2	2,4	1,6	1,4	1,5	1,2	0,6	1,3		
Al ₂ O ₃	18	10	8,0	6,1	8,0	9,2	3,8	9,2		
Fe ₂ O ₃	2,0	3,3	0,9	1,9	2,2	2,2	1,3	2,5		
MnO	0,1	0,3	-	-	0,1	-	-	0,1		
TiO ₂	0,8	0,5	0,7	0,6	0,8	0,8	0,7	0,7		
PbO	16	11	20	8,0	33	18	7,0	23		
SnO ₂	7,0	5,2	2,0	1,7	11	8,9	-	-		
CuO	0,3	0,1	0,1	0,09	2,2	0,1	1,5	0,6		
CoO	-	-	0,02	0,06	-	-	-	-		
Sb ₂ O ₃	0,5	-	3,3	-	-	-	-	-		
Ag ₂ O	-	-	0,01	-	-	-	-	-		
NiO	-	-	0,03	0,1	-	0,03	-	-		

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ

1. *Шуткова, Н. П.* Изразцовые печные наборы XV – XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья и Посожья (технология изготовления, типология, хронология) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Н. П. Шуткова ; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Могилев, 2017 – 26 с.
2. *Егоров, М. В.* Цветные глазури и эмали (майолика) / М. В. Егоров, А. В. Соловьев. – Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1931. – 80 с.
3. *Блюмен, Л. М.* Глазури / Л. М. Блюмен. – М. : Гос. изд-во лит. по строит. материалам, 1954. – 171 с.
4. *Васильева, И. Н.* Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды / И. Н. Васильева, Н. П. Салугина // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI в. : материалы Междунар. полевой науч. конф. «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI в.» / сост. и науч. ред. С. А. Агапов. – Ульяновск : Обл. тип. «Печатный двор», 2013. – С. 57–90.
5. *Здановіч, Н. І.* Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
6. *Dąbrowska, M.* Kafle i piece kaflowe w Polsce do końca XVIII w. / M. Dąbrowska // Studia i materiały z historii kultury materialnej. – Wrocław, 1987. – Т–LVIII. – 270 s.
7. *Piątkiewicz-Dereniowa, M.* Kafle Wawelskie okresu wczesnego renesansu, Studia do Dziejów Wawelu / M. Piątkiewicz-Dereniowa // Krakow. – 1961. – Т. 2. – S. 303–375.
8. *Симановский, А.* Кустарная промышленность / А. Симановский // Опыт описания Могилевской Губернии в историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношениях, съ двумя картами губернии и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и типовъ, въ трехъ книгахъ, составленъ по программѣ и под редакцией председателя Могилевскаго Губернскаго статистическаго комитета А. С. Дембовецкаго. – Могилевъ на Днѣпрѣ : Тип. Губ. правленія, 1884. – Кн. 2. – С. 287–530.
9. *Забелин, И.* О финифтяномъ и ценнинномъ производстве въ Россіи / И. Забелин // Записки императорскаго археологическаго общества. – СПб. : Отд. г. Санкт Петербургъ, 1853. – Т. 6. – С. 238–338.
10. *Ганецкая, І. У.* Мастацкая кераміка Мсціслава / І. У. Ганецкая // Весці АН БССР. Сер. Грамад. навук. – 1990. – № 1. – С. 75–80.
11. *Раханский, И. Е.* Физико-химическое исследование археологической керамики XVII–XVIII вв. из г. Могилева / И. Е. Раханский, И. И. Синчук, Б. О. Филонов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь : Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, 2014. – Вып. 7. – С. 148–162.
12. *Галибин, В. А.* Состав стекла как археологический источник / В. А. Галибин. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2001. – 216 с.
13. *Rackevičius, G.* XVI a. Koklinių krosnių rekonstrukcija. XVIa. koklinių katalogas / G. Rackevičius ; Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai Vilniuje. – Vilnius, 2012. – 480 s.

Поступила в редакцию 21.09.2022 г.

Контакты: shutkova@msu.by

(Шуткова Надежда Петровна)

Shutkova N. P. DECORATIVE PROCESSING OF PLATE STOVE TILES OF THE MOGILEV DNIEPER REGION

The article deals with the decorative processing of plate stove tiles of the XVI–XVIII centuries from the territory of the Mogilev Dnieper region (plot relief, plot relief and whitewashing, plot relief and glazing, glazing, painting). For some tiles from Bykhov, Barkolabova and Mogilev, the results of optical emission spectrography of glass are presented. It makes possible to determine the composition of glazes (dyes, silencers), the conservatism of the composition of glazes from different settlements and chronological groups.

Keywords: stove tiles, decorative processing, optical emission spectrography of glass, Mogilev Dnieper region.

УДК 101,9;113/119

**В. Ф. КУПРЕВИЧ КАК УЧЕНЫЙ-БИОЛОГ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
РУССКОГО КОСМИЗМА (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)****П. С. Карако**доктор философских наук, профессор
Белорусский государственный университет

Раскрывается жизненный и творческий путь выдающегося белорусского биолога-космиста В. Ф. Купревича. Выявляются естественнонаучные основы его космического мировоззрения. Подчеркивается влияние космических идей К. А. Тимирязева, В. И. Вернадского и других представителей русского космизма на становление и выражение космизма у белорусского биолога. Последний особенно очевиден в текстах его трудов, раскрывающих космическую выраженность земной жизни. Подчеркивается и космический статус положения о вечности жизни во Вселенной, которую обосновывает Купревич. Делается вывод о его причастности к естественнонаучной ветви русского космизма.

Ключевые слова: природа, Космос, Вселенная, космизм, русский космизм, физиология большого растения, ботаника, фотосинтез, почва, живое вещество, жизнь, эволюция, вечность жизни.

Введение

К числу представителей русского космизма российские исследователи С. Г. Семенова и А. Г. Гачева причисляют и видного белорусского биолога, члена-корреспондента АН СССР, президента АН БССР – Василия Феофиловича Купревича (1897–1969). Причем космизм его идей связывается ими только с обсуждаемыми белорусским ученым проблемами долголетия человека, его бессмертия. При этом они подчеркивают, что становление идеи бессмертия человека у В. Ф. Купревича произошло под влиянием воззрений русского религиозного мыслителя и космиста Н. Ф. Федорова (1828–1903). Так, С. Г. Семенова пишет, что космические идеи В. Ф. Купревича «созвучны федоровским взглядам на жизнь и смерть» [1, с. 477]. Далее она утверждает о восприятии этих взглядов белорусским биологом: «Купревич стоит на той точке зрения, которую так настойчиво проводил Федоров еще в XIX веке: смерть не изначально природе, она явилась приспособительным средством, выработанным в процессе эволюции для более быстрого совершенствования рода, целого под действием естественного отбора» [1, с. 478].

© Карако П. С., 2023

Знания обо всем этом позволит, по заключению цитируемого автора, решить и проблемы бессмертия.

Сходную точку зрения выражает и А. Г. Гачева. В одной из ее работ делается вывод: «Подобно Федорову, утверждавшему, что ключ к преодолению смерти дает человеку исследование механизмов природы, овладение внутренними ее законами, Купревич призывает обратиться за “эликсиром бессмертия” к самой природе» [2, с. 186]. Здесь уместным было бы добавить: к той природе, которая нас породила и в которой мы обитаем.

Процитированным выше выводам А. Г. Гачева не ограничивается. Она отмечает и влияние положений В. И. Вернадского (1863–1945) на становление и выражение космизма В. Ф. Купревича. Особенно значимыми для последнего были, по ее заключению, положения русского космиста о живом веществе (совокупности всех форм живого в биосфере Земли), его «стойкости и долговечности», способности к «самообновлению и самоуподоблению, а значит, обладающего потенциальным бессмертием» [2, с. 186]. Данным заключением А. Г. Гачева и ограничилась. Выявление конкретного влияния космических идей В. И. Вернадского на становление космического мировоззрения В. Ф. Купревича в процитированном труде Гачевой нами не обнаружено.

У автора настоящей статьи возникли сомнения и относительно восприятия В. Ф. Купревичем идей Н. Ф. Федорова о смерти и бессмертии человека. В годы научной деятельности белорусского ученого труды русского религиозного мыслителя были недоступны. Это – во-первых. Во-вторых, последовательный материалист В. Ф. Купревич не смог бы воспринять идеи этого мыслителя относительно смерти и бессмертия человека. Ведь у Федорова смерть есть «торжество слепой силы». Для преодоления этой «силы» нынешнему поколению людей следует, по его заключению, заняться воскрешением своих умерших предков. Вот тогда будет решена и главная задача человека – *достижение бессмертия*

и вечности человечества. «Воскрешение, – писал он, – будет победою нравственности, будет последнею высшею степенью, до которой может дойти нравственность» [3, с. 388]. В работах Купревича, касающихся долголетия человека, нет ничего подобного сказанному Федоровым.

Здесь следует отметить и то, что в 60-е годы прошлого века в СССР проблемы геронтологии были предметом внимания многих представителей научного знания, в том числе и Купревича. По его инициативе в системе АН БССР был открыт Сектор геронтологии. Свою точку зрения по проблеме долголетия человека высказывал и он сам в популярных журналах и газетах. Содержание статей Купревича в таких изданиях и было предметом анализа и освещения Семеновой и Гачевой. Но данные статьи не имеют отношения к русскому космизму, да и космическим идеям самого Купревича. В силу сказанного его «геронтологические статьи» не станут нами рассматриваться.

Внимание автора настоящей работы будет сосредоточено на постижении и освещении истоков и содержания космических идей В. Ф. Купревича, его причастности к представлениям русского космизма. Отмеченные проблемы и определили наше внимание к творчеству этого ученого. Причем первостепенное значение будет иметь краткое освещение основных вех учебы, педагогической и научной деятельности именитого белорусского ученого, гражданина-патриота и руководителя научных учреждений в бывшей большой стране.

Основные вехи жизни и научной деятельности белорусского ученого

Родился Василий Феофилович Купревич в деревне Кальники Смолевичского района Минской области в крестьянской семье. Первое образование получил в Двинской начальной школе, затем – Смоленской сельскохозяйственной школе. Именно здесь у него зародился интерес к постижению природы. Его любимым учебным предметом была ботаника. Становлению интереса к этой области знания способствовало изучение им книги именитого русского ученого-ботаника К. А. Тимирязева (1843–1920) «Жизнь растений» (1878). При жизни ее автора она переиздавалась девять раз. По признанию академика В. И. Вернадского, данная книга «является одной из классических книг нашей литературы и тысячи людей получили из нее и из других общедоступных сочинений Тимирязева не только по-

учение и знание, но и стимул, определивший их жизненную деятельность» [4, с. 284].

Одним из этих «тысяч людей», испытавших влияние вышеназванной и других книг русского ботаника, был и белорусский учащийся сельскохозяйственной школы Василий Купревич. В художественной форме весьма впечатлительно описал воздействие трудов Тимирязева на мировоззрение юного Василия белорусский писатель В. С. Липский (род. в 1940 г.) в специальной книге, посвященной освещению жизни и научной деятельности Купревича. В ней отмечаются и те впечатления, которые юный Купревич получил от восприятия идей Тимирязева о роли хлорофилла листьев зеленых растений в осуществлении их связи с космическими факторами и прежде всего с излучениями Солнца [5, с. 27]. Сам Тимирязев в наличии данной связи видел и космическую функцию растений: «Связь между солнцем и листом приводит нас к самому широкому, самому обобщаемому представлению о растении. В ней раскрывается перед нами *космическая* роль растения. Зеленый лист, или, вернее, микроскопическое зеленое зерно хлорофилла, является фокусом, точкой в мировом пространстве, в которую с одного конца притекает энергия Солнца, а с другого берут начала все проявления жизни на Земле. Растение – посредник между небом и Землей. Оно истинный Прометей, похитивший огонь с неба» [6, с. 407]. Выявление «посреднической» роли растений между Землей и Космосом станет предметом постижения Купревичем в период его научной деятельности.

По свидетельству В. С. Липского, в сельскохозяйственной школе Купревич ознакомился и с трудом Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение» (1883), да и с книгой самого Дарвина – «Происхождение видов» (1859). Эволюционные идеи этих трудов стали мировоззренческой и методологической основой практически всех будущих научных работ Купревича.

Особое внимание на юного учащегося произвело прочтение им путешествия и исследования Дарвиным особенностей растительного и животного мира ряда океанических островов и прибрежных территорий некоторых материков, осуществленных им на корабле «Бигль». Мечта о подобном путешествии определила и то, что после окончания сельскохозяйственной школы (1913) он поступает в этом же году в школу юнг (Кронштадт) Балтийского флота. По истечении трех лет обуче-

ния начинается его служба в звании командора (унтер-офицера) на эскадренном миноносце «Самсун». Принимает участие в боях Балтийского флота с немецким морским флотом, был активным участником штурма Зимнего дворца и свержения Временного правительства. В 1918 г. из-за болезни был демобилизован с флота и возвращается на свою малую родину. Здесь он работает сначала учителем в Кальниковской начальной школе, а затем преподавателем естествознания в Смолевичской средней школе. В 1926–1931 гг. им публикуются многие методические статьи по вопросам проведения природоведческих экскурсий учащихся. Занимается исследованием шляпочных грибов, их мест обитания. В 1931 г. им издается труд – «Грибы Смолевичского района», в котором описаны многие виды съедобных и несъедобных грибов данной территории. В этом же году Купревич завершает заочное обучение в Московском институте повышения квалификации кадров народного образования и сразу же поступает в аспирантуру Ботанического института АН СССР (Ленинград). Именно здесь начинается и его подлинная научная деятельность. Обучение в аспирантуре завершается в 1934 г. защитой кандидатской диссертации по теме «О физиологии больного растения. Физиологические данные о вредности грибных и вирусных болезней культивируемых растений». Тема и защита диссертации вызвала большой интерес у специалистов-биологов. На защите присутствовали академик В. А. Комаров, президент АН СССР академик А. П. Карпинский и другие видные ученые страны. После защиты диссертации Купревич возвращается в Минск, где работает в АН БССР до 1938 г. в должности старшего научного сотрудника. В отмеченные годы им продолжались исследования, начатые в Ботаническом институте. В Минске были выполнены и опубликованы несколько самостоятельных и оригинальных работ: «Задачи и методы исследования заболеваний сельскохозяйственных растений», «Вирусные болезни картофеля» и др. Здесь же, наряду с научной работой, молодой ученый ведет и учебную работу. В Белорусском государственном университете и ряде других вузов Минска он читает лекции по курсу «Дарвинизм». Но желание продолжить более детальное исследование проблемы болезней растений определило и его возвращение вновь в Ботанический институт АН СССР для подготовки докторской диссертации. В Ленинграде застает его и война.

В предвоенные годы в Ботаническом институте Купревичем были значительно расширены направления научных исследований. У научной общественности особый интерес вызвало выявленное им усвоение растениями углекислоты из почвы (до 20 %). Данное открытие имеет большое значение для практики сельскохозяйственного производства. Предложенная ученым важность известкования почв и в наши дни широко используется землеробами Беларуси, да и других стран. Этот прием является дополнительным фактором обогащения почв углеродом. Открытие Купревичем явилось уточнением положений К. А. Тимирязева о сущности процесса фотосинтеза. Рассматриваемое исследование, его научная и практическая значимость была изложена в опубликованном Купревичем труде – «Об усвоении растением углекислоты почвенного раствора в процессе фотосинтеза» (1940). Значительной новизной обладали и его труды этого периода: «К биологии листовой ржавчины ржи», «О происхождении и эволюции паразитизма у грибов» и т. д.

В. Ф. Купревич был так поглощен своими исследованиями, что остался их проводить и в период окружения Ленинграда немецкими войсками. В блокадном городе 20 ноября 1941 г. он защищает докторскую диссертацию по теме «Физиология больного растения в связи с общими вопросами паразитизма». О защите диссертации сообщило и блокадное радио Ленинграда. 8-го февраля 1942 г. по «Дороге жизни» Купревич был эвакуирован в Ярославскую область, затем – Таджикистан. Во время пребывания в этой республике проводил исследования, которые были отражены в трудах: «Болезни виноградной лозы в Таджикистане и меры борьбы с ними», «Новые виды ржавчинных грибов Таджикистана» и др. После освобождения Ленинграда от немецкой блокады возвращается в Ботанический институт и продолжает исследования болезней растений. Их результаты были обобщены в монографическом труде – «Физиология больного растения в связи с общими вопросами паразитизма» (1947). Данная книга положила начало новому направлению в физиологии растений – *физиологии больного растения*. Автором книги подчеркивалось, что одним из проявлений болезни растения является снижение процессов фотосинтеза в нем. Это снижение связано с влиянием паразитных грибов на всю жизнедеятельность растения. «Действие инфекции, – писал Купревич, – простирается на все

жизненные функции отдельных органов или растения в целом (дыхание, рост, обмен веществ), никогда не ограничивается какой-нибудь одной функцией» [7, с. 218].

В последующие годы Купревич продолжил развивать представления о физиологии больного растения. Обстоятельно содержание данного направления науки им было сформулировано в докладе на XVIII Тимирязевских чтениях в Отделении биологических наук АН СССР в 1957 г. В нем Купревич говорил, что «физиология больного растения – патологическая физиология – изучает процессы, характеризующие жизнедеятельность растения, пораженного инфекцией или подвергнутого действию других неблагоприятных факторов внешней среды, и, являясь разделом общей физиологии растений, пользуется ее понятиями и методами» [8, с. 144]. Докладчиком были названы и конкретные представители различных грибов и бактерий, поражающих зеленые растения.

Отмеченными трудами и обоснованными научными положениями не ограничивалась научная деятельность Купревича. Им внесен вклад в развитие микологии, общей физиологии растений, почвенной энзимологии. Разрабатывалась систематика различных групп грибов и проблематика вида у низших растений. В центре внимания были и вопросы происхождения и эволюции паразитизма в растительном мире. Тем самым он развивал и расширял идеи Дарвина о происхождении видов живого и его эволюции. К 150-летию со дня рождения английского биолога и 100-летию со времени выхода его труда «Происхождение видов» белорусским ученым была издана специальная работа, в которой раскрывалась мировоззренческая и методологическая значимость данного труда для биологической науки [9].

Нельзя не отметить и деятельность Купревича в организации исследований проблем биологической науки в крупных научных центрах, которыми он руководил. Так, с 1949 по 1952 г. Купревич являлся директором Ботанического института АН СССР. В 1952–1969 гг. – президент АН БССР, с 1953 г. – член-корреспондент АН СССР. Он руководил и весьма авторитетными научными изданиями АН СССР: «Ботанический журнал» (1959–1966), «Микология и фитопатология» (1967–1969), «Доклады АН БССР» и др. Организаторскую и научную деятельность белорусского биолога в период руководства им АН БССР подробно освещали академики АН БССР и

НАН Беларуси В. И. Парфёнов, С. Г. Скоропанов, Л. М. Сушня и другие на юбилейной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Купревича [10].

В настоящее время начатые Купревичем исследования физиологии больных растений, многообразия и разнообразия низших растений на территории Беларуси продолжают сотрудниками Отдела физиологии и систематики низших растений Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси, организованного им. Значимый вклад в разработку отмеченных проблем вносят преподаватели и сотрудники кафедры ботаники Белорусского государственного университета.

Все вышеотмеченное позволяет поставить и следующий вопрос. Имели ли место космические идеи в столь активной научной деятельности Купревича? Они имели место. Причем поднимались и освещались академиком в его научных трудах. Их содержание станет предметом постижения и раскрытия в следующем разделе настоящей статьи.

Идеи космизма в биологических трудах академика В. Ф. Купревича

Действительно, вопросы космизма нашли свое первоначальное решение и освещение в чисто биологических трудах белорусского биолога. Так, в работе «Проблема вида у гетеротрофных и автотрофных растений» (1947) ее автором особое внимание уделяется оценке роли внешней среды в жизнедеятельности и эволюции растений. Причем структурным компонентом этой среды он считал «лучистую энергию Солнца» и другие «космические лучи». По его утверждению, их действие «проявляется почти всюду, где возможна жизнь» [11, с. 43].

В. Ф. Купревичем были выявлены особенности восприятия солнечной энергии листьями зеленых растений, пораженных грибами и вирусами. При осуществлении данных исследований он опирался на положения К. А. Тимирязева о роли хлорофилла листьев растений в ассимиляции лучей Солнца. В многочисленных экспериментальных исследованиях Купревичем было обнаружено, что у больных растений резко снижено содержание хлорофилла в хлоропластах листьев и, как следствие этого, – понижение энергии фотосинтеза. Данное снижение он считал «одним из важнейших факторов, определяющих вредоносность болезни» [7, с. 187]. Больное растение оказывается не в состоянии в должной мере исполь-

зовать солнечную энергию, что в конечном счете приводит к потере урожайности таких растений. Последнее особенно заметно в культивируемых человеком растениях.

Влияние внешних факторов, в том числе и космических, учитывалось Купревичем и при постижении им особенностей эволюции автотрофных и гетеротрофных растений. При их выявлении он опирался на положения труда К. А. Тимирязева «Факторы органической эволюции. Насущные задачи современного естествознания» (1904). Купревичем было обосновано положение, что своеобразие эволюции автотрофных растений определяется их способностью и эффективностью ассимиляции энергии Солнца. Именно «широкие возможности прогресса в использовании окружающей среды открыли путь автотрофам-фотосинтетикам к достижению высших ступеней совершенства организации особи в пространстве и достижению исполинских размеров, недоступных гетеротрофам» [11, с. 28–29].

На становление космических воззрений Купревича большое влияние оказало и восприятие идей именитого ботаника-космиста, академика В. Н. Сукачева (1880–1967). Они совместно работали в Ботаническом институте и редакции «Ботанического журнала» АН СССР. Учение Сукачева о биогеоценозах и их космической роли в биосфере Земли, да и другие положения старшего ботаника, разделялись и принимались и его младшим другом – белорусским биологом. Последний писал: «Мы являемся свидетелями возобновления сравнительно-экологических и физиологических исследований вида ботаниками, преимущественно учениками и последователями В. Н. Сукачева» [11, с. 54]. К их числу мы относим и Купревича.

Но белорусский ученый не был только последователем именитых русских ботаников-космистов. Он был самостоятелен в обосновании физиологии большого растения и некоторых других разделов биологии. Он является основоположником особой области знания – *почвенной энзимологии*. Она занимается исследованием роли почвенных ферментов (энзимов) в структуре и эволюции почв. Такого рода исследования имеют и большое практическое значение, так как знания о состоянии почвенных ферментов позволяет решать задачи повышения плодородия возделываемых в сельском хозяйстве земель. Купревичем было выявлено, что почвенная ферментативная активность обуславливается поступающими

в почву ферментами от отмерших и распада произраставших на ней высших растений. Но такие ферменты есть результат фотосинтеза, происходящего в листьях растений под влиянием космического фактора (солнечного света). Так, опосредованно, через зеленые растения, Солнце и его излучения являются определяющими в порождении и ферментативной активности почвы и ее плодородия. Но мы не можем согласиться с выводом, что почвы есть «биологическое тело» и ему присуще все «свойственное живому веществу» [12, с. 209].

Соавтор рассматриваемого здесь труда Т. А. Щербакова процитированный выше вывод соотносит с идеями В. И. Вернадского о живом веществе. По ее убеждению, «открытие ферментативной активности почвы положило начало развитию почвенной энзимологии – науки о почве как живом природном теле. При непосредственном участии живых организмов и иммобилизованных ферментов в почве совершается глобальный процесс круговорота не только органических, но и минеральных веществ на нашей планете. В силу этого почву необходимо включать в понятие о живом веществе, “живом природном теле”, которое развил В. И. Вернадский» [13, с. 47].

Можно ли согласиться с выводом, что почвы являются живым веществом и его соответствием положениям Вернадского о живом веществе. Нельзя. По Вернадскому, живое вещество есть совокупность всех форм живого в биосфере Земли. Оно является и ведущим структурным компонентом биосферы. Другими ее компонентами он считал косное и биокосное вещество. В структуру последнего он включал почву, воды, нижние слои атмосферы.

В трудах Купревича нами не обнаружено упоминания имени Вернадского. Означает ли это то, что нет преемственной связи между теоретическими положениями русского космиста Вернадского и идеями белорусского биолога? Такая связь имеет место. Наиболее очевидна она обнаруживается в содержании статьи Купревича под названием «Всеобщность жизни» (1972). В ней сформулированы и космические воззрения автора статьи. В каких положениях эти воззрения выражаются? Их содержание раскрывается нами в следующей части нашей работы.

«Жизнь – явление космическое»

В вышеназванной статье Купревича подводятся итоги его предшествующих размышлений о космической выраженности жизни.

Причем исходным положением его космоизма служит понятие Вернадского «живое вещество». По Купревичу, «жизнь во Вселенной» представлена «живым веществом» [14, с. 163]. В наиболее яркой форме жизнь проявляется на планете Земля. Дальнейшие рассуждения Купревича об истории появления живого вещества на этой планете весьма схожи с положениями работы Вернадского «Начало и вечность жизни» (1922). В ней отмечается, что появление жизни не следует «относить к определенным геологическим периодам, а к предшествующим им *космическим периодам* существования Земли» [15, с. 97].

Конкретного времени зарождения живого вещества на Земле ни Вернадский, ни Купревич не указывают. Купревич только отмечал, что примерно 2 млрд лет тому назад сложившийся процесс фотосинтеза существует в том же виде, что и сейчас. Хлоропласты первичных растений «так же преобразовывали энергию солнечного луча и энергию органических соединений, как это с успехом делают георгины, что растут под вашим окном» [14, с. 164]. У Вернадского отмеченная преемственность космической выраженности жизни фиксируется в следующем суждении: «Живое вещество XX века составляет единое во времени явление с живым веществом – организмами, морфологически нам неизвестными, архейской эры» [15, с. 187]. Но все вышесказанное видными учеными не означает того, что эволюция живого вещества прекратилась после указанного ими времени. Она продолжалась и после. У наших дней эволюционный процесс живого осуществляется даже более быстрыми темпами.

В. И. Вернадский и В. Ф. Купревич не связывали наличие жизни только на планете Земля. Белорусский ученый был убежден, что «жизнь существует во Вселенной везде, а живое вещество приспособилось к низким и сверхнизким температурам. А это значит: в мировом пространстве, возможно, имеются «живые путешественники», «бездомные» представители жизни» [14, с. 164]. Последние в виде спор или других форм, которые, «скитаясь в космическом пространстве», могут при благоприятных условиях заселить ту или иную планету и положить начало развитым формам живого. Данная идея разделялась и академиком А. И. Опариным (1894 – 1980). Он считал, что «во Вселенной существует объективная закономерная тенденция к развитию жизни, что там, где условия благоприятны,

она, по-видимому, неизбежно должна возникать. Наша земная жизнь – отдельная ветвь этого общего развития материи» [16, с. 167].

При обосновании концепции космичности жизни Купревич опирался и на положения именитого русского астрофизика, члена-корреспондента АН СССР И. С. Шкловского (1916–1985). В его работах в 60-х гг. и в труде «Вселенная, жизнь, разум» много внимания уделялось обсуждению вопроса о возможности наличия жизни на других планетах солнечной системы – Марсе, Венере, Юпитере – и на планетах старых звездных систем. Им использовался термин «живое вещество». Для астрофизика живое вещество есть «сложный молекулярный агрегат, в котором имеется «управляющая система», включающая в себя механизм передачи наследственной информации, обеспечивающей сохраняющие реакции следующим поколениям» [17, с. 143]. При этом химический состав такого «агрегата» им не связывался с конкретными элементами. На разных космических объектах он может быть различным. На Земле этот «агрегат» базируется на основе углерода.

Вышеотмеченной точки зрения Шкловского придерживался и Купревич. Он писал, что «мы не можем отрицать возможность построения жизни на основе других элементов; из них наиболее подходящим является кремний». Последний широко распространен не только на Земле, но и на других космических телах. Именно на них кремний «может стать подходящим фундаментом, на котором основано здание жизни» [14, с. 165]. Им выражалась уверенность, что во Вселенной есть все условия для зарождения и бытия живого вещества. При этом им подчеркивалось и то, что фотосинтез и положения Дарвина об изменчивости живых существ «по-видимому, обязательны для всей Вселенной». Особенно обязательны «законы, установленные великим английским ученым, не менее обязательны для Космоса, чем законы тяготения или сохранения энергии и вещества» [14, с. 171].

На основании своих научных исследований и на восприятии космических идей именитых российских ученых белорусский биолог Купревич делает вывод, что жизнь не только на планете Земля, но и на других объектах Вселенной имеет космическую выраженность. Для него «жизнь – явление космическое» [там же]. Данный вывод Купревича соответствует и заключению Вернадского: «Жизнь есть явление космическое, а не специально земное»

[15, с. 104]. Оно сделано не только на основе постижения особенностей живого вещества Земли, но и возможных проявлений жизни на других телах космоса. Космическую выраженность жизни Вернадский подчеркивал и в труде «Биосфера» (1926), и в последующих своих работах.

Совпадают их точки зрения и по вопросу вечности жизни. Для Купревича бесспорным было положение, что «живое вещество, раз поселившись на любом субстрате, в любой среде, условия которых допустили первоначальное поселение, завоеует окружающую среду и на пути беспредельной эволюции и совершенствования создаст всю цепь живых организмов, вплоть до разумного существа. Это – неотвратимый закон природы» [14, с. 171].

Вечность жизни Вернадский связывал с вечным бытием Космоса. «Жизнь вечна, постольку, – писал он, – поскольку вечен Космос и передавалась всегда биогенезом» [15, с. 102]. Этот вывод Вернадский считал значимым не только для научного знания, но и для формирования материалистического мировоззрения у людей: «Идея вечности и безначальности жизни – помимо ее космических представлений – давно проникает в научное мировоззрение отдельных натуралистов. Ее история в прошлом нами не осознана и не написана» [15, с. 113].

Определенный вклад в «написание» отмеченной «истории» внес и белорусский натуралист В. Ф. Купревич. Он, как и русский ученый-космист Вернадский, идею вечности жизни считал не только научной и мировоззренческой проблемой, но и вселяющей оптимизм человека в отношении своего бытия в настоящее и будущее время. Свою статью под названием «Путь к вечной жизни» (1967) Купревич заканчивает следующими положениями: «Смертный человек бросает вызов времени и пространству. Он выходит один на один против бесконечной вселенной, чтобы обрести тайну вечной жизни. Обрести – и подарить потомкам» [18, с. 15]. Все это дело будущего. В настоящее время ученый считал важнейшей задачей сохранение существующей земной жизни, продление времени жизни человека, его творческой и содержательной деятельности.

Научная, педагогическая и организационная деятельность белорусского ученого была отмечена высокими наградами бывшей великой страны: двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, медалями «За оборону Ленинграда» и «За

доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ему было присвоено и высокое звание Героя Социалистического Труда. Имя В. Ф. Купревича носит одна из средних школ города Смолевичи и Институт экспериментальной ботаники НАН Беларуси.

Заключение

Все вышеотмеченное позволяет сделать вывод, что космические воззрения Василия Феофиловича развились благодаря восприятию космических идей русского ботаника К. А. Тимирязева, а в период своей научной деятельности ботаника-космиста В. Н. Сукачева. Особенно заметно влияние многих научных положений русского ученого-космиста В. И. Вернадского на становление и выражение космического мировоззрения В. Ф. Купревича. Оно соответствует и тем космическим идеям, которые развивали отечественные естествоиспытатели-космисты, его современники (А. И. Опарин, И. С. Шкловский и другие авторы книги «Населенный космос»). Но белорусский ученый-биолог был и самостоятелен в разработке собственной идеи космизма. Именно на основе постижения особенностей осуществления процессов фотосинтеза большими зелеными растениями, почвенной энзимологии и других научных исследований было раскрыто влияние космических факторов на живое и биокосное вещество биосферы Земли. Научные обоснования космической выраженности жизни на Земле позволило ученому аргументированно выдвинуть идею всемирности и вечности жизни в Космосе. Все это является убедительным положением для утверждения, что Василий Феофилович Купревич является достойным представителем естественнонаучной ветви русского космизма. Об этом следует говорить студентам, магистрантам и аспирантам в процессе преподавания философии и специальных естественнонаучных дисциплин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Семенова, С. Г.* Философ будущего века: Николай Федоров / С. Г. Семенова. – М. : Тышков дом, 2004. – 584 с.
2. *Гачева, А. Г.* Русский космизм в идеях и лицах / А. Г. Гачева. – М. : Академический проект, 2019. – 431 с.
3. *Федоров, Н. Ф.* Философия общего дела : в 2 т. / Н. Ф. Федоров. – М. : АСТ, 2003. – Т. 1. – 699 с.
4. *Вернадский, В. И.* Памяти профессора Климента Аркадьевича Тимирязева / В. И. Вер-

- надский // Вибр. праці акад. В. І. Вернадського : у 10 т. – Київ: НБУВ, 2011 – 2012. – Т. 1: в 2 кн. – Кн. 2. Володимир Іванович Вернадський і Україна. – 2011 – С. 283 – 284.
5. **Ліпскі, У. С.** Уроки Купрэвіча. Дакументальная аповесць / У. С. Ліпскі. – Мінск : Беларусь, 1987. – 238 с.
6. **Тимирязев, К. А.** Сочинения : в 10 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1938. – Т. 5. – 508 с.
7. **Купревич, В. Ф.** Научные труды : в 4 т. / В. Ф. Купревич. – Минск : Наука и техника, 1973. – Т. 3. – 455 с.
8. **XVIII Тимирязевские чтения.** Доклад В. Ф. Купревича на тему «Физиология больного растения» // Вестник АН СССР. – 1957. – № 9. – С. 144.
9. **Купрэвіч, В. Ф.** Вялікі вучоны-біёлаг (Да 150-годдзя з дня нараджэння Чарльза Дарвіна і 100-годдзя труда «Происхождение видов» / В. Ф. Купрэвіч // Весті АН БССР. Серыя біялагічных навук. – 1959. – № 1. – С. 5–10.
10. Академик В. Ф. Купревич: Материалы юбилейной сессии Национальной академии наук Беларуси, посвященной 100-летию со дня рождения. – Минск : Беларуская навука, 1997. – 69 с.
11. **Купревич, В. Ф.** Научные труды : в 4 т. / В. Ф. Купревич. – Минск : Наука и техника, 1971. – Т. 1. – 620 с.
12. **Купревич, В. Ф.** Почвенная энзимология / В. Ф. Купревич, Т. А. Щербакова. – Минск : Наука и техника, 1966. – 275 с.
13. **Щербакова, Т. А.** Рядом с замечательным человеком / Т. А. Щербакова // Академик В. Ф. Купревич : материалы юбилейной сессии Национальной академии наук Беларуси, посвященной 100-летию со дня рождения. – Минск: Беларуская навука, 1997. – С. 44–49.
14. **Купревич, В. Ф.** Всеобщность жизни / В. Ф. Купревич // Населенный космос. – М. : Наука, 1972. – С. 163–171.
15. **Вернадский, В. И.** Начало и вечность жизни / В. И. Вернадский. – М. : Совет. Россия, 1989. – 704 с.
16. **Опарин, А. И.** Планеты и жизнь / А. И. Опарин // Населенный космос. – М. : Наука, 1972. – С. 164–167.
17. **Шкловский, И. С.** Вселенная, жизнь, разум / И. С. Шкловский. – М. : Наука, 1987. – 320 с.
18. **Купревич, В. Ф.** Путь к вечной жизни / В. Ф. Купревич // Огонёк. – 1967. – № 35. – С. 14–15.

Поступила в редакцию 30.06.2022 г.

Контакты: Kaliadka@bsu.by

(Карако Петр Семёнович)

Karako P. S. V. F. KUPREVICH AS A BIOLOGIST AND REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM (TO THE 125 ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

The life and creative path of the outstanding Belarusian biologist-cosmist V. F. Kuprevich is revealed. The natural-scientific foundations of his cosmic worldview are highlighted. The influence of space ideas of K. A. Timiryazev, V. I. Vernadsky and other representatives of Russian cosmism on the formation and expression of cosmism of the Belarusian biologist is emphasized. The latter is especially evident in the texts of his works, which reveal cosmic manifestation of earthly life. The cosmic status of the provision on the eternity of life in the Universe, which Kuprevich justifies, is also stressed. The conclusion is made about his involvement in the natural-scientific branch of Russian cosmism.

Keywords: nature, Cosmos, Universe, cosmism, Russian cosmism, physiology of sick plant, botany, photosynthesis, soil, living matter, life, evolution, eternity of life.

УДК 261.7

ОНУФРИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ МСТИСЛАВСКОГО РАЙОНА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

А. П. Гончарук

студент 2-го курса магистратуры

Минская духовная академия;

протоиерей

Белорусская православная церковь Московского патриархата

(г. Могилев, Республика Беларусь)

В статье рассматривается вопрос о причинах, приведших церковь святого Онуфрия в деревне Селец Мстиславского района к запустению и разрушению в период 1944–1988 гг. Целью исследования было изучение архивных данных, выявление исторических причин и факторов, оказывающих влияние на существование православных церквей в Могилевской области. Материалы подготовлены на основе архивных данных.

Ключевые слова: церковь, мстиславский округ, разрушение, историческая память.

Введение

В Мстиславском районе в д. Селец расположено архитектурное сооружение, имеющее самобытную историю. Историческая ценность данного сооружения привлекает к себе внимание историков, исследователей г. Мстиславля. От храмового сооружения остались только стены, кровля полностью отсутствует. Однако это вызывает у исследователей еще больший исторический интерес. Изучение данного храмового сооружения формулирует главную исследовательскую проблему: какие факторы явились причиной разрушения конструкции церкви, что привело ее к полному запустению и разрушению. В данной статье на основе архивных и других сведений автор предпринимает попытку восстановления хронологии послевоенных событий, приведших церковь святого Онуфрия к разрушительному финалу. Несомненно, обращают на себя внимание как архитектура, так и история этой церкви. В рамках архитектурной истории Могилевской области изучение Онуфриевской церкви Мстиславского района представляет определенный общественно-научный интерес.

Основная часть

Основание Свято-Покровской (Онуфриевской) церкви датируется 1857 годом. В Онуфриево под одной крышей существова-

ло две церкви, обе каменные: первая в честь памяти Преподобного Онуфрия Великого, вторая – в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В одном корпусе, под одной крышей с Покровской церковью находилась квартира для священнослужителей, состоящая из четырех комнат. В 1927–1928 гг., после ареста священника, обе церкви были закрыты и богослужения не велись. Примерно в эти же годы Храм Преподобного Онуфрия Великого занял Отдел народного образования под 5–7 классы местной школы. Все культовое имущество храма было подвергнуто расхищению и активной деятельности мародёров. В большом здании церкви были значительные повреждения, изъят иконостас.

Во время ведения военных действий в 1941 и 1943 гг. обе церкви имели разрушения (нарушена внешняя штукатурка, отчасти от снарядов разрушены внешние стены). В первоначальном виде сохранились только внутренние стены, храмовое оборудование было разрушено, не было полов. Имелся один колокол весом 20 килограмм. В 1941 г. группа верующих на собственные средства отремонтировала малую зимнюю церковь и две небольшие комнаты – бывшую кухню и одну из комнат квартиры для священнослужителей, затратив на эти цели около 60.000 руб. И с 1942 г. возобновились богослужения. Дата первого богослужения исторически считается временем открытия церкви. Однако церковь все еще требовала капитального ремонта как внутри, так и снаружи. Особого внимания требовал ремонт крыши.

Таким образом, к 1942 г. Онуфриевская церковь вмещала до 200 человек, ее длина – 16 метров, ширина – 9 метров. Здание церкви одноэтажное, каменное с железной крышей 19×9 метров, иконостас простой, столярной работы с тремя дверями, крашен. В алтаре храма был размещен деревянный престол для богослужений. Стоял шкафчик для хранения

свечей с деревянным ящичком к нему. В храме имелось 6 столиков-аналойчиков для икон простой столярной работы. Также не утеряны и хоругви, они были в полном составе, несмотря на ветхость. Невзирая на разрушения храмового здания, сохранились неотъемлемые культовые вещи: чаша, дискос, звездница жестяная, серебряная лжица, ветхое Евангелие на престоле. Данная церковная утварь представляет определенный научно-исторический интерес.

В Онуфриевской церкви с момента ее открытия и далее после окончания Великой Отечественной войны настоятелем стал протоиерей Федор Святкин. Служение и биография протоиерея Федора Святкина заслуживает отдельного внимания. Дело в том, что отец Федор был благочинным всего Мстиславского округа, именно он начал возрождать приходскую жизнь послевоенного времени. А также сумел отстоять Онуфриевскую церковь от закрытия ее под школу вплоть до 1960 года. Протоиерей Федор Святкин родился 20 апреля 1885 г. В 1904 г. окончил Краснинскую второклассную учительскую школу, затем сразу обучался на музыкально-певческих двухгодичных курсах в Новгородской губернии, где получил звание учителя церковных школ и название регента (учителя пения). Затем сразу же после окончания обучения с октября 1906 г. по апрель 1909 г. работал учителем Вознесенской церковно-приходской школы г. Рославля Смоленской области. В 1923 г. рукоположен в сан священника Смоленским архиепископом Филиппом. 19 июня 1936 г. арестован и осужден сроком на 5 лет. Однако 31 декабря 1938 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР оправдан по кассации и 16 марта 1939 г. освобожден из 3-го отделения лагерей г. Хабаровска. До вступления немцев в город Кричев был в артели инвалидов «Новая жизнь», заведующим «Газ-вод» заводом и заведующим столовой. При немецкой оккупации оставался в городе Кричеве, а с февраля 1942 г. по приглашению верующих перешел служить священником в село Бастеновичи [1].

В мае 1942 г. по случаю наступления советских войск на фронте около г. Чаусы эвакуировался по приглашению верующих в село Онуфриево и начал служить в Покровской церкви села Онуфриево. Отец Федор Святкин, являясь благочинным всего Мстиславского округа, сообщает в рапорте о передаче договоров 7 мая 1946 г. на регистрацию четырех церквей (Онуфриевской, Мстислав-

ской, Славновской и Безводической) вместе с описью церковного имущества. Данные описи констатируют факт того, что практически все церковное имущество сохранено верующими местными жителями, хотя и в ветхом состоянии. Требовался повсеместный ремонт храмов, чаще всего капитальный ремонт с кровлей, окнами и полами, однако была церковная утварь для богослужения, сохранились иконы, что давало возможность в некоторых приходах возобновить богослужения [2].

Свой указ о назначении протоиереем Федор Святкин получил от архиепископа Минского и Слуцкого Василия. В подведомство протоиерея Федора Святкина входили все церкви Мстиславского округа: Александро-Невская, Безводичевская Петро-Павловская церковь, Бастеновичская, Ильинская церковь, Куликовская церковь в честь Архистратига Михаила, Онуфриевская церковь в честь святого Онуфрия, Славновская церковь в честь пророка Ильи.

21 февраля 1946 г. жители деревень Онуфриево, Селец, Головчины и Завыдец Мстиславского района обратились к уполномоченному Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркомом СССР по Могилевской области Федору Долгому с заявлением о просьбе регистрации религиозного общества и передачи в бессрочное пользование Покровской церкви и культового имущества. Под заявлением свою подпись поставили 22 местных жителя. Это были в основном работники колхоза и совхоза за подписью настоятеля Покровской церкви – протоиерея Федора Святкина. 15 февраля 1946 г. состоялось собрание прихожан Покровской церкви Дудчицкого сельсовета Мстиславского района. На собрании присутствовало 250 человек, председателем собрания выступил настоятель храма – протоиерей Федор Святкин, секретарем – Николаева Марфа Леоновна. На повестке дня стояли вопросы о выборе Церковного Совета и выборах ревизионной комиссии. Там же постановили избрать церковным старостой – Евсеева Сергея Стефановича, помощника – Фокина Сергея Емельяновича, казначеем – Моисеева Григория Федоровича.

Исследование Онуфриевской церкви Мстиславского округа и истории служения протоиерея Федора Святкина открыло новые архивные сведения о действующих в период середины 40-х гг. православных церквях на данной территории Могилевской области. Так, в процессе изучения архивных данных

[1–7] составлен список действующих православных церквей Мстиславского округа на 20 июня 1946 г.:

1. Александро-Невская каменная, исправная. Открыта в 1941 г. Священник Шилович Василий Яковлевич 1879 г. р.

2. Безводичевская Петро-Павловская церковь. Деревня Безводичи Мазоловского с/с. Деревянная, исправная. Священник Голоскевич Яков, 1879 г. р.

3. Бастеновичи. Ильинская церковь. Деревянная, исправная. Священник Терентий Митрофанович Дроздов.

4. Куликовская. Архистратига Михаила. Деревня Куликово Хлыщевского с/с. Деревянная, исправная. Священник Яков Шилович.

5. Онуфриевская. Святого Онуфрия. Священник Федор Святкин 1885 г. р.

6. Славновская. Ильинская церковь. Священник Евдоким Дмитриевич Воронов 1885 г. р.

Архивные материалы позволили определить список и недействующих (но имеющих территориальное расположение) православных церквей на 20 июня 1946 г.:

1. Кресто-Воздвиженская церковь города Мстиславля. Закрыта по причине постановления Правительства 1830–1935 гг. Занята под мельницу.

2. Шамовская церковь. Деревня Шамово. Закрыта постановлением Правительства 1930–1935 гг. Занята под зерновой склад. Требуется капитальный ремонт.

3. Церковь в Новом селе. Закрыта постановлением Правительства в 1930–1935 гг. Занята под зерновой склад. Требуется капитального ремонта.

4. Ходосовская церковь. Деревня Ходосы. Закрыта постановлением Правительства в 1930–1935 гг. [3].

Вместе с тем архивные данные об официальных открытиях церквей выявили и определенные трудности в их функционировании. Так, после регистрации Свято-Покровскую Онуфриевскую церковь обложили налогом на сумму 6858 рублей за 1946 г., о чем сообщил протоиерей Федор уполномоченному по делам религии Ф. Долгому. Для церкви, требующей средства на капитальный ремонт, любая сумма отчислений была тяжелым бременем. А в Онуфриевской церкви требовался основательный капитальный ремонт внутри и снаружи, ремонт крыши.

Священники Мстиславского округа после своего назначения указом архиепископа должны были обязательно получать регистрацию у

уполномоченного по делам религии Ф. Долгого, который находился в г. Могилеве. Однако благочинный Мстиславского округа, протоиерей Федор Святкин, сумел найти свою тактику поведения и взаимодействия с начальствующими органами.

Известен эпизод ходатайства уполномоченного по делам религии Адама Тимофеевича Белинского к председателю Мстиславского райисполкома – Игнатенко о недопущении открытия школы народного образования под одной крышей с Онуфриевской церковью. Дело в том, что благочинный Мстиславского района, протоиерей Федор Святкин, проживал в бывшей квартире священника, которая находилась под одной крышей с Онуфриевской церковью. Однако и это жилье хотели отобрать у священника и у церкви. Председатель Дудчинского сельсовета и директор Селецкой семилетней школы заявили Федору Святкину о намерении изъять жилые комнаты под школу, а комнату (кухню) священника – под учительскую. Ссылаясь на то, что школа в деревне не имеет своего собственного угла, а размещается в нескольких, разбросанных на расстоянии друг от друга съемных комнатах, директор школы требовал отдать церковные комнаты для школы народного образования [4]. Протоиерей Федор обратился за помощью и содействием по решению этого вопроса к уполномоченному по делам религии Белинскому. Просил сделать все зависящее от него по благоприятному решению этого вопроса. И уполномоченный по делам религии Белинский исполняет просьбу священника [5].

История Онуфриевской церкви свидетельствует и о других ее служителях, внесших немалый вклад в ее существование. Так, 10 февраля 1947 г. члены Церковного совета заключили договор со сторожем Никифором Парфеновым об охране церкви. В Онуфриевской церкви, кроме священника протоиерея Федора Святкина, прислуживал с 1947 г. еще и псаломщик Кабетов Николай Исидорович [6].

Протоиерей Федор Святкин в 1946 г. был отправлен под запрет. А далее, как дерзнувший служить под запретом, получил письмо от архиепископа Белорусского Питирима о том, что перед Священным Синодом поставлен вопрос о лишении его священного сана. Однако священник Федор Святкин продолжал служить, и в 1947 г. архиепископ Питирим в своем письме предложил протоиерею Федору выбрать самому себе место для служения в восточной части Беларуси. Можно предположить, что это

явилось следствием активной позиции по отстаиванию церковных прав в своих приходах. Об этом свидетельствуют многочисленные переписки с Уполномоченным по делам религии Ф. Долгим с просьбами о ходатайствах перед властью, а также мнения простых жителей о том, что священник Федор никого и ничего не боялся [7].

Из Онуфриевской церкви светские власти хотели сделать школу. Причина этого состояла в том, что после войны в деревне не осталось пригодных под школу зданий, поэтому церковь решили отдать под светские нужды. Долгая переписка, распоряжения и указы привели лишь к тому, что не стало ни школы, ни церкви.

Заключение

Таким образом, подводя общий итог, еще раз отметим, что дальнейшую послевоенную политику разрушения церковной жизни государство проводило через уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви. Этот орган имел место в каждой области, а «нужный» человек был закреплен за каждым приходом. Уполномоченные Совета имели в своих руках всю полноту власти над судьбой священника и церкви. Чтобы внести хаос и неразбериху в церковную жизнь, светские власти практиковали частые перемещения священников с одного прихода на другой под разными предлогами, а зачастую и вовсе без них. Так, часто храм оставался и без священника, что служило причиной его полного закрытия. Это коснулось также нескольких храмов Мстиславского района. А местным жителям доносились информация, что священники сами не хотят служить в бедных приходах и покидают храмы. Оспорить вышестоящие распоряжения было невозможно. И такая практика применялась в отношении всех церковных служителей и храмов вплоть до 1960-х гг. По сведениям

на 1 января 1965 г., в пределах республики действующими оставались 420 храмов. В основном они размещались в западных областях Беларуси. В восточных областях уцелело только 108 церквей. Уменьшилось количество священнослужителей с 742 до 431 человека [8, с. 27]. В храмы на праздники не пускали людей зрелого возраста, и в особенности детей. Ослабление наступило лишь к концу 1980-х гг., собственно, ко времени ослабления самой советской власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 765. Оп. 3. Д. 846. Л. 25–28.
2. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 3. Д. 846. Л. 24.
3. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
4. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–6.
5. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 1. Д. 16. Л. 7–9.
6. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 3. Д. 846. Л. 133.
7. ГАМО. – Ф. 765. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–6.
8. Румас, Д. Церковь мучеников. Православие на белорусских землях в 1914–1991 годы / Д. Румас // Ступени. – 2022. – № 2. – С. 23–27.

Поступила в редакцию 15.11.2022 г.

Контакты: e-mail: alexandrgoncharuk77@mail.ru (Гончарук Александр Павлович)

Goncharuk A. P. ST. ONUFRY'S CHURCH OF MSTISLAVL DISTRICT AS HISTORICAL MEMORY OF ORTHODOXY

The article deals with the reasons that led the church of St. Onophry in the village of Selets of Mstislavl district to desolation and destruction in 1944–1988. The purpose of the study is to draw attention to the destroyed shrine and to the memory of people who fought for its safety. The materials are prepared on the basis of archival data.

Keywords: church, Mstislavl district, destruction, historical memory.

УДК 811.512.15

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ИКОНИМОВ В СОСТАВЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ЭККЛЕЗИОНИМОВ МОГИЛЕВЩИНЫ

О. А. Лукина

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье систематизированы представления о структурно-семантических особенностях такого ономастического разряда, как названия икон. Рассмотрены все иконимы, входящие в состав современной православной экклезионимии Могилевской области (Республика Беларусь), выявлена специфика их структуры и семантики, описаны основные иконы Богородицы, названия которых встречаются в наименованиях религиозных объектов названного региона.

Ключевые слова: иконим, экклезионим, сакральный ономастикон, иконографический цикл.

Введение

Современная православная экклезионимия Могилевщины, как и всей Беларуси, с точки зрения номинации делится на 3 группы: названия во имя святых, названия в честь праздников, названия в честь икон.

Наименования религиозных объектов, мотивированные названиями икон, немногочисленны, однако представляют собой уникальную группу онимов на периферии ономастического пространства.

В данной статье мы рассмотрим все иконимы, входящие в состав современной православной экклезионимии Могилевской области (Республика Беларусь), выявим специфику их структуры и семантики. Названия культовых сооружений взяты с сайтов <http://mogeparhia.by/xramu-eparxii/mogilevskoe-gorodskoe-blagochinie/> и <https://krynica.info/church/bobrujskaaya-eparxiya/>.

Новизна исследования достигается благодаря изучению достаточно нового материала – экклезионимии Могилевской области. Хотя названия религиозных объектов Могилевщины и были проанализированы нами как часть экклезионимикона Беларуси в диссертации, однако прошло более 10 лет, что привело к появлению новых культовых объектов и, как следствие, новых экклезионимов.

Основная часть

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, *эккле-*

зионим – это «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста» и др. [1, с. 164]. Термином *иконим* обозначается разновидность онимов, номинирующая иконы [2, с. 30].

Названия икон – наименее изученная тема в современной ономастике. Термин *иконим*, встречающийся в некоторых работах, словарно не закреплён и пока является рабочим среди ученых-ономатологов.

Исследования, посвященные иконе, выполнены в основном отцами Церкви, богословами, религиозными деятелями. Лингвистических работ всего несколько.

Наиболее важным представляется нам исследование И. В. Бугаевой, в котором детально проанализированы способы номинации икон [2]. В упомянутой работе дана классификация икон, выделены группы икон, проанализированы структурно-семантические особенности номинации икон, выявлены универсальные и индивидуальные черты, выяснена зависимость названия от иконографического типа, для этого рассмотрены наименования икон каждой тематической группы и каждого иконографического типа.

Для наименования икон И. В. Бугаева предлагает ввести ономастический термин *иконим*, под которым понимается «сложная многокомпонентная аппеллятивно-ономастическая формула, состоящая из ядерных и периферийных, обязательных и факультативных компонентов» [2, с. 30].

Статья М. В. Пидченко посвящена исследованию онимов, в частности, иконимов, в пространстве текстов православных СМИ [3]. Лингвистическим особенностям экклезионимов и иконимов хакасского языка посвящена работа А. В. Гусейновой [4]. Фрагментарные сведения о названиях икон представлены в работах З. Тростеровой [5] и Л. Д. Самохваловой [6].

Иконимы находятся на периферии ономастического пространства, однако являются основами для других имен собственных, например, экклезионимов.

Основная классификация икон построена на принципе почитаемого и изображаемого объекта и включает следующие группы икон:

- 1) иконография Святой Троицы;
- 2) иконография Спасителя;
- 3) Богородичная иконография;
- 4) иконография Страстного цикла;
- 5) иконография Господских праздников;
- 6) иконография сил бесплотных и святых

[2, с. 30].

Исследуемый нами экклезионимный материал содержит лишь названия икон Богородичного цикла (всего 12): *Казанская икона Божией Матери*, *Иверская икона Божией Матери*, *икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость»*, *икона Божией Матери «Всецарица»*, *икона Божией Матери «Спорительница хлебов»*, *икона Божией Матери «Семистрельная»*, *Тупическая икона Божией Матери*, *Бельничская икона Божией Матери*, *икона Божией Матери «Неупиваемая чаша»*, *икона Божией Матери «Взыскание погибших»*, *икона Божией Матери «Животный источник»*, *Жировицкая икона Божией Матери*.

Традиционно выделяются следующие основные изображения Богородицы:

1) Оранта (с греч. «молящаяся») – один из основных типов изображения Богоматери, представляющий ее с поднятыми и раскинутыми в стороны руками, раскрытыми ладонями наружу, то есть в традиционном жесте заступнической молитвы. В русской традиции данный тип получил особое именование «Знамение»;

2) Одигитрия (с греч. «путеводительница»): Богородица изображена с Младенцем, сидящим на ее руке и благословляющим. По месту нахождения или явления иконы получили названия *Смоленская*, *Тихвинская*, *Иверская*, *Казанская* и др.;

3) Елеуса (с греч. «милующая», на русской почве «умиление»): Богородица изображена с Младенцем Христом, сидящим на ее руке и прижимающимся щекой к ее щеке.

В экклезионимии Могилевщины иконимы представлены следующим образом: 4 культовых сооружения названы в честь Казанской иконы Божией Матери, по 2 – в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и Иверской иконы Божией Матери, остальные названия икон представлены единичными экклезионимными моделями: *храм Казанской иконы Божией Матери* (г. Могилев), *храм Иверской иконы Божией Матери* (г. Шклов), *часовня иконы Божией Матери «Взыскание погибших»* (д. Борки Кировский р-н), *храм*

иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (г. Осиповичи), *храм Тупической иконы Божией Матери* (г. Мстиславль) и др.

В работах И. В. Бугаевой [2] и М. В. Пидченко [3] отмечается, что иконимы имеют сложную многокомпонентную структуру, включающую ядерные и периферийные, обязательные и факультативные компоненты. Структура номинативной формулы иконимов представляет собой **апеллятив (икона) + иконографический цикл (Божией Матери) + дифференциатор** [3, с. 321]: *икона Божией Матери «Животный источник»*, *Жировицкая икона Божией Матери*. Как видно из примеров, порядок компонентов может меняться.

Выявлены 2 типа синтаксического оформления иконимов в экклезионимии Могилевщины: *храм Бельничской иконы Божией Матери* (г. Бельниччи), *храм в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая чаша»* (д. Тетерино Круглянский р-н). В первом случае дифференциатор стоит в препозиции к слову *икона*, синтаксическая связь – согласование, во втором случае дифференциатор, оформленный в кавычки, занимает постпозитивную позицию, синтаксическая связь – примыкание.

В экклезионимном материале Беларуси факультативные элементы не представлены: из-за небольшого количества онимных единиц в них нет необходимости. Факультативные компоненты помогают имени собственному выразить свою основную функцию – выделение объекта из ряда однородных, потому факультативные компоненты, а также появление ядра и периферии отмечаются, например, в иконимах российского экклезионимного материала.

Апеллятив и иконографический цикл, используемые в номинативной формуле иконима, относятся к ее обязательным компонентам.

Дифференциатор служит для обозначения иконографического типа или называет многочисленные списки. Это обязательный компонент номинативной формулы иконимов, выполняющий различительную функцию, он может быть образован разными способами номинации, и разные мотивировочные признаки могут быть положены в основу номинации.

И. В. Бугаева выделяет 7 типов дифференциаторов: локализаторы; предметные дифференциаторы; событийные дифференциаторы; антропонимические дифференциаторы; цитатные дифференциаторы; дифференциаторы, свидетельствующие об оказываемой помощи; символические дифференциаторы.

Рассмотрим те из них, которые представлены в экклезионимии Могилевщины.

1. **Локализаторы**, указывающие на место явления, обретения, хранения иконы или проявления чудотворений: *Казанская, Иверская, Тулическая, Бельничская, Жировицкая*.

Казанская икона Божией Матери – одна из самых чтимых икон Русской православной церкви. Явление иконы произошло в Казани в 1579 г., вскоре после того, как город охватил большой пожар.

Казанской иконе Божией Матери молятся при унынии, печали и бедствиях. Икону ставят возле детской кроватки и благословляют молодоженов.

Иверская икона Божией Матери – православная икона Девы Марии с Младенцем, почитается как чудотворная, принадлежит к иконописному типу Одигитрия. Оригинал находится в Иверском монастыре на Афоне, в Греции, от имени данной обители она и получила свое наименование. Со времени чудесного появления никогда не покидала Святую Гору. Иверская икона защищает дом от бед и напастей (краж, землетрясения, засухи на полях).

Тулическая икона Божией Матери явилась в урочище Туличивщина недалеко от Мстислава, в 1641 году на этом месте был основан Свято-Духов монастырь. Икона почитается чудотворной, к ней стекаются паломники с Могилевщины и Смоленщины. Празднование иконы совершается в день Успения Божьей Матери 28 (15) августа, перед ней молятся о защите от плена и иноземцев.

Бельничская икона Божией Матери была явлена на Могилевщине в начале XIII века. Во время нашествия татаро-монгольских орд появилась угроза захвата и разрушения Киевского княжества. В 1240 г., после захвата ханом Батыем Киева, несколько монахов из Киево-Печерской лавры вместе с иконой Богородицы отправились вверх по реке Днепр.

Поднимаясь вверх по Днепру, а затем по реке Друть, они приплыли к горе, где в первую ночь от иконы стало исходить чудесное сияние, такое, что среди ночи стало светло, как днем. Иноки пришли в благоговейный трепет и провели ночь в молитве. Когда это чудо повторилось несколько раз в ночное время, монахи решили, что это благоволение Пресвятой Богородицы к данному месту, поэтому и основали здесь православный монастырь с церковью в честь святого пророка Илии.

Некоторые люди стали селиться возле монастыря. Это селение, расположенное поч-

ти за 50 километров от города Могилева (Республика Беларусь), получило название от первого чуда «Белы(е) ночи» или «Бельничичи». Соответственно, и икона стала называться Бельничской.

Жировицкая икона Божией Матери получила название в честь наименования деревни Жировичи (Слонимский район Гродненская область, где она явилась детям-пастухам в 1470 г. Одна из наиболее почитаемых святынь в Беларуси. Праздник иконы 7 (20) мая. На месте явления иконы стоит Свято-Успенский Жировичский монастырь. Является самой малой по своим размерам из почитаемых икон Богородицы.

2. **Предметные дифференциаторы**, среди которых встречаются различные предметы, изображенные на иконе: *Семистрельная*.

Семистрельная икона Божией Матери особенно прославилась в 1830 году, когда в Вологде свирепствовала холера. Богородица изображается пронзенная семью стрелами. Число 7 в Священном Писании обозначает полноту, избыточность чего-либо, в данном случае – полноту горя Богородицы. Икона повествует о том, что Пресвятая Дева, принеся младенца на сороковой день в храм, услышала предсказание святого старца: ее сын – обетованный Мессия, а ей суждены страдания.

Значение иконы – полнота страданий, боль и мучения, которые претерпела Богоматерь.

Верующие просят перед образом о примирении враждующих и избавлении от жестокосердия.

3. **Цитатные дифференциаторы**: есть примеры использования цитат из богослужебных текстов, слова-цитаты известных церковных деятелей: *Спорительница хлебов* (так икону назвал преподобный Амвросий Оптинский, которому пришла мысль о ее написании), *Взыскание погибших* (название иконы возникло под влиянием повести «О покаянии Феофила, эконома церковного во граде Адане» (VII век): молясь перед образом Богоматери, Феофил именовал ее «Взыскание погибших»).

Икона Божией Матери «Спорительница хлебов» была написана в 1890 году, который известен в истории как голодный в Калужской губернии, по благословению святого Амвросия Оптинского. На иконе Богородица изображена сидящей в облаках, а ее руки распростерты на благословение сжатого поля со снопами и цветами. Перед иконой молятся об избавлении от засухи, гибели хлебов, голода. Слово *спорительница* религиозное, устаревшее, обозначает «содействующая повышению

спорости, то есть успешности и быстроте'.

Икона Божией Матери «Взыскание погибших» почитается как спасительница грешников (погибших), целительница от недугов, избавительница от холеры.

Первый образ иконы был создан в VI веке, ее также называют «Избавление от бед страждущих».

«Погибшие» в контексте данного иконима – это не умершие, а заблудшие, потерянные, пропащие, люди, которые отчаялись, утратили вкус к жизни.

Отличительная особенность иконы – изображение Богоматери с непокрытой головой, что не характерно для православной иконописи и встречается очень редко.

4. Дифференциаторы, свидетельствующие об оказываемой помощи: *Всех скорбящих Радость, Всецарица.*

Икона «Всех скорбящих Радость» – это икона Божией Матери, получившая известность с 1688 г., в царствование Ивана и Петра Алексеевичей, когда перед ней совершилось исцеление страдавшей неизлечимой болезнью сестры патриарха Иова, Евфимии [7, с. 264]. К иконе обращаются в скорби, отчаянном положении и при неизлечимых заболеваниях. Божия Матерь показана в окружении бедствующих людей, раздетых, больных, голодных, а также ангелов, совершающих благодеяния от ее имени.

31 августа православная церковь чтит память *иконы Божией Матери «Всецарица»*, к которой обращаются для исцеления от онкологических заболеваний. По преданию, икона была написана в XVII веке и стала благословением известного на Святой Горе старца Иосифа Исихаста своим ученикам.

На образе изображена Богородица в багряном одеянии, восседающая на царском троне. На ее руках Богомладенец со свитком в левой руке и с благословляющей десницей. Правой рукой Богородица указывает на сына как на спасителя всех людей. На заднем плане – два ангела, которые с благоговением осеняют крылами Пречистую Деву.

5. Символические дифференциаторы, обозначающие определенные символы: *Неупиваемая чаша, Живоносный источник.*

Икона Божией Матери «Неупиваемая чаша» известна с 1878 г., относится к иконографическому типу Оранта: Богородица изображена в молитвенной позе с воздетыми руками. Иконе молятся для исцеления от болезней, алкоголизма и наркомании. Чаша, в которой вос-

седает Христос, является символом сосуда для причастия. *Неупиваемая* означает 'неисчерпаемая, постоянно полная'. Символизирует не заканчивающуюся милость Бога к людям, нескончаемую милость Христа.

Икона Божией Матери «Живоносный источник» означает, что Богородица является источником жизни.

Специфика семантики иконимов в составе православных экклезионимов Могилевщины проявляется: 1) в наличии помимо общих для православных иконимов дифференциаторов (*Казанская, Иверская* и другие) специфически белорусских, обусловленных территорией явления иконы (*Тупическая, Бельничская, Жировицкая*); 2) в меньшем разнообразии религионимов в составе иконима (например, российский иконимный материал помимо религионима *Божия Матерь* апеллирует религионимом *Пресвятая Богородица*).

При описании семантических особенностей экклезионимов, содержащих названия чудотворных икон Пресвятой Богородицы, Е. П. Аринина предлагает свою классификацию иконимов [8], которые включают следующие дифференцирующие семантические компоненты:

1) **'святость'**: данная сема встречается во всех экклезионимах и представлена религионимом *Божия Матерь*. В экклезионимии России, например, данные названия включают религионим *Пресвятая Богородица*;

2) **'географическая отнесенность'**: *Казанская икона Божией Матери, Иверская икона Божией Матери, Тупическая икона Божией Матери, Бельничская икона Божией Матери, Жировицкая икона Божией Матери.*

Такие экклезионимы самые многочисленные в рассматриваемом нами регионе.

Как видно из разобранных выше примеров, экклезионимы могут быть мотивированы названиями как известных икон, так и святынь местного значения и почитания.

3) **'милосердие', 'всепрощение', 'оказание помощи'**: *икона Божией Матери «Взыскание погибших», икона Божией Матери «Спорительница хлебов»;*

4) **'исцеление физических и душевных недугов'**: *икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», икона Божией Матери «Живоносный источник», икона Божией Матери «Взыскание погибших»;*

5) **'неиссякаемый', 'неистощимый', 'вечный'**: *икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша», икона Божией Матери «Семистрельная»;*

б) ‘власть’, ‘вседержительница’: икона *Божией Матери «Всецарица»*.

Названия икон относятся к разряду искусственных номинаций, поэтому при их анализе важно учитывать не только семантические, т.е. лингвистические, но и экстралингвистические причины, которые стали основанием для ряда наименований.

Заключение

Таким образом, экклезионимы, мотивированные названиями икон, составляют важнейшую часть сакрального ономастикона Могилевщины. Столкнувшись с определенной проблемой, прихожанин может выбрать обитель с названием, содержащим наименование той иконы, в покровительстве которой он нуждается (*Всецарица* для онкобольных, например).

Иконимы как особый вид онимов представляют собой апеллятивно-ономастический комплекс, многокомпонентную структуру с обязательными и факультативными элементами.

Семантически названия богородичных икон в обязательном порядке содержат сему святости, представленную религионимом *Божия Матерь*, а также различные дифференциаторы.

В экклезионимии Могилевской области, как и всей Беларуси, больше всего названий в честь Казанской иконы Божией Матери [9; 10], Иверской иконы Божией Матери, иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», остальные иконимы представлены единичными моделями, что объясняется основной функцией имени собственного – выделить называемый объект из ряда подобных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 201 с.
2. *Бугаева, И. В.* Способы номинации икон / И. В. Бугаева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9): в 3 ч. – Ч. II. – С. 29–32.
3. *Пидченко, М. В.* Структура и функционирование иконимов в текстах православной периодики / М. В. Пидченко // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7. – № 2А. – С. 320–327.
4. *Гусейнова, А. В.* Лингвистические особенности экклезионимов и иконимов хакасского языка / А. В. Гусейнова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал [Электронный ресурс]. – 2021. – № 12 (80). – Ре-

жим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvicheskie-osobennosti-ekklezionimov-i-ikonimov-khakasskogo-yazyka.html>. – Дата доступа: 27.02.2022.

5. *Тростерова, З.* Названия Богородицы в культурно-историческом ареале slavica Orthodoxa как предмет ономастического интереса / З. Тростерова // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII Междунар. конф., Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. / Волг. гос. ун-т; В.И. Супрун (отв. ред.). – Волгоград, 1998. – С. 120–122.

6. *Самохвалова, Л. Д.* Синтагматические отношения в микросистеме номинации Богородичной иконографии / Л. Д. Самохвалова // Влияние Библии на литературные языки: материалы XXXI Всероссийской науч.-метод. конф. СПбГУ. – Вып. 7. – СПб., 2002. – С. 39–47.

7. Православие: словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ДАРЪ, 2007. – 960 с.

8. *Аринина, Е. П.* Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. П. Аринина; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.

9. *Лукина, О. А.* Экклезионимное пространство Беларуси: монография / О. А. Лукина. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 110 с.

10. *Лукина, О. А.* Православная экклезионимия Беларуси, мотивированная иконимами / О. А. Лукина // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Новозыбков, 17–18 октяб. 2013 г.; под ред. В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2013. – С. 49–53.

Поступила в редакцию 21.04.2022 г.

Контакты: udacha-ola@mail.ru

(Лукина Ольга Анатольевна)

Lukina O. A. THE SPECIFICITY OF THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF ICONONYMS IN THE ORTHODOX ECCLESIONYMS OF THE MOGILEV REGION

The article systematizes ideas about the structural and semantic features of the onomastic category of the names of icons. All the icononyms being part of the modern Orthodox ecclesionyms of the Mogilev region (The Republic of Belarus) are considered, the specifics of their structure and semantics are revealed, the main icons of the Mother of God, whose names are found in the names of religious objects of the named region, are described.

Keywords: icononym, ecclesionym, sacral onomasticon, iconographic cycle.

УДК 811.161.1'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *ЖИЗНЬ* И *СМЕРТЬ* В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ЧАСТОТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

*В статье рассматривается частотность употребления ключевых концептов *ЖИЗНЬ* и *СМЕРТЬ* в творчестве А. А. Ахматовой, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, Н. С. Гумилёва, С. А. Есенина, О. Э. Мандельштама, В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой. Проводится сопоставление с данными частотного словаря русского языка. Анализируются отклонения в сторону уменьшения и превышения среднего показателя, выявленные в общей массе текстов названных поэтов.*

Ключевые слова: концепт, русская поэзия, Серебряный век, частотность, удельный вес, жизнь, смерть.

Введение

Одним из перспективных направлений современной лингвистики текста является концептуальный анализ. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых частотных данных, полученных на первом этапе диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI века в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование». Актуальность названного исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью смыслового и общекультурного содержания концептов, актуализирующегося в рамках трех важнейших периодов русской поэзии XX – начала XXI в. (Серебряный век, поэзия «шестидесятников», рубеж XX–XXI вв.), а во-вторых, необходимостью осмысления динамических изменений семантики значимых единиц словаря.

Исследуя концептосферу русской поэзии XX века, мы составили картотеку цитат, содержащих лексические репрезентанты ключевых концептов (далее – «лексические репрезентанты» либо «репрезентанты») «жизнь» и «смерть», употребленные во всех возможных словоформах с учетом фонетических вариантов: *ЖИЗНЬ* (*жизнь, жизни, жизнью, жизнью, жизнью, жизней, жизням, жизнями, жизнях*); *СМЕРТЬ*

(*смерть, смерти, смертью, смертию, смертей, смертям, смертями, смертях*). Источником фактического материала послужили документы, размещенные в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [1].

Основная часть

В число изучаемых авторов мы включили следующих поэтов Серебряного века (числа в скобках после фамилий обозначают: первое – количество содержащихся на сайте НКРЯ поэтических текстов данного автора; второе – общее количество словоупотреблений в этих текстах): Ахматова Анна Андреевна (945 / 56 403); Блок Александр Александрович (1 359 / 113 317); Брюсов Валерий Яковлевич (1 683 / 185 229); Бунин Иван Алексеевич (767 / 80 276); Гумилёв Николай Степанович (524 / 67 452); Есенин Сергей Александрович (428 / 58 456); Мандельштам Осип Эмильевич (679 / 59 588); Маяковский Владимир Владимирович (634 / 134 347); Пастернак Борис Леонидович (531 / 77 763); Цветаева Марина Ивановна (1 468 / 168 711).

Заметим, что для получения более полной картины употребления лексических репрезентантов *жизни* и *смерти* в поэтическом творчестве каждого из рассматриваемых авторов мы посчитали возможным принять во внимание как произведения, которые относятся непосредственно к Серебряному веку (конец XIX – начало XX в.), так и поэтические тексты, написанные несколько позднее. Данные по совокупному употреблению рассматриваемых лексических репрезентантов, полученные в результате выборки, отразим в Таблице 1.

Как мы видим, соотношение общего количества употребления составляет 1746 : 836, или 2,09 (данные округлены до сотых); т.е. в среднем репрезентант *ЖИЗНЬ* встречается в два раза чаще в сравнении с репрезентантом *СМЕРТЬ*. Этот показатель позволяет сделать интересные наблюдения относительно соотношения *ЖИЗНИ* и *СМЕРТИ* в рамках творчества каждого из авторов в отдельности, которое

оказывается равным: А. А. Ахматова – 83 : 90 (0,92); А. А. Блок – 283 : 97 (2,92); В. Я. Брюсов – 494 : 187 (2,64); И. А. Бунин – 118 : 63 (1,87); Н. С. Гумилёв – 89 : 71 (1,25); С. А. Есенин – 115 : 23 (5,00); О. Э. Мандельштам – 95 : 60 (1,58); В. В. Маяковский – 151 : 72 (2,10); Б. Л. Пастернак – 125 : 43 (2,91); М. И. Цветаева – 193 : 133 (1,45).

Таблица 1 – Совокупное употребление лексических репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ

Автор	ЖИЗНЬ (количество)	СМЕРТЬ (количество)
Ахматова А. А.	83	90
Блок А. А.	283	97
Брюсов В. Я.	494	187
Бунин И. А.	118	63
Гумилёв Н. С.	89	71
Есенин С. А.	115	23
Мандельштам О. Э.	95	60
Маяковский В. В.	151	72
Пастернак Б. Л.	125	43
Цветаева М. И.	193	133
ИТОГО	1746	839

Иными словами, практически равным усредненному показателю является соотношение репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в творчестве В. В. Маяковского. В сторону превышения данного показателя в порядке возрастания соотношения ЖИЗНИ и СМЕРТИ отмечается в творчестве В. Я. Брюсова, Б. Л. Пастернака, А. А. Блока, С. А. Есенина, причем у последнего оно достигает 5,0 (т.е. примерно в два с половиной раза в сравнении с усредненным). Меньше усредненного показателя соотношение указанных репрезентантов показывают тексты И. А. Бунина, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, Н. С. Гумилёва, А. А. Ахматовой; интересно, что А. А. Ахматова оказалась единственным из рассматриваемых поэтов, у кого репрезентант СМЕРТЬ встречается чаще, чем репрезентант ЖИЗНЬ, при этом отличие в сравнении с усредненными данными составляет примерно 2,3 раза.

На наш взгляд, такие цифры далеко не случайны. Напротив, они являются фактами, позволяющими составить представление о характере творчества, особенностях идиостиля и в конечном счете о специфике мировосприятия, находящего отражение в языковой картине мира автора. Именно поэтому максимум частотности репрезентанта ЖИЗНЬ приходится на поэтические тексты певца родной природы и жизни во всех ее проявлениях С. А. Есенина, а минимум – на произведения А. А. Ахматовой, пытавшейся осмыслить и передать посредством поэзии трагизм эпохи и судьбы отдельного человека.

Еще одним немаловажным средством описания поэтической картины мира является удельный вес лексем, вычисленный на фоне общего количества словоупотреблений в произведениях того или иного автора. Так, приняв приведенное в начале настоящей статьи общее количество словоупотреблений во всех текстах для каждого автора за 100%, мы для суммарного употребления пары репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ получаем следующее: А. А. Ахматова – 0,31%; А. А. Блок – 0,34%; В. Я. Брюсов – 0,37%; И. А. Бунин – 0,23%; Н. С. Гумилёв – 0,24%; С. А. Есенин – 0,24%; О. Э. Мандельштам – 0,26%; В. В. Маяковский – 0,17%; Б. Л. Пастернак – 0,22%; М. И. Цветаева – 0,19% (данные округлены до сотых).

Для большей наглядности представим сказанное в виде Рисунка 1.

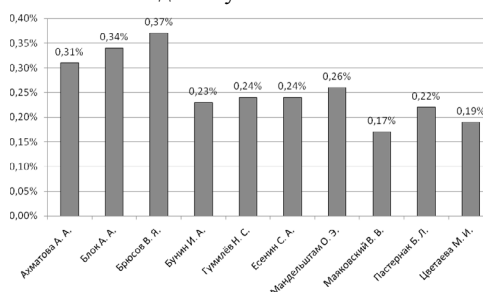

Рисунок 1 – Удельный вес лексических репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в общем количестве словоупотреблений

Весь массив словоупотреблений в произведениях названных авторов составляет 1 001 542; суммарное количество употребления лексем ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ составляет 2 585; следовательно, усредненный удельный вес пары лексических репрезентантов равен 0,26 %.

Этот показатель позволяет констатировать, что среднее по частоте использование пары репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэзии Серебряного века характерно для творчества О. Э. Мандельштама. Немного реже эти два репрезентанта встречаются в произведениях Н. С. Гумилёва и С. А. Есенина (по 0,24%), затем этот показатель постепенно уменьшается в текстах И. А. Бунина (0,23%) и Б. Л. Пастернака (0,22%), а дальше снижается у М. И. Цветаевой (0,19%) и В. В. Маяковского (0,17%). Интересно, что самое редкое на фоне общей массы словоупотреблений использование ЖИЗНИ и СМЕРТИ показывают тексты В. В. Маяковского, у которого мы выше отметили совпадение с усредненным показателем соотношения количества данных репрезентантов.

Превышение усредненного удельного веса пары ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, равного 0,26%, происходит более резко. Так, чаще среднего названные репрезентанты встречаются в текстах А. А. Ахматовой (0,31%), А. А. Блока (0,34%) и в итоге достигают максимума частотности у В. Я. Брюсова (0,37%). Различия в частотности суммарного использования ЖИЗНИ и СМЕРТИ поэтами Серебряного века незначительны только на первый взгляд: так, сравнение минимума, отмеченного у В. В. Маяковского (0,17%), и максимума, зафиксированного у В. Я. Брюсова (0,37%), показывает расхождение более чем в 2 раза – 2,18 (данные округлены до сотых).

Вообще, в число концептов, изучаемых нами в поэзии XX века, мы в общей сложности включили 10 единиц, а именно: ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, МИР, ВОЙНА, ВРЕМЯ, РОДИНА, ЛЮБОВЬ, ДУША, ЧЕЛОВЕК, БОГ. Специфика данных элементов, их значимость для русской языковой картины мира подтверждается исследованиями Ю. С. Степанова [2], Ю. Д. Апресяна [3], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [4], Ю. Н. Караулова [5], А. Д. Шмелева [6] и др., а также собственными публикациями автора данной статьи [7; 8].

Итак, перечисленные лексические репрезентанты в творчестве поэтов Серебряного века суммарно встретились в следующем количестве: А. А. Ахматова – 586; А. А. Блок – 1 570; В. Я. Брюсов – 2 684; И. А. Бунин – 702; Н. С. Гумилёв – 821; С. А. Есенин – 620; – О. Э. Мандельштам – 660; – В. В. Маяковский – 1 261; Б. Л. Пастернак – 575; М. И. Цветаева – 1 783.

С учетом приведенных ранее данных по употреблению репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в произведениях перечисленных поэтов мы получаем следующий удельный вес этой пары в совокупном употреблении 10 изучаемых репрезентантов (см. Рисунок 2).

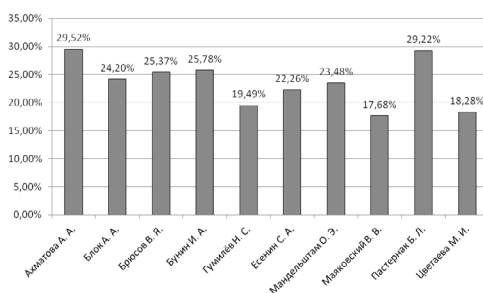

Рисунок 2 – Удельный вес репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в совокупном употреблении 10 изучаемых репрезентантов

Исходя из того, что совокупное употребление десяти репрезентантов в произведениях всех названных авторов составляет 11 262, а общая сумма пары ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ составляет 2 585, мы получаем усредненный удельный вес этой пары, равный 22,95%.

Как мы видим, распределение персоналий с точки зрения соответствия усредненному показателю при сравнении двух диаграмм получается несколько различным. Если в случае с удельным весом ЖИЗНИ и СМЕРТИ в общем количестве словоупотреблений (Рисунок 1) было зафиксировано превышение среднего показателя в творчестве А. А. Ахматовой, А. А. Блока, В. Я. Брюсова (здесь и далее персоналии перечисляются в порядке удаления от усредненного значения) при равенстве среднему показателю текстов О. Э. Мандельштама, то состав и последовательность превышения усредненного удельного веса пары ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в совокупном употреблении 10 репрезентантов (Рисунок 2) существенно отличаются: О. Э. Мандельштам, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, Б. Л. Пастернак, А. А. Ахматова. Интересно, что наименьшее отличие от среднего в случае с первой диаграммой и наибольшее в случае со второй зафиксировано у одного и того же автора – А. А. Ахматовой.

Отклонения в сторону более редкого использования пары ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в общем количестве словоупотреблений (см. Рисунок 1) были зафиксированы в творчестве Н. С. Гумилёва, С. А. Есенина, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой, В. В. Маяковского; в случае же с удельным весом среди 10 репрезентантов (Рисунок 2) пара ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ встречается реже в произведениях только Н. С. Гумилёва, М. И. Цветаевой и В. В. Маяковского, при этом наибольшее отклонение от среднего показателя наблюдается у одного и того же поэта – В. В. Маяковского.

Мы полагаем, что такие расхождения при сравнении удельного веса одних и тех же единиц (в нашем случае – ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ) в двух различных лексических массивах позволяют, во-первых, оценить актуальность, активность той или иной лексемы в произведениях конкретных авторов, а во-вторых, установить определенную «иерархию» лексем в рамках идиостиля, выступая тем самым в качестве средства выявления и описания специфики языковой картины мира.

Небезынтересно также сопоставить полученные нами данные по употреблению лексических репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ со

сведениями, отраженными в частотном словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной [9]; отметим, что данный словарь составлен на основе 1 056 382 словоупотреблений, что приблизительно соответствует общему объему текстов рассматриваемых нами авторов.

В названном нами частотном словаре лексема ЖИЗНЬ встретила 1 547 раз, что с учетом общего объема словника 1 056 382 составляет 0,15%; лексема СМЕРТЬ насчитывает 230 употреблений, или 0,02%. Интересно, что соотношение ЖИЗНИ и СМЕРТИ в данном случае составляет 7,5 против 2,09 в поэзии Серебряного века; очевидно, это свидетельствует о том, что в поэзии понятию СМЕРТИ уделяется больше внимания, чем в языке вообще.

Используя данные Таблицы 1, мы получаем следующую частоту употребления репрезентанта ЖИЗНЬ в общей совокупности словоупотреблений по каждому автору (см. Рисунок 3).

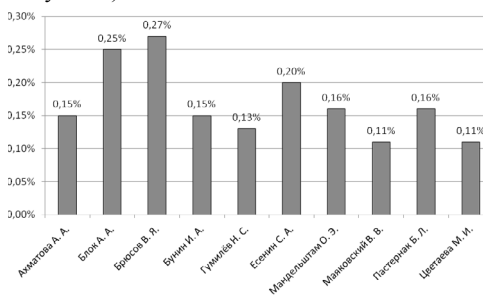

Рисунок 3 – Частота употребления репрезентанта ЖИЗНЬ в общем количестве словоупотреблений

Приведенная диаграмма демонстрирует, как именно отличается частота использования ЖИЗНИ при сопоставлении общеязыковых словарных данных с текстами поэтов Серебряного века. Так, вычисление средней частоты употребления репрезентанта ЖИЗНЬ в произведениях изучаемых поэтов дает величину 0,17%, что несколько выше показателя 0,15%, при этом отклонения в сторону превышения среднего показателя носят более выраженный характер, нежели в сторону снижения. Мы видим, что частоте 0,15% соответствует творчество А. А. Ахматовой и И. А. Бунина. Несколько реже ЖИЗНЬ используется в творчестве Н. С. Гумилёва (0,13%), а также В. В. Маяковского и М. И. Цветаевой (по 0,11%), т.е. соотношение со средними общеязыковыми данными составляет около 1,36 раза. Часте среднего словарного репрезентант ЖИЗНЬ используется в произведениях О. Э. Мандельштама и

Б. Л. Пастернака (по 0,16%), С. А. Есенина (0,20%), А. А. Блока (0,25%), достигая максимума в текстах В. Я. Брюсова (0,27%). Существенным является отличие между максимальной (у В. Я. Брюсова) и минимальной (у В. В. Маяковского и М. И. Цветаевой) частотой: соотношение показателей 0,27% и 0,11% составляет округленно 2,45 – т.е. ЖИЗНЬ в произведениях В. Я. Брюсова встречается почти в два с половиной раза чаще, чем в текстах В. В. Маяковского и М. И. Цветаевой.

Теперь приведем сведения об употреблении репрезентанта СМЕРТЬ в общей совокупности словоупотреблений (см. Рисунок 4).

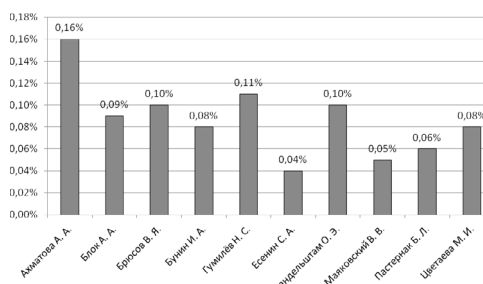

Рисунок 4 – Частота употребления репрезентанта СМЕРТЬ в общем количестве словоупотреблений

Средняя частота употребления репрезентанта СМЕРТЬ поэтами Серебряного века составляет 0,08%, что в сопоставлении с общеязыковыми словарными данными 0,02% показывает разницу в 4 раза, при этом в творчестве каждого из поэтов СМЕРТЬ встречается от 2 (у С. А. Есенина) до 8 (у А. А. Ахматовой) раз чаще, чем в частотном словаре. Сопоставление же со средней по всему периоду частотой позволяет отметить: во-первых, соответствие этому показателю текстов И. А. Бунина и М. И. Цветаевой (по 0,8%); во-вторых, сдвиг в сторону снижения в творчестве Б. Л. Пастернака (0,06%), В. В. Маяковского (0,05%) и, наконец, С. А. Есенина (0,04%); в-третьих, превышение среднего значения у А. А. Блока (0,09%), В. Я. Брюсова и О. Э. Мандельштама (по 0,10%), Н. С. Гумилёва (0,11%), А. А. Ахматовой (0,16%). Как и в случае с репрезентантом ЖИЗНЬ, частотность употребления СМЕРТИ при сопоставлении максимума и минимума дает существенные расхождения: 0,16% у А. А. Ахматовой и 0,04% у С. А. Есенина отличаются в 4 раза. Любопытно, что максимум и минимум частотности отмечен у тех же авторов, произведения которых показали наибольший контраст соотношения ЖИЗНИ и

СМЕРТИ: напомним, что для А. А. Ахматовой оно составляет 83 : 90 и округленно до сотых дает 0,92; для С. А. Есенина эта величина равна 115 : 23, или ровно 5.

Если говорить о суммарном употреблении репрезентантов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, то мы также можем отметить отличия между поэтическими текстами Серебряного века и общеязыковыми частотными данными. Так, приняв во внимание приведенные выше данные об употреблении лексем ЖИЗНЬ (1547 случаев) и СМЕРТЬ (230 случаев) в частотном словаре русского языка, мы получаем среднюю общеязыковую частоту 0,17%; с учетом того, что усредненный удельный вес названной пары репрезентантов в творчестве поэтов Серебряного века составляет 0,26%, мы получаем расхождение этих показателей более чем в полтора раза (округленно до сотых – 1,53).

Заключение

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1) Частотная характеристика значимых единиц словаря, обладающих богатым лексическим фоном и ценностным для русской лингвокультурной общности содержанием, является удобным средством выявления и описания особенностей творчества, характерных черт идиостиля, специфики мировосприятия, находящего отражение в языковой картине мира автора.

2) Как для языка поэзии Серебряного века, так и для лексической системы русского языка в целом характерно более частое употребление лексемы ЖИЗНЬ в сравнении с лексемой СМЕРТЬ, однако в языке поэзии соотношение этих единиц составляет 2,09 при соотношении данных частотного словаря 7,5. Предположительно, в поэтической речи концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ значительно чаще выступают в качестве диалектически организованной бинарной оппозиции, в то время как в лексической системе русского языка в целом они в большей степени сохраняют свою независимость, что является интересной темой для дополнительного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

3) Частота использования лексических реализаций концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэтических произведениях Серебряного века, а также соотношение этих единиц в творчестве рассмотренных поэтов существенно отличаются.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сайт НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>.
2. **Степанов, Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
3. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995, №1. – С. 37–67.
4. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 3-е. – Воронеж, 2003. – 192. С.
5. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. **Шмелев, А. Д.** Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
7. **Папейко, А. А.** Ключевые концепты в поэтических текстах А. А. Ахматовой / А. А. Папейко // Весті БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022, № 2. – С. 99–102.
8. **Папейко, А. А.** Частотный паспорт ключевых концептов русской поэзии Серебряного века / А. А. Папейко // Весті БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022, № 3. – С. 111–115.
9. Частотный словарь русского языка: около 40 000 слов / Под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Русский язык, 1977. – 936 с.

Поступила в редакцию 31.05.2022 г.
Контакты: papeiko@msu.by
(Папейко Анатолий Анатольевич)

Papeiko A. A. LEXICAL REALIZATION OF THE CONCEPTS OF LIFE AND DEATH IN THE WORKS OF POETS OF THE SILVER AGE: FREQUENCY RESPONSE

The article discusses the frequency of use of the key concepts LIFE and DEATH in the works of A. A. Akhmatova, A. A. Blok, V. Ya. Bryusov, I. A. Bunin, N. S. Gumilyov, S. A. Yesenin, O. E. Mandelstam, V. V. Mayakovsky, B. L. Pasternak, M. I. Tsvetaeva. The frequency is compared with the data of the frequency dictionary of the Russian language. The deviations in the direction of decreasing and exceeding the average indicator, revealed in the texts of these poets, are analyzed.

Keywords: concept, Russian poetry, Silver Age, frequency, proportion, life, death.

ВАРИАНТЫ РОДА НЕСКЛОНЯЕМЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова;
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

Излагаются результаты корпусного исследования одного из динамических участков морфологической системы современного русского языка – вариантов рода несклоняемых нарицательных имен существительных. На основе данных, извлеченных из грамматических справочников и толковых словарей, и данных, полученных на материале Национального корпуса русского языка, автор выявляет и сопоставляет подходы к определению родовой принадлежности несклоняемых нарицательных имен существительных, отмечает изменения в тенденциях развития вариантности рассматриваемой группы предметных слов. Полученные результаты могут найти применение в процессе преподавания морфологии современного русского литературного языка и культуры речи.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, несклоняемые нарицательные существительные, род имени существительного, конкуренция вариантов рода.

Введение

Нормы литературного языка как социально одобряемые установления характеризуются одновременной устойчивостью и исторической изменчивостью. Их влияние на речевую практику пользователей языка не является самодовлеющим, односторонним. Становление новых норм происходит вследствие столкновения сосуществующих в узусе вариантов. Применение корпусов текстов в грамматических изысканиях представляется нам актуальным, так как дает возможность на объемном корпусном материале оценить соотношение вариантов в статике и динамике, выявить доминирующий в определенный период вариант и предложить обоснованные рекомендации по поводу грамматической характеристики того или иного варианта.

Актуальность исследования также обусловлена необходимостью уточнения (а иногда и пересмотра) описанных в научной и учебной литературе представлений об изменении грам-

матической нормы вследствие сопоставления их с реальным словоупотреблением.

Цель статьи – на материале сведений из лингвистических словарей и грамматических справочников, а также данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), подтвердить действие установленных закономерностей, присущих родовым вариантам несклоняемых неодушевленных нарицательных имен существительных.

Методы исследования обусловлены поставленной целью: описательный, состоящий из наблюдения, обобщения и интерпретации отобранного материала, анализ лингвистических помет в лексикографических источниках середины XX – начала XXI в., частичный морфологический анализ примеров из НКРЯ, элементы количественного метода.

Основная часть

Материалом для исследования послужили данные толковых словарей и словарей трудностей речи, грамматических справочников, учебных пособий по стилистике и культуре речи, тексты из основного и газетного (СМИ 2000-х гг.) подкорпусов НКРЯ. Род в выявленных из НКРЯ примерах определялся синтаксическим способом: по флексии согласуемого местоимения с обобщенно-качественным значением, порядкового числительного, полного прилагательного или причастия в функции определения, а также координируемого в единственном числе с существительным глагола или краткого страдательного причастия в прошедшем времени, краткого прилагательного, порядкового числительного, местоимения с обобщенно-качественным значением, полного прилагательного, причастия в функции сказуемого. Синтаксическое проявление рода является единственно возможным в данном случае в силу того, что родовая отнесенность несклоняемых («нулевого» типа склонения) существительных предопределена синтагматическими условиями употребления и может

быть выражена только в контексте: «Грамматический потенциал несклоняемых имен, состоящий в устойчивости морфологических категорий, реализуется через синтагматическую связность языковых знаков по принципу констелляции (свободной зависимости), в результате которой парадигма формально редуцированного, “свободного” слова “зависит” от контекстного окружения» [1, с. 7].

Несклоняемые (неизменяемые, деклинационные (И. В. Приорова) нарицательные существительные иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласный, относятся к нестабильной зоне морфологии в плане подверженности вариантности по роду, потому что их адаптация в языке-реципиенте может протекать длительно и сложно. Общеизвестно, что современные грамматики и нормативные лексикографические издания в большинстве случаев относят несклоняемые неодушевленные существительные к словам среднего рода. Так через оппозицию «одушевленное – неодушевленное» проявляется семантика грамматической категории рода: «В соответствии с противопоставлением среднего рода (неодушевленность) мужскому и женскому (одушевленность и неодушевленность), неодушевленные существительные нулевого склонения относятся к средн. роду, например: *алиби, ампула, бюро, депо, драпри, жюри, интервью, какао, кашне, па, пальто, пенсне, портмоне, рагу* и т. п.» [2, с. 321]. Это основное правило родовой классификации, однако, может нарушаться. Родовая принадлежность некоторых заимствованных слов может определяться по роду соответствующего гиперонима (*эсперанто* – м. р., так как более общее родовое понятие «язык» м. р., *бри* – м. р., так как «сыр» м. р., *кольраби* – ж. р., так как «капуста» ж. р., *салями* – ж. р., так как «колбаса» ж. р.) или по роду склоняемого синонима, выступающего в языке-реципиенте в качестве эквивалента несклоняемому слову (*шато* – м. р., как у «замок», «дворец»).

Рассмотрим на примере двух неодушевленных нарицательных существительных (*портмоне* (из французского языка) и *пенальти* (из английского языка)) динамику их родовой отнесенности, для чего сначала обратимся к авторитетной справочной литературе, изданной во второй половине XX – начале XXI в.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова 1953 г. слово *портмоне* имеет пометы «ср. р., устар.» [3, с. 514], а слово *пенальти* отсутствует. В «Словаре современного русского литера-

турного языка» 1950–1965 гг. имеются такие словарные статьи: «**Портмоне**, *нескл., ср.* Небольшой кошелек для денег»; «**Портмонет**, *а. м. Устар.* То же, что портмоне» [4, т. 10, ст. 1402]; *пенальти* – м. р., спец. [4, т. 9, ст. 373]. В словаре «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка», изданном в 1973 г. под редакцией К. С. Горбачевича, находим: «Портмоне, *нескл., ср.* [*не портмоне, м.*]» [5, с. 340], т. е. употребление *портмоне* как слова мужского рода рассматривается авторами в качестве речевой ошибки, нарушения морфологической нормы. В конце словарной статьи имеется информация о том, что в литературном языке XIX века слово употреблялось в среднем и мужском роде, подобным образом авторы сообщают об утратившей актуальность родовой вариантности слова; слово *пенальти* отсутствует. «Словарь несклоняемых слов» Н. П. Колесникова 1978 г., напротив, содержит сведения о продолжающейся конкуренции по роду для слова *портмоне* – м. и ср. р. [6, с. 137], а *пенальти* определяет как слово м. р. [6, с. 132]. В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка 1977 г. *портмоне* – ср. р. [7, с. 267], *пенальти* – ср. р. [7, с. 288], а в электронной версии того же словаря [<http://gramdict.ru/>], соответствующей шестому изданию, в котором учтены изменения в русском языке с момента появления на свет первого издания, *пенальти* ср. и м. рода. В «Словаре русского языка», изданном под ред. А. П. Евгеньевой в 1981–1984 гг., *портмоне* – ср. р., устар. [8, т. III, с. 306], *пенальти* – м. р., спорт. [8, т. III, с. 39]. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина 2006 г. *портмоне* – ср. р., устар. [9, с. 614], *пенальти* – с вариантной родовой отнесенностью: «ПЕНАЛЬТИ, *нескл., м. и с.* [англ. penalty *букв.* наказание, штраф]. В футболе: штрафной удар в ворота соперника с расстояния в одиннадцать метров» [9, с. 579]. В «Словаре грамматических вариантов русского языка» 2008 г., созданном по исправленному и дополненному в 2001 г. словарю «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов», первое издание которого вышло в 1976 г., лексема *портмоне* отсутствует, *пенальти* – м. и ср. р. [10, с. 108]. В «Современном словаре несклоняемых слов русского языка» 2009 г. И. Д. Успенской *портмоне* – ср. р., устар. [11, с. 309], *пенальти* – м. и ср. р., спорт. [11, с. 297]. Помимо стилистической пометы, указывающей на узкую сферу употребления слова (*спорт.*), в этом словаре дается, пожалуй, наи-

более развернутое из всех в проанализированных источниках толкование лексического значения *пенальти*: «В футболе: штрафной удар по воротам соперника, защищаемым только вратарем, с отметки 11 метров от линии ворот. Пенальти назначается, когда игрок обороняющейся команды производит нарушение правил в пределах своей штрафной площадки, которое должно быть наказано штрафным ударом, и мяч находился в игре. Гол, забитый с пенальти, засчитывается в общий счет матча» [11, с. 297]. Однако и это определение недостаточно полное, так как в футболе бывают пенальти, не связанные с нарушением правил. В случае если заканчивается основное время игры, а счет остается равный, победитель может выявляться с помощью послематчевых пенальти. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова (первое издание вышло в 1998 г.), опубликованном на справочно-информационном портале ГРАМОТА.РУ в авторской редакции 2014 г. [<http://www.gramota.ru/slovari/info/>], *портмоне* – ср. р. [12], *пенальти* – м. р. [12]. В «Большом академическом словаре русского языка», издание которого продолжается (первый том увидел свет в 2004 г.), *портмоне* – ср. р. [13, т. 19, с. 22], *пенальти* – м. р. [13, т. 15, с. 544]. Так же подана родовая характеристика обоих слов в словнике «Словаря правильной русской речи» Н. В. Соловьева, вышедшем в 2008 г. [14, с. 553, с. 469], однако в комментариях к употреблению несклоняемых заимствованных слов как один из примеров вариантности их родовой принадлежности автор приводит лексему *пенальти*: «Вариантность в родовой отнесенности некоторых иноязычных слов объясняется действием двух указанных факторов: с одной стороны, неизменяемость слова воспринимается как показатель среднего рода, но с другой – имеется определенная соотносительность слова с каким-либо понятием, например: *бренди* – слово среднего и мужского рода, т. к. называет один из видов коньяка, *липси* – среднего и мужского, т. к. называет танец, *пенальти* – среднего и мужского, т. к. переводится как ‘штрафной удар’; *аи* слово среднего и мужского рода, т. к. этим словом в одних текстах называют *вино* (слово среднего рода), а в других – *напиток* (слово мужского рода)» [14, с. 737].

Как видим, почерпнутые в лексикографических источниках морфолого-стилистические сведения несколько противоречивы, однако можно сказать, что *портмоне* в большинстве словарей (кроме «Словаря несклоня-

емых слов» Н. П. Колесникова) подается как слово среднего рода, а *пенальти* – как слово мужского рода или слово с колеблющейся родовой отнесенностью.

Следует отметить, что во многих предназначенных для высшей школы учебных пособиях по стилистике и культуре речи *пенальти* определяется как слово мужского рода в качестве исключения из общего правила, возникшего под влиянием «семантической близости к синонимам или родовым наименованиям мужского рода» [15, с. 228; см. об этом 16, с. 112; 17, с. 120].

На следующем этапе исследования мы обратились к ресурсам НКРЯ. Выявление подходящих для определения рода примеров, в которых конкурируют варианты мужского и среднего рода, осложняется тем, что для согласуемых с существительным слов окончания обоих родов различаются только в именительном и винительном падежах, что значительно сужает круг подходящих для определения рода грамматических маркеров.

По нашим наблюдениям, в основном подкорпусе НКРЯ с 1864 по 2014 г. *портмоне* (с орфографическим вариантом *портмонэ*) употребляется как слово среднего рода 51 раз, а как слово мужского рода (с орфографическими вариантами *портмонэ* и *портмонет*) с 1855 по 2014 г. – 13 раз (1)–(3) (примерное соотношение вариантов 80 % и 20 %); в газетном подкорпусе с 1994 по 2021 г. как слово среднего рода оно встречается 15 раз, как слово мужского рода – дважды, в 2002 г. (4) и 2017 г. (5), т. е. в современных публицистических текстах вариант мужского рода востребован еще меньше (примерное соотношение вариантов 88 % и 12 %). Активная конкуренция вариантов приходится на 60-е гг. XIX в. – начало XX в. Так, в произведениях И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского (6), М. Е. Салтыкова-Щедрина (7), А. П. Чехова (8) лексема *портмоне* мужского рода, а в произведениях их современников В. П. Авенариуса (9), В. В. Крестовского (10) – среднего рода. Наше внимание также привлек интересный метаязыковой комментарий, касающийся исторической изменчивости категории рода вообще и рода лексемы *портмоне* в частности (11):

(1) *Портмоне выполнено из хорошо выделанной телячьей кожи и имеет отделения для кутюр, банковских и дисконтных карточек.* [Штучки (2002) // «Автопилот», 15.11.2002];

(2) *Она положила на его правое плечо руку – а в свесившейся кисти ее, на золотой*

цепочке, надетой на большой палец, **маленький перламутровый портмоне**, который я ей подарил тогда. [Вл. А. Гиляровский. Москва газетная (1934)];

(3) *Купил себе за 3 р. 50 к. **новый портмоне***. [А. А. Яковлев. Дневник (1926)];

(4) *Кровь пролилась на **шелковый портмоне** с горстью золотых монет, и аукционный дом 200 лет спустя позволил себе по этому поводу нешуточный пафос: вы приобретаете не артефакт – вы приобретете срез к истории*. [Адмирал Нельсон: жизнь на продажу // Vesti.ru, 2002.10];

(5) ***Шикарный портмоне** после пятиминутной финансовой дуэли с пожилым бербером мне **достался** за 110 дирхамов...* [Иван Петров. 50 оттенков розового // lenta.ru, 2017.01];

(6) – *Нет, уж позвольте, – вынул **свой портмоне** рябой и, рассчитав свою долю, уплатил особо*. [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)];

(7) *Говоря это, она вынула из кармана **старенький портмоне** и достала оттуда две желтеньких бумажки*. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875-1880)];

(8) «*Как так украсть?» – «Да так, говорю, украдь у меня вот **этот самый пустой портмоне**, вот тебе и тюрьма на полтора месяца*». [А. П. Чехов. Староста (1885-1886)];

(9) *Она торопливо достала **маленькое портмоне**, оглянулась по сторонам: кажется, никто не видит – и швырнула на стол новенький, блестящий гильден*. [В. П. Авенариус. Бродящие силы. Современная идиллия (1865)];

(10) *Генеральша поморщилась, вздохнула от глубины души и молча достала **свое портмоне**, из которого еще две радужные безвозвратно перешли в жилетный карман Эскулапа*. [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Части 1-3 (1864)];

(11) «*Шампунь*» и «*тополь*» раньше были женского рода, а **портмоне** мужского. [Владимир Пахомов. Без паники (12.01.2018) // «Сноб», 2018].

Казалось бы, такие факторы, как мужской род семантически близких в языке-реципиенте слов *кошелек*, *бумажник*, наличие графического варианта на твердый согласный *портмоне* (фактор формальной аналогии), должны были способствовать тому, чтобы лексема *портмоне* после адаптации в русском языке осталась мужского рода, но по отношению к ней победила магистральная тенденция к устранению колебаний в пользу вариантов

среднего рода, действовавшая на протяжении XIX–XX вв. [см. о тенденции 10, с. 102–103].

Иначе дело обстоит с лексемой *пенальти*. В основном подкорпусе НКРЯ нами было обнаружено с 1960–1965 по 2008 г. 19 вариантов мужского рода (12) и 2 варианта среднего рода в 1948 г. (13) и 2004 г. (14) (примерное соотношение вариантов 91 % и 9 %); в газетном подкорпусе только за 10 лет с 2011 по 2020 г. встретилось 402 варианта мужского рода (15)–(16) и лишь 1 вариант среднего рода в 2012 г. (17) (примерное соотношение вариантов 96 % и 4 %):

(12) *Время поджигало. Это как **незабитый пенальти**. Но если не в душевой, то где?..* [Владимир Маканин. Неадекватен // «Новый Мир», 2002];

(13) *Лешка снял 2 раза; один раз схватку около ворот, а другой раз – **тренировочное пенальти** мне*. [Н. Н. Козаков. Дневник (1948)];

(14) *Игра была так устроена, что едва счет оказывался не в пользу наших батюшек, ксендзы обязательно грубо нарушали правила, и им **назначалось пенальти***. [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впадших в уныние (2004)];

(15) *То, что в полуфинале против финнов именно Юра не забил **регинающий послематчевый пенальти**, – лишь трагическое совпадение*. [Владислав Беляков. Мемориал Гранаткина. Россия поборется за бронзу // Советский спорт, 2012.01];

(16) *Акинфеев пропустил первые два одиннадцатиметровых удара, затем ему удалось поймать мяч от Коке, **следующий пенальти** он отбил левой ногой*. [Подмосковный художник нарисовал граффити в честь выхода России в четвертьфинал ЧМ-2018 // Парламентская газета, 2018.07];

(17) ***Идеальное пенальти** можно рассчитать. Ученые из Ливерпульского университета имени Джона Мурса рассчитали формулу идеального пенальти (специально назначаемый удар в футболе по воротам, защищаемым только вратарем)*. [Светлана Кузина. Футбол – битва не атлетов, а интеллектуалов // Комсомольская правда, 2012.04].

Лексема *пенальти* выступает как исключение из общего правила и соотносится в сознании большинства носителей языка с семантически близким словом мужского рода «удар». Крепкая ассоциативная связь подтверждается наличием в речи спортивных комментаторов плеонастических сочетаний (18)–(19):

(18) *Файзулин простреливает в **штрафную**, но, как назло, никто из **зенитовцев** на*

линии *одиннадцатиметрового пенальти не дежурит*. [Андрей Бодров. Под лежащий камень и портвейн не течет [ВИДЕО] // Советский спорт, 2012.03];

(19) *Сначала на 53-й минуте Даме Н'Дойе четко реализовал 11-метровый пенальти*. [Премьер-лига. «Локомотив» переехал пермяков // Vesti.ru, 2013.05].

Заключение

Таким образом, сопоставление лексикографической репрезентации несклоняемых неодушевленных существительных *портмоне* и *пенальти* с примерами их использования в речи приводит нас к выводу о том, что варианты рода обеих рассматриваемых лексем не находятся сейчас в острой фазе конкуренции. Реальное словоупотребление показывает, что (как и рекомендуют авторы последних современных словарей) слово *портмоне* в русском языке закрепились в среднем роде, а слово *пенальти* – в мужском.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Приорова, И. В.** Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 – русский язык / И. В. Приорова ; Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2011. – 47 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательство «Наука», 1970. – 768 с.
3. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов ; под общ. ред. С. П. Обнорского. – 3-е изд. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1950–1965.
5. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / под ред. К. С. Горбачевича. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1973. – 518 с.
6. **Колесников, Н. П.** Словарь несклоняемых слов / Н. П. Колесников. – Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1978. – 216 с.
7. **Зализняк, А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Ок. 100 000 слов / А. А. Зализняк. – М. : Издательство «Русский язык», 1977. – 880 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

9. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Издательство Эксмо, 2006. – 944 с.

10. **Граудина, Л. К.** Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.

11. **Успенская, И. Д.** Современный словарь несклоняемых слов русского языка : ок. 3000 слов / И. Д. Успенская. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 474, [6] с.

12. Большой толковый словарь русского языка: А-Я : Ин-т лингв. исслед. РАН / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.

13. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. – М. : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

14. **Соловьев, Н. В.** Словарь правильной русской речи : ок. 85 000 слов : более 400 коммент. / Ин-т лингв. исслед. РАН ; Н. В. Соловьев. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.

15. **Голуб, И. Б.** Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.

16. **Плещенко, Т. П.** Стилистика и культура речи : учеб. пособие / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Четет ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 544 с.

17. **Стариченок, В. Д.** Культура речи : учеб. пособие / В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых, Л. Г. Рудь. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 303 с.

Поступила в редакцию 06.10.2022 г.

Контакты: boltovskaia@msu.by

(Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaia E. A. GENDER VARIANTS OF INDECLINABLE COMMON NOUNS

The corpus study results of one of the dynamic parts of the morphological system of modern Russian language – gender variants of indeclinable common nouns – are presented. On the basis of the data obtained from grammar reference books and thesauruses, and from Russian Language National Corpus, the author identifies and compares approaches to determining gender of indeclinable common nouns, notes changes in the development trends of variations in the specified group of nouns. The results of the study can be used in the process of teaching morphology of modern Russian literary language and speech culture.

Keywords: dynamics of morphological norm, indeclinable common nouns, noun gender, competition of gender variants.

УДК 811.161.3:008

РЭКАНСТРУКЦЫЯ КАНЦЭПТУ «ЗДАРОЎЕ» НА МАТЭРЫЯЛЕ РОЗНЫХ ТЫПАЎ ДЫСКУРСУ

К. С. Півавар

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дактарант
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Артыкул прысвечаны мадэляванню структуры канцэпту «здароўе» на матэрыяле розных тыпаў дыскурсу: публіцыстычнага, мастацкага, дадзеных лексікаграфічных прац. Выдзелены значныя кагнітыўныя прыметы, зроблена рэканструкцыя структуры канцэпту – бліжняя і дальняя перыферыя, а таксама вобразны, каштоўнасны, паняццевыя кампаненты. Даказваецца, што канцэпт «здароўе» з’яўляецца канстантай беларускай лінгвакультуры, бо прааналізаваны феномен захоўвае культурныя сэнсы, якія сфарміраваліся на працягу стагоддзяў, мадыфікуючыся ў розных тыпах дыскурсу пад уплывам экстралінгвістычных фактараў.

Ключавыя словы: канцэпт, здароўе, мастацкі, публіцыстычны дыскурс, літаратурны і фальклорны афарызм, культурны сэнс.

Уводзіны

Актуальнасць даследавання канцэпту «здароўе» абумоўлена цікавасцю да праблемы фізіялагічна-псіхалагічнага стану сучаснага чалавека, прыярытэтнасцю захоўвання здароўя ў сучаснай сацыяпарадыгме; лінгвааксіялагічнай маркіраванасцю кантэкстаў на тэму здароўя. Канцэпт «здароўе» знаходзіць актыўнае адлюстраванне ў нашай моўнай свядомасці і камунікатыўных паводзінах, пры гэтым яго лінгвакультурная спецыфіка застаецца малавывучанай на матэрыяле беларускай мовы. На матэрыяле іншых моў, у тым ліку супастаўляльных даследаванні канцэпту «здароўе» апублікаваны А. Петкаў [1], Д. Салімавай [2], Л. Туленінавай [3].

Навуковая навізна работы бачыцца нам у тым, што ўстаноўлены агульныя і спецыфічныя характарыстыкі канцэпту «здароўе» на матэрыяле сродкаў іх моўнай аб’ектывацыі ў розных тыпах дыскурсу. Тэарэтычная значнасць даследавання складаецца ў тым, што яго вынікі развіваюць асноўныя палажэнні кагнітыўнай лінгвістыкі, лінгваканцэпталогіі і лінгвакультуралогіі.

Метадалагічныя асновы інтэрпрэтацыі канцэпту прадугледжваюць апісанне паняццевага, вобразнага, каштоўнаснага складнікаў

канцэпту, а таксама аналіз функцыянавання прымет канцэпту ў розных тыпах дыскурсу. У даследаванні выкарыстаны метады кампанентнага, семантыка-кагнітыўнага, кантэкстуальнага аналізу, полевага мадэлявання, лінгвакультуралагічнай інтэрпрэтацыі.

Мэта даследавання – прадставіць мадэль канцэпту «здароўе» на матэрыяле розных кантэкстаў. Мэта прадугледжвае вырашэнне наступных задач: 1) апісаць вобразны, каштоўнасны, паняццевыя кампаненты канцэпту «здароўе»; 2) выявіць канцэпты беларускай нацыянальнай канцэптасферы, якія максімальна ўзаемадзеінічаюць з канцэптам «здароўе»; 3) вылучыць агульназначальныя (універсальныя) і нацыянальна-спецыфічныя кампаненты ў змесце канцэпту «здароўе»; 4) вызначыць бліжняю і дальнюю перыферыю канцэпту.

Матэрыялам для даследавання паслужылі кантэксты з публіцыстычнага і мастацкага дыскурсаў, дадзеныя са слоўнікаў (этымалагічны [4], парэмій і фразеалагізмаў [5; 6; 7]). Даследаванне базіруецца на матэрыяле кантэкстаў з беларускамоўных сродкаў масавай інфармацыі, а таксама кантэкстаў, размешчаных у Нацыянальным корпусе беларускай мовы (раздзел «мастацкая літаратура»). Зыходзячы з палажэння пра тое, што парэмія – гэта «міні-код народнай мудрасці», своеасаблівае люстэрка нацыянальнага духа, робіцца комплексны зместавы аналіз парэмій на тэму здароўя.

Асноўная частка

У адпаведнасці з традыцыяй, якая складалася ў кагнітыўнай лінгвістыцы, выяўленне інфармацыйнага зместу канцэпту праводзіцца на аснове лексікаграфічнай інтэрпрэтацыі ключавой лексемы – імя прааналізаванага канцэпту; на матэрыяле тлумачальных слоўнікаў апісваецца семантычная і семная структуры ключавой лексемы, выяўляюцца семантычныя прыметы лексемы, якія складаюць ядро слова, вербальна рэпрэзентуючы канцэпт.

Каб выявіць паходжанне слова *здароўе*, мы звярнуліся да лексікаграфічных крыніц [4, с. 90; 8, с. 94]. Сцвярджаецца, што слова

‘здоровы’ паходзіць з праславянскай мовы ад слоў ‘добры’ і ‘дрэва’ разам – «з добрага дрэва», «моцны, як дрэва». Гэты моўны факт дазваляе нам уключыць у вобразны кампанент канцэпту «здароўе» вобраз дрэва.

Для аналізу мастацкага дыскурсу намі выкарыстаны Нацыянальны корпус беларускай мовы, дзякуючы якому можна выбраць пошук патрэбнага слова ў мастацкім стылі. Аналіз кантэкстаў паказаў, што частотным з’яўляецца пытанне пра здароўе, што сведчыць пра стэрэатыпныя маўленчыя паводзіны: пры вітанні і спробе завесці размову прынята пацікавіцца здароўем суразмоўцы: *Пра здароўе стаў пытацца* (Кандрат Крапіва), а таксама пажадаць здароўя: *У добрым здароўі век жыве без грошы!* (Ф. Багушэвіч). Таксама адзначана вялікая колькасць кантэкстаў, дзе па застольнай традыцыі героі мастацкіх твораў падымаюць традыцыйны тост за здароўе: *за наша здароўе вып’ем па кілішку* (Ц. Гартны); *За здароўе дастойных, меджду протчым, гасцей!* (Янка Купала); *ды вып’ем за здароўе маладой пары* (В. Дунін-Марцінкевіч); *Я за здароўе сонца сёння вып’ю* (Я. Пушча).

Мастацкі дыкурс з’яўляецца каштоўнай крыніцай вывучэння сродкаў выразнасці, звязаных з даследаваным канцэптам. Выяўлены шматлікія метафарычныя выразы: *псаваць здароўе*; *згубіць здароўе*; *дыхаць здароўем*; *здароўе не шкадаваць*; *здароўе палажыць*, *траціць*. У якасці яскравага прыкладу мастацкай выразнасці прывядзём эпітэт, ужыты ў рамане «Каласы пад сярпом тваім» У. Караткевіча: *жалезнае, цалкам мужыцкае здароўе даволіла Алеся вытрымаць усё*. У дадзеным кантэксте выяўляецца народнае ўяўленне пра тое, што сялянскі побыт з фізічнай працай на зямлі, простае харчаванне фарміруюць моцнае здароўе селяніна – «мужыка». Параўнанне з металам – жалезам – таксама з’яўляецца культурна маркіраваным і традыцыйным.

Адзначым, што тэма здароўя вельмі папулярная на старонках сучасных медыя, у газеце «Звязда», напрыклад, ёсць аднайменная рубрыка, якая пастаянна абнаўляецца. Намі прааналізавана 407 кантэкстаў па запыце «здароўе» на партале газеты «Звязда» (далей – З.) з 1 студзеня да 15 мая 2022г., а таксама 150 беларускамоўных кантэкстаў на партале газеты «СБ. Беларусь сёння».

Прааналізаваўшы шматлікія кантэксты з парадамі па захаванні здароўя, мы прыйшлі да высновы, што найважнейшымі складнікамі ў структуры канцэпту «здароўе» з’яўляюцца

паняццевыя кампаненты ‘фактар захавання здароўя – фізічная актыўнасць’, ‘фактар захавання здароўя – правільнае харчаванне’: *Павысіць імунітэт дапаможа толькі здаровы лад жыцця, а не толькі прыём вітаміна С і іншых дадаткаў. Неабходная прафілактыка залішняй вагі, гіпадынаміі (нізкая фізічнай актыўнасці), і абавязкова збалансаванае харчаванне. І мы зноў вяртаемся да звыклых арыенціраў – не мені за пяць відаў гародніны або садавіны ў дзень, штодзённы прыём розных круп і так, каля 10 тысяч крокаў або 30 хвілін інтэнсіўнай актыўнасці* (З. 17.04.2022). Так, пра здароўе нярэдка ўзгадваецца разам з фізічнымі нагрузкамі (якія ў сучаснай мове медыя маюць запазычаныя назвы-неалагізмы: велнес (адзначана і wellness), фітнес: *Скандынаўская ж хадзьба паўтарае здаровую хадзьбу чалавека – тое, як яна была задумана прыродай, з шырокім махам рукамі* (З. 30.04.2022); *Праект працягвае ажыццяўляцца, каб павялічыць фізічную актыўнасць «здаровага фітнесу» насельніцтва – у рамках буйнамаштабнага праекта «Мінск – здаровы горад». Планы першых некалькіх падзей наведвалі БелТА ў цэнтры здароўя* (З. 25.01.2022). У гэтым бачыцца сувязь з парэміялагічным фондам, дзе здароўе таксама звязана з працай, актыўным ладам жыцця: *Абы здароўе, праца будзе*.

У медыядыскурсе падкрэсліваецца, што роля харчавання выключная ў захаванні здароўя: *Іншыя дыеты гэтак жа назбаўляюць арганізм, які расце, патрэбных рэчываў, і іх дэфіцыт наносіць істотны ўрон здароўю падлетка*. (Звязда. 28.04.2022); *Саюзнік у ачышчэнні ад таксінаў: здаровае харчаванне для печані* (З. 14.05.2022); *Ежа для прыгожай усмешкі. Чым патрэбна харчаванне для здаровых зубоў?* (З. 14.04.2022); *Як карміць сябе максімальна бюджэтна і пры гэтым па магчымасці не шкодзіць здароўю, мы вырашылі спытаць у эксперта* (Звязда. 14.03.2022); *Гэтая сумесь і ёсць бярозавы сок. Якому (як і належыць «суперфуду») прыпісваюцца сапраўды цудоўнейшыя здольнасці [...] уплыў бярозавіку на маладосць і здароўе скуры ацанілі, напрыклад, у Кітаі – там папулярныя маскі для твару на аснове бярозавіку*. (З. 25.03.2022). Узгадваецца таксама, што чысціня і якасць вады ўплывае на здароўе: *Нездарма ж кажуць, што вада – гэта жыццё. А чыстая вада – гэта яшчэ і добрае здароўе. І мы працуем для таго, каб нашы людзі кожны дзень пілі менавіта такую ваду*. (СБ 19.10.2021). Параўнаннем з беларускімі парэміямі: *Пі халодную воду,*

не будзеш хварэць да роду (Прык.); Лепш вы-даць на пекара, чымсь на лекара (Прык.).

Новыя ўмовы жыцця чалавека – перадусім, праблемы экалогіі – уплываюць на здароўе чалавека, што шырока асвятляецца ў сродках масавай інфармацыі: *Штучныя кветкі негатыўна ўплываюць на навакольнае асяроддзе і чалавечае здароўе, перамяшчаючы пластыкавыя часціцы і небяспечныя складнікі.* (З. 30.04.2022). Цікавы той факт, што экалагічны стан планеты метафарычна названы «здароўе планеты»: *Вера Мартынава расказала пра свой шлях, хобі і ўнёсак у здароўе планеты* (З. 23.04.2022).

У медыядыскурсе асвятляюцца навіны сістэмы аховы здароўя рэспублікі, падкрэсліваецца істотная роля дзяржавы ў захаванні здароўя: *Пры гэтым нельга не закрануць асноўны прырытэт дзяржавы – моцная і здаровая сям'я.* (З. 24.01.2022); *ахова здароўя – прыярытэты напрамак дзяржаўнай сацыяльнай палітыкі. Зыходзячы з яго ў краіне будуюцца, мадэрнізуюцца, рэканструююцца ўстановы аховы здароўя, набываецца новае сучаснае абсталяванне, ідзе падрыхтоўка кваліфікаваных медыцынскіх кадраў* (З. 14.03.2022). Разам з тым падкрэсліваецца, што сам чалавек нясе адказнасць за захаванне свайго здароўя: *Ахова здароўя – справа не толькі дзяржавы, але і саміх людзей.* (З. 20.01.2022); *Медыцынскія работнікі заўсёды падкрэслівалі, што стан здароўя залежыць не столькі ад сістэмы аховы здароўя, колькі ад намаганняў самога чалавека.* (З. 24.02.2022).

Асабліваю каштоўнасць для лінгвакультуролага маюць кантэксты, якія ўтрымліваюць інфармацыю пра самабытныя традыцыі народа, культурныя звесткі і г.д. Напрыклад, у газеце «Звязда» ў артыкуле, прысвечаным возеру Нарач (славутае «беларускае мора»), актуалізуецца канцэпт «здароўе»: *Можа таму ў адну з легенд пра возера Нарач, якую тут часта падаюць турыстам, уключаюць словы пра тое, што вада ў мясцовых азёрах маладзільная... Хто прыходзіў да Нары і зазіраў у люстэрка, атрымліваў тое, чаго хацеў: прыгажосць, малодасць, здароўе. Прачуў пра дзівосы багаты зайдзросны пан і вырашыў адабраць сабе чароўную рэч.* (Звязда. 01.05.2022). Вербалізаваныя ў мастацкім дыскурсе рытуальныя дзеянні падчас свят таксама маюць важнае значэнне, пацвярджаючы, што ў цяперашні час яны актуальныя ў моўнай свядомасці беларусаў: *Людзі загадалі на новы ўраджай, спадзяваліся, што з візітам ічадрацоў і Казы-гарэзы ў іх дамы прыйдуць ішчасце, здароўе, дастатак,*

а непасрэдна ў час сустрэчы яны атрымалі важкі зарад бадзёрасці і станоўчых эмоцый (СБ 14.01.2022); *«Адчыняй дзверы, Каляда ідзе – ішчасце і здароўе нясе!»* (СБ 15.01.2022). Адзначаны на старонках сучасных газет і рытуал валачобніцтва: *Праводзілі яго так: вяскоўцы, звычайна мужчыны, сабраўшыся гуртам па 10–20 чалавек, абыходзілі ўсе двары з віншавальнымі песнямі і музыкай. Лічылася, што гэты прынясе здароўе гаспадарам, пладавітасць жывёле, ураджайнасць на палях* (СБ 24.04.2022).

Важнай часткай традыцыйнай матэрыяльнай культуры з'яўляецца адзенне, якое, па вераваннях, магло спрыяць захаванню здароўя: *Таму вышыўка, зробленая па ўсіх традыцыях, з захаваннем сімволікі, закладзеныя ўзоры, якія абазначаюць моцную сям'ю, працяг роду, родную зямлю, здароўе, ішчасце і многае іншае* (З. 02.04.2022).

Каштоўнымі з'яўляюцца кантэксты, у якіх рэпрэзентуецца наіўная карціна свету, вера ў існаванне звышнатуральных сіл, тое, што ў беларускай мове семантызуецца словамі «прымхі», «забабоны»: *Падчас допыту пацярпелая распавяла, што ўвечары 11 красавіка знаходзілася на аўтавакзале, а да яе падышла незнаёмая жанчына і паведала, што на яе накладзена псаванне, якое ўплывае на здароўе* (З. 25.04.2022); *Ёсць фразы, якія мы часта вымаўляем і нават не задумваемся аб тым, што яны могуць палепшыць ці пагоршыць нашу энергетыку, здароўе і жыццё ў цэлым.* (Звязда. 24.04.2022).

Важна адзначыць, што рэлігійны светапогляд з'яўляецца адной з характарыстык беларускай ментальнасці, таму ўяўленне пра здароўе не можа не спалучацца з рэлігійнымі прынцыпамі: *Часамі сакрамант намашчэння хворых вяртае вернікам здароўе, калі гэты служыць іх духоўнаму дабру. Гэтае таінства прымаюць і перад сур'ёзнай аперацыяй, каб духоўна сябе падтрымаць* (СБ 14.01.2022); *Традыцыя службаў за спачын ці здароўе мае працяглую гісторыю. Часам на сценах побач з прадрэпаўнамі ў мінулым імёнамі стаяць рысачкі – відаць, іх колькасць сведчыць, колькі малітваў было прачытана* (З. 18.04.2022); *Вернікі моляцца аб здароўі Жыровіцкаму абразу Божай Маці ці Сынкавіцкай Усецарыцы.* (СБ 07.06.2021); *Вельмі часта мы парушам запаведзь «не забівай», калі не клапацімся пра здароўе сваё і іншых. Калі своечасова не звяртаемся па дапамогу да дактароў, не прыслухуемся да іх парад, вядзём нездаро-*

вы лад жыцця, то паступова свядома забіва-ем сябе (СБ 08.10.2021). У мастацкім дыскурсе таксама выяўлены кантэксты, якія сведчаць пра ўплыў рэлігійнасці: *Памаліся, дзедка, за здароўе нашага паніча* (Янка Купала); *Скрыўдзіў нас бог: здароўе ў мяне адабраў* (Кандрат Крапіва); *Дай бог здароўя Васілю!*; *адпраўлялі малебны за здароўе* (М. Гарэцкі).

Універсальным, па сутнасці агульначалавечым, у выяўленых беларускамоўных кантэкстах з'яўляецца высокая каштоўнасць здароўя ў жыцці, што асабліва яскрава адлюстравана ў апазіцыі «здароўе – хвароба». Народная мудрасць нагадвае нам: калі не берагчы здароўе, то чалавеку прыйдзеца вельмі цяжка, г.зн. неабходная прафілактыка хвароб: *Зялеза іржа есць, а чалавека – хвароба* (Прык.); *Хваробу не трэба клікаць, сама прыйдзе* (Прык.); *Хвароба нікога не красіць* (Прык.); *Хвароба калі не ўморыць, дык скрывіць* (Прык.); *Хвароба не пернік, не пракаўтнеш і не адкажашся* (Прык.) (Янк.); *Хваробу не трэба клікаць, сама прыйдзе* (Прык.); *Хвораму і залатая лыжка не дапаможа* (Прык.); *Хворы – сабе гора, сваякам – удвая* (Прык.). Этнакультурна маркіраваным, на нашу думку, з'яўляецца ўзгаданне пэўных рытуалаў па збераганні здароўя (застольныя тосты за здароўе, пажаданне здароўя у маўленчай практыцы; калядаванне, валачобніцтва).

Каб вызначыць ядро і бліжняю/дальнюю перыферыю мы параўналі наяўнасць вызначаных паняццевых кампанетаў у разгледжаных крыніцах. Наяўнасць ва ўсіх – уласцівасць ядзерных кампанетаў, наяўнасць у адным тыпе дыскурсу – аднесенасць да перыферыі. У ядро канцэпту, на нашу думку, можна ўключыць каштоўнасны кампанент, бо ён яскрава выражаны ў шматлікіх кантэкстах рознай жанравай аднесенасці, а таксама вобразны кампанент. У ядро таксама можна ўключыць такія паняццевыя кампаненты, як 'умова захавання здароўя – актыўны лад жыцця і правільнае харчаванне', рэлігійны ўплыў – 'здароўе даецца Богам', нацыянальна-культурны кампанент – правядзенне пэўных рытуалаў падчас свят. Перыферыя складаецца з кампанетаў 'клопат пра здароўе неабходны для яго захавання', 'здароўе як ідэал гармоніі чалавека', 'здароўе як адсутнасць хваробы'. Здароўе у беларускай моўнай карціне свету суадносіцца з гарманічнай будовай і натуральным функцыянаваннем чалавечага арганізма, фізічная і духоўная моц павінны быць у чалавека ў роўнай ступені, таму можна сфармуляваць паняццевыя кампаненты: 'здароўе фізічнае', 'здароўе

духоўнае', 'здароўе як каштоўнасць', 'клопат пра здароўе', 'здароўе як ідэал гармоніі чалавека', 'здароўе як адсутнасць хваробы'.

У беларускай канцэптасферы, па нашых назіраннях, канцэпт «здароўе» мае сувязь з канцэптамі «шчасце»: *прамянеў здароўем і шчасцем* (А. Карпюк); *стаяла традыцыйнае пажаданне здароўя і шчасця* (У. Дамашэвіч); «праца»: *Праца здароўя не адбірае!* (А. Чарнышэвіч); *Працы найду – абы здароўе было* (Ц. Гартны); «жыццё»: *Абы здароўе, а жыццё будзе* (Прык.); *Як здароўе, дык жыць нада* (Прык.); *Без здароўя якая наша жытка* (Прык.); «шчасце» (*Здароваму ўсё здорава* (Прык.); «Бог» (у выразях Бог здароўе даў (забраў)).

Заклучэнне

Такім чынам, кантэксты, якія семантызуюць канцэпт «здароўе», утвараюць асаблівае змястоўнае поле, якое складаецца з павучальных і дакладных рэкамендацый. Калі кантэксты з публіцыстыкі – своеасаблівае лостэрка ўсёй нашай паўсядзённай рэчаіснасці, то мастацкі дыкурс і парэміі адлюстроўваюць этнакультурна афарбаваны вопыт некалькіх пакаленняў беларусаў.

Канцэпт «здароўе» – шматмерны феномен, які адлюстроўвае ў паўсядзённай свядомасці ўяўленне пра дуальны (фізічны і псіхічны) стан арганізма, ацэнка якога ажыццяўляецца з пункту погляду назіральніка, а таксама ўнутранага самаадчування суб'екта. Каштоўнасны складнік выяўляецца ў прызнанні фізіялагічна-псіхалагічнага стану чалавека найважнейшым аспектам яго жыцця і вынікаючых адсюль прыярытэтаў яго паводзін (захаванне здаровага ладу жыцця і інш.) Вобразны складнік канцэпту «здароўе» фарміруе ўстойлівыя асацыяцыі здароўя з прыроднымі з'явамі (у прыватнасці, з дрэвам, вадой, зямлёй), артэ-фактамі культуры (пэўны арнамент вышыўкі на адзенні). Прааналізаваныя кантэксты выявілі цэлы шэраг метафарычных мадэлей, якія ў многім супадаюць з вобразамі, зафіксаванымі ў міфах, этымалогіі ядзернай лексемы, сталых выказаў (будзь здаровы, як зямля): *дрэва, камень, вада і зямля*.

Падсумоўваючы ўсё вышэйсказанае ў плане сэнсавай напоўненасці канцэпту, можна канстатаваць наступнае: у беларускамоўных кантэкстах здароўе выступае як найвялікшая каштоўнасць, большасць парэмій валодае маральна-павучальным характарам, утрымліваюцца рэкамендацыі, як захавашь здароўе, сцвярджаецца, што вярнуць страчанае здароўе

цяжэй, чым папярэдзіць хваробу. Выяўлены культурна-рэлігійныя асновы канцэпту «здараўе» ў беларускай моўнай карціне свету. За моцнае здараўе прынята маліцца, прасіць яго ў Бога, які здараўе дае. Як паказвае даследаванні матэрыял, змест канцэпту «адчувальны» да змен грамадскага ладу, што дадае новыя адценні ў сэнсавае напам'яненне канцэпту, захоўваючы пра гэтым аснову культурных сэнсаў і трансліючы рысы нацыянальнага характару. У прааналізаваных кантэкстах падкрэсліваецца той факт, што здараўе чалавека залежыць ад яго самога, ладу жыцця, акцэнтуюцца ўплыў здараўя на духоўна-інтэлектуальны воблік чалавека, выяўлена шмат кантэкстаў, у якіх утрымліваюцца павучальныя рэкамендацыі захоўваць здараўе, прытрымліваючыся правільнага харчавання, падкрэсліваецца роля адмаўлення ад шкодных звычак (у публіцыстычным дыскурсе).

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Петкаў, А. Ю.** Концепт здароўе як культурны феномен (на матэрыяле рускага парэміялагічнага фонда) / А. Ю. Петкаў // *Известия Уральского федерального ун-та. Сер. Гуманитарные науки.* – 2014. – №1(124). – С. 192–202.
2. **Салимова, Д. А.** Здароўе в зеркале народной мудрости: на примере русских и английских пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-v-zerkale-narodnoy-mudrosti-na-primere-russkih-i-angliyskih-poslovits-i-pogovorok>. – Дата доступа: 28.07.2022.
3. **Тулининова, Л. В.** Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. В. Тулининова ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2008. – 22 с.
4. **Фасмер, М.** *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.

5. *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы* / склад. Ф. Янкоўскі; прадм. Д. Я. Бугаёва. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 494 с.

6. **Лепешаў, І. Я.** *Слоўнік беларускіх прыказак* / І. Я. Лепешаў, М. Я. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.

7. *Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах* / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 616 с.

8. **Колесов, В. В.** *Мир человека в слове Древней Руси.* – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 312 с.

Паступіў у рэдакцыю 22.09.2022 г.
Кантакты: eka15580575@yandex.ru
(Півавар Кацярына Сяргееўна)

Pivavar K. S. RECONSTRUCTION OF THE CONCEPT OF HEALTH ON THE MATERIAL OF DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

The article is devoted to modeling the structure of the concept «health» on the material of various types of discourse: journalistic discourse, artistic discourse, data from lexicographic publications. Significant cognitive features are identified, the structure of the concept is reconstructed – the near and far periphery, as well as figurative, axiological, conceptual components. It is proved that the concept of «health» is a constant of the Belarusian linguistic culture, since the analyzed phenomenon preserves cultural meanings that have been formed over the centuries, changing in different types of discourse under the influence of extralinguistic factors.

Keywords: concept, health, artistic discourse, journalistic discourse, literary and folklore aphorism, cultural meaning.

Даследаванне выканана ў межах распрацоўкі тэмы «Лексікаграфічнае апісанне канцэптаў беларускай духоўнасці» (грант Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў (нумар дзярж. рэгістрацыі 20220986 ад 23.06.2022).

УДК 811.161.3'373

ПРАДУКТЫЎНЫЯ СПАСАБЫ ЎТВАРЭННЯ АКАЗІЯНАЛІЗМАЎ- НАЗОЎНІКАЎ У ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАХ А. РАЗАНАВА

М. А. Самсонава

аспірант

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

У артыкуле разглядаюцца аказіянальныя словы, іх прыметы, прычыны ўзнікнення, праводзіцца словаўтваральны аналіз аказіянальных назоўнікаў А. Разанавы, утвораных марфемнымі і немарфемнымі спосабамі словаўтварэння. Звяртаецца ўвага на тое, што аказіяналізмы-назоўнікі А. Разанавы ўтвараюцца не толькі ад узуальных слоў, але і ад слоў аказіянальных. Пацвярджаецца, што паэт дапускае некаторыя структурныя адхіленні ад традыцыйных словаўтваральных мадэляў.

Ключавыя словы: аказіяналізм, аказіянальнае слова, наватвор, словаўтваральныя мадэлі, спосабы словаўтварэння, назоўнік.

Уводзіны

Аказіянальнымі лічацца такія «з’явы маўлення, якія не адпавядаюць агульнапрынятаму ўжыванню, ствараюцца паэтамі і празаікамі, публіцыстамі, а таму называюцца інакш аўтарскімі, індывідуальна-стылістычнымі неалагізмамі, або аўтарскімі наватворамі» [1, с. 65]. Адрэчаныя прыметы аказіяналізмаў наступныя: прыналежнасць да індывідуальнага маўлення (маўлення пэўнага аўтара), абумоўленасць канкрэтным кантэкстам ужывання, функцыянальная аднаразовасць, незвычайнасць і нечаканасць ужывання, эмацыянальна-ацэначная насычанасць.

З’яўленне аказіяналізмаў у паэтычным тэксце звычайна выклікана або неабходнасцю назваць новыя рэаліі ці паняцці, для выражэння якіх у мове яшчэ няма сродкаў, або жаданнем вылучыць адценні сэнсу, патрэбныя аўтару, даць індывідуальна-аўтарскую ацэнку.

У паэзіі А. Разанавы арганічна спалучаюцца традыцыя з наватарствам. Яго творчасці ўласцівы разнастайныя жанры, вобразна-стылявыя сродкі, яркая метафарычнасць, тонкі псіхалагізм, эксперыменты ў галіне стылю, мовы і слова. Жанравая спецыфіка мастацкіх твораў А. Разанавы ў значнай ступені накіроўвае да выкарыстання адрэчаных моўных сродкаў для выражэння зместу. Такія сродкі ў паэтычнай з’яўляюцца аказіяналізмамі.

У беларускім мовазнаўстве актыўны зварот да індывідуальна-аўтарскай словатворчасці заўважаецца з 80-х гадоў ХХ ст. Цэнтральнае месца ў вывучэнні аказіяналізмаў доўгі час займаў словаўтваральны аспект (Г. І. Басавы, І. П. Казейка, М. В. Шабовіч і інш.). У апошні час аказіянальныя словы разглядаюцца ў семантыка-стылістычным аспекце (Н. У. Чарнаброўкіна, В. А. Зразікава). Праблема аказіянальнасці прысвечаны артыкулы А. Я. Баханькова, М. Г. Булахава, М. Р. Прыгодзіча, А. В. Солахава, Л. В. Жураўскай, А. Я. Мантур і інш.

Грунтоўныя лінгвістычныя даследаванні аказіяналізмаў А. Разанавы не праводзіліся, аднак А. В. Солахаў свае тэарэтычныя выкладкі часта пацвярджае прыкладамі наватвораў, узятых з паэтычных тэкстаў А. Разанавы; словаўтварэнню аказіяналізмаў паэта прысвечаны таксама артыкул А. В. Солахава, у якім даследчыкам было выяўлена больш за 19 рэдкіх спосабаў словаўтварэння аказіяналізмаў А. Разанавы, прычым некаторыя з іх фіксуюцца ўпершыню ў беларускай мове, што «з’яўляецца сведчаннем глыбокага пачуцця аўтарам мовы, умелага выкарыстання ім шырокіх магчымасцей, закладзеных у словаўтваральнай сістэме беларускай мовы» [2, с. 135].

Нароўні з непрадуктыўнымі словаўтваральнымі тыпамі бачыцца неабходным прааналізаваць аказіяналізмы А. Разанавы, утвораныя прадуктыўнымі словаўтваральнымі тыпамі, тым больш што такія наватворы, з аднаго боку, набліжаюцца да ўзуальных слоў сваімі словаўтваральнымі сродкамі, з другога – вылучаюцца ад узуальных слоў сваёй эмацыянальнай насычанасцю. Больш за тое, некаторыя даследчыкі (Р. В. Вінакур, А. А. Земская, У. С. Гімпялевіч, М. У. Калніязяў, Эр. Ханпіра) называюць такія аказіяналізмы патэнцыяльнымі словамі, звычайна разумеючы пад імі «лексічныя адзінкі, утвораныя па высокапрадуктыўных тыпах словаўтварэння» [3, с. 228].

Асноўная частка

Значнае месца сярод наватвораў А. Разанавы займаюць аказіяналізмы, створаныя

прадуктыўнымі марфемнымі і немарфемнымі спосабамі словаўтварэння. Сярод марфемных аўтар актыўна выкарыстоўвае суфіксальны, нульсуфіксальны, прэфіксальны, прэфіксальна-нульсуфіксальны спосабы.

Суфіксальны спосаб

Высокай прадуктыўнасцю вылучаецца група лексем, утвораных ад асноў прыметнікаў і дзеепрыметнікаў пры дапамозе суфікса *-асць* з адцягнутым значэннем прыметы і ўласцівасці [4, с. 81]. Неабходна адзначыць, што назоўнікі гэтай групы могуць быць утвораны ад узвальных прыметнікаў (*месяцовы – месяцовасць, хіжы – хіжасць, драўляны – драўлянасць, дрэвавы – дрэвавасць, няпросты – няпростасць, прарочы – прарочасць, Сакратаў – сакратавасць*), а таксама ад індывідуальна-аўтарскіх прыметнікаў (*Паскальны – паскальнасць, невідзімцы – невідзімнасць, сусны – суснасць*): *Чэскае шлупце лунае па самай строміне неба, замкнёнае ў абалонцы – у «лунцы» – смугі, месяцовасці («луннасці»)* [5, с. 58]; *Ці маеце што есці?.. І звяры з лясоў і нораў згэрамі прыбеглі, загойсалі ў дзіўотнай пантаміме – імэт і хіжасць... хіжасць і пагоня...* [6, с. 129]; *Дуб і падобны да ўсіх іншых дрэў, і адрозніваецца ад іх менавіта сваёй большай драўлянасцю, дрэвавасцю...* [6, с. 370]; *...толькі няпростасці той дарогі, якую яны – усе па-свойму – прайшлі* [6, с. 299]; *Сваёй папчай пяхора ўчаперваецца ў вонкавы асяродак – у пясчанік, а сваёй прарочасцю – у чалавека, ва ўсе пяць яго адчуванняў* [6, с. 383]; *... яна [пастка] перш за ўсё пастух, які пасвіць чалавека на яго жыццёвым шляху, не даючы яму заблудзіцца ў свеце і змарнаваць у нястальных стасунках са светам сваю каставасць, сваю выключнасць, сваю «сакратавасць» і «паскальнасць»* [5, с. 40]; *...становіцца проста яснасцю, проста «невідзімнасцю»...* [6, с. 371]; *Пішы – і паслухмяная рука накрэсліць знакі, словы занатэе і перадаць пульсацыяй радка суснасці пульсацыю крутую* [6, с. 53] і інш.

Як адзначае А. В. Солахаў, пры ўтварэнні аказіяналізмаў дапускаюцца розныя структурныя адхіленні ад традыцыйных словаўтваральных мадэляў. Так, «аўтарам дапускаецца спалучэнне суфікса *-асць*, у тым ліку з прырашчэннем да яго асобных элементаў, не толькі з асновамі прыметнікаў і дзеепрыметнікаў, але і з асновамі іншых часцін мовы» [7, с. 268]: *чалавек* (наз.) – *чалавекасць*, *сам* (займ.) – *самасць*: *Пяхора – прарочыца: у яе чэраве назапашваецца магчымасці, пясціца «чалавекасць»...* [6, с. 383]; *Яна [смага] перайначвае*

многае ў адзінае, імгненнае ў працяглае, гаму ў магму, альфу ў амегу, пякельнае ў пекнае, смалу ў смарагды, а самасць у дух [5, с. 27].

У адрозненні ад узвальнага назоўніка **дзялок са значэннем** 'чалавек, які лоўка вядзе свае справы, не грэбуючы ніякімі сродкамі для дасягнення мэты' [8, с. 225], аказіянальны назоўнік *дзялкі* ← *дзела* + *-к(-і)* мае лексічнае значэнне 'маленькае дзела': *Ва ўсіх свае дзялкі, свае заняткі, свая самастойнасць – яна адно служкавала: зрабі, Тэжля, паглядзі, Тэжля, падай, Тэжля...* [6, с. 161].

Акрамя агульных назоўнікаў, паэт утварае і ўласныя (назвы, прозвішчы, мянушкі), напрыклад, *Абравец, Карпеч* і інш. Абразлівай мянушкай *Карпеч* дзеці крывіцця хлопчыка з абмежаванымі магчымасцямі, у якога на спіне горб: *...суседскі хлапчук замест доказаў крыкнуў зламысна: Карпеч... І дзеці, паўскокваўшы, падхапілі: Карпеч... Карпеч... – пачварнае, недарэчнае, несправядлівае слова, але гэтакое слова было пра тое... Не цябе заўважалі – твой горб...* [6, с. 146]. Аказіяналізм **Карпеч** ← *карп* + *-еч* мае значэнне 'гарбаты чалавек' і ўтвораны ад назоўніка *карп* (у карпа ёсць *горб* паміж спіной і галавой, сярод разнавіднасцяў карпа выдзяляюць таксама *гарбатага карпа*, у якога спіна адразу падымаецца крутой дугой).

Лексема *дзівунак* ← *дзівіцца* + *-унак* мае такое ж значэнне і такую ж утваральную аснову, як і назоўнік *дзіва* ('тое, што выклікае здзіўленне, цуд') [8, с. 223]: *Прарэзаліся на градках стрэлкі цыбулі: вачам дзівунак* [6, с. 108]. У сваю чаргу, аказіяналізм **красунак** мае значэнне ('прыгажосць, цвіценне, красаванне') і паходзіць ад дзеяслова *красавання* ('прыцягваць увагу, вылучацца сваім характаром') [8, с. 375]: *Чаромхі горкі пах... Зялёных дрэў красунак...* [6, с. 35]. Некаторыя даследчыкі лічаць, што суфікс *-унак* па сваім паходжанні нямецкі, адаптаваны польскай мовай: *гатунак, ратунак, пацалунак, ласунак* [9].

Наватвор **адведка** ← *адведаць* + *-к(-а)* зыходзіць да дзеяслова *адведаць* ('спагнаць, зведаць, паспытаць') [8, с. 40] і мае адпаведнае яму апрадмечанае дзеянне *адведка* ('пазнанне трагедыі'); утвораны па той жа словаўтваральнай мадэлі, што і *сведка, разведка: Іх далячыні развялі, і хоць трагедыяй – адведка, сумуе ястраб па зямлі, па вышыні сумуе клетка* [6, с. 52].

А. Разанаў, выкарыстоўваючы наватворы з характарыстычнай мэтай, імпліцытна выказвае свае адносіны да нечакана аформленага слова. Так, у паэме «Было балота» аўтар вы-

карыстоўвае адушаўлёныя аказіяналізмы-назоўнікі (*валхвец, Абравец*), з дапамогай якіх паэт перадае свае адмоўныя адносіны да экскаватарнага нашэсця: *Баламуцячы сіду ліхую, сінявокі, як дзень, валхвец – у балоце глухім валхвуе экскаватаршчык Абравец...* [6, с. 136]; *Прахапляецца незвычайна – захлынаецца ў твані карэц, экскаватар хрыціць адчайна... Абрываецца Абравец, вырываецца...* [6, с. 137]. Аказіяналізм *валхвец* утвораны ад рускамоўнага дзеяслова *валхваваць* ('займацца прадказаннямі, чараўніцтвам, вядзьмарствам, варажбой' [10, с. 206]); прозвішча *Абравец* – ад узуальнага дзеяслова *абрываецца* – 'не ўтрымаўшыся, зваліцца, упасці адкуль-н.' [8, с. 12].

Індывідуальна-аўтарскі неалагізм *хадыр* утвораны ад дзеяслова *хадзіць*: *Холад адхукавае ўспаміны, голад «адхукавае» згадкі, голад – павадыр, холад – хадыр, голад уздыхае, холад хліпае...* [6, с. 413].

Суфіксы *-ец/-эц, -ыр* з'яўляюцца паказчыкам асобы мужчынскага полу, якая характарызуецца дзеяннем, названым утваральным дзеясловам, і маюць словаўтваральнае значэнне 'назвы асоб-носьбітаў працэсуальнай прыметы' [11, с. 61]: *валхвец* – 'той, хто валхвуе (вядзьмуе)', *Абравец* – 'той, хто абрываецца', *хадыр* – 'той, хто ходзіць'.

Аказіяналізм *Паражнеча* ← *парожні + -еч-* супадае па значэнні з назоўнікам *пустата* 'адсутнасць імкненняў, інтарэсаў' [8, с. 658] і ўступае ў антанімічныя адносіны з назоўнікам *Паўната*. У кантэксце гэтыя назоўнікі прадстаўлены аўтарам у якасці ўласных, паколькі адлюстроўваюць унутраны душэўны стан паэта і служаць для выражэння лінгвафіласофскіх антыномій *пустэчы – паўнаты*: *Ты не пярэчыш Богу / А свет / Табе не пярэчыць. / На шалях / Унутранай раўнавагі / Узважваеш Паражнечу / і Паўнату / І нікому / Не прызнаецца, чаму / Не пераважае шаля / Шалі* [6, с. 212].

Нульсуфіксальны спосаб

Аказіяналізм *вымогі* ўтвораны ад дзеяслова *вымагаць* і мае лексічнае значэнне 'апошнія, пагібельныя намаганні': *Нібыта прыцягнутыя магнітам, яны глядзяць на мой адчайны міжбой, на мае пагібельныя вымогі...* [6, с. 273]; аказіянальны назоўнік *ішамуціцё* ўтвораны ад індывідуальна-аўтарскага дзеяслова *ішамутаць*, значэнне якога супадае з узуальным дзеясловам *ішамутаць* ('матляваннем, тузаннем у розныя бакі рваць, імкнуцца парваць на часткі') [8, с. 938]: *Дні – стракатае ішамуціцё* [6, с. 176]; аказіяналізм

распадзелы 'тое, што раз'яднана, падзелена на часткі' ўтвораны ад аказіянальнага дзеяслова *распадзяліць*, у якім прыстаўка *рас-* мае словаўтваральнае значэнне 'раз'яднаць, падзяліць на часткі' [11, с. 61]: *Мінаючы распадзелы на вялікае і малое, на моцнае і слабое, верас расце як варыянт, як версія на тэму: якой мусіць быць расліна, аднак у гэтую версію верас укладаецца ўвесь* [6, с. 407].

Прэфіксальны спосаб

Аказіяналізм *звышвыйсце* ← *звыш-* + *выйсце*, прыстаўка *звыш-* мае словаўтваральнае значэнне 'прадмет з уласцівасцямі, якія значна перавышаюць уласцівасці прамета, названага ўтваральным назоўнікам' [11, с. 44], лексічнае значэнне наватвора 'гадоўнае выйсце', *звышвыйсцем* аўтар называе палёт стралы: *Упарцься, лук! Супрацьдзейнічай, цеціва! Вы ўтрымліваеце ў сабе звышвыйсце: палёт стралы* [6, с. 294]; *міжбой* ← *між-* + *бой* – 'бой паміж аўтарам і вужакамі, змаганне, якое аўтар называе танцам': *Змаганне захоплівае мяне: яно разнявольвае ўсе мае здольнасці, яно абуджае ўсе мае сілы, яно становіцца танцам, яно становіцца святкаваннем, яно тчэ з маіх рукаў свой непаўторны ўзор... А з мора ўжо вынырнулі дзве вужакі – дзве неспатольныя помсты... Я адзіраю іх ад сябе, я душу іх рукамі, тапчу нагамі, кручуся, уюся, крычу... Навакал, з усіх бакоў, збіраюцца гараджане. Нібыта прыцягнутыя магнітам, яны глядзяць на мой адчайны міжбой, на мае пагібельныя вымогі...* [6, с. 273]; *антывыспа* ← *анты-* + *выспа* – 'твань, вывернутая на левы бок': *Калі асяродак зямлі сярод вады выспа, то твань выспа, вывернутая на левы бок, антывыспа* [5, с. 39]; *праўчора* ← *пра-* + *учора* – 'першапачатковаць, старажытнаць': *Месцазнаходжанне пячоры ва ўчора, у пазаўчора, а можа, нават у праўчора* [6, с. 383].

Прэфіксальна-нульсуфіксальны спосаб

Індывідуальна-аўтарскі неалагізм *міжчасце* ← *між-* + *час(оў)* азначае 'прамежак часу ў жыцці прыроды, грамадства або чалавека, калі адсутнічаюць ярка выяўленыя прыметы часу, характэрныя для папярэдняга і наступнага перыяду; прамежак між часоў': *Міжчасце – ў наваколлі. Міжчасце – ува мне* [6, с. 78].

Аказіяналізмы *перад-* і *пасляслоў* ўтвораны прэфіксальна-нульсуфіксальным спосабам ад назоўніка *слова* і маюць наступнае лексічнае значэнне: *перадслоў* – 'тое, што было спачатку, перад словам'; *пасляслоў* – 'тое, што знаходзіцца пасля слова': *Патаемныя*

твораць чары з чалавечых дзей і высноў... – І ўстаюць – тут і там – пачвары: грозны **перрад- і пасляслоў** [6, с. 136]. Гэтыя аказіяналізмы ўступаюць паміж сабой у антанімічныя адносіны, што з’яўляецца рэдкай з’явай, таму што звычайна ў антанімічныя адносіны аказіяналізмы ўступаюць з узуальнымі словамі.

Для наватвораў А. Разанава характэрны таксама і немарфемныя спосабы словаўтварэння, такія, як асноваскладанне, словаскладанне, складана-суфіксальны спосаб, складана-нульсуфіксальны спосаб:

Спосаб складання ў наступных яго разнавіднасках:

– **асноваскладанне**: *першатварэнне* (ад *першае тварэнне*): ...было: *першаіснасьць... першатварэнне* [6, с. 134]; *сонцалюдзі* (ад *сонца* і *людзі*): ... і *самі становяцца сонцам, і ў людзях зямлі прадбачаць сонцалюдзей* [6, с. 292]; *жыццяполе* (ад *поде жыцця*): *Наваколле – супольная аўра, супольнае жыццяполе істотаў, рэчаў і з’яў...* [5, с. 43];

– **словаскладанне**: *травя-гараджанка* (ад *травя* і *гараджанка*): *Косяць – але ні для кога: такі твой лёс, травя-гараджанка* [6, с. 114]; *ластаўка-беражанка* (ад *ластаўка* і *беражанка*): *Над берагам лётаюць ластаўкі-беражанкі* [6, с. 389]; *думка-голос* (ад *думка* і *голос*), *думка-бязмоўе* (ад *думка* і *бязмоўе*): *Адкрывае абсяг думка-голос, а думцы-бязмоўе адкрываецца неабсяжнасьць* [6, с. 81]; *думка-галубка* (ад *думка* і *галубка*), *думка-крумкач* (ад *думка* і *крумкач*): *Што робіцца зараз там, у абсягах вашых, думка-галубка і думка-крумкач?!* [6, с. 89];

– **складана-суфіксальны спосаб**: *вокамірэнне* (ад *міргнуць вокам* + *-енн-*): *Каб аперазаць паўнеба, маланцы дастаткова вокамірэння, вокамірэння...* [6, с. 386];

– **складана-нульсуфіксальны спосаб**: *глінапіс* (ад *гліна* і *пісаць*): ...*гліна «ліняе» і ліпне да ботаў, да пахлапнёў, да галёшаў, якімі, як лінацьпамі, вандроўнікі выдрукоўваюць свой «глінапіс»* [6, с. 400]; *гладкапіс* (ад *гладка пісаць*): ...*брук барукаецца з бязладдзем, але бурчыць і на гладкапіс* [6, с. 377]; *душахвват* (ад *душу хватаць*): *Холад – дрыготка, голод – сутарга, холад – душахвват, голод – жываглот...* [6, с. 413]; *песнаспеў* (ад *песні спяваць*): *Зялёны мох на стразе – песнаспеў зялёны асенняму хмураму небу* [6, с. 95]; *кругабег* (ад *бегач на кругзе*): ...*безабаронны мой кругабег, які мяне сцвярджаў і адмаўляў* [6, с. 172]; *небаспад* (ад *неба* і *спадаць*): *І вось ля самага небаспаду ўзнікла чырвоная хмарка...* [6, с. 327].

Заклучэнне

Аказіяналізмы з’яўляюцца важным тэкстаўтваральным сродкам, адрозніваюцца выключнай семантычнай ёмістасцю, экспрэсіўнасцю, незвычайнасцю і нечаканасцю ўжывання, імпліцытнай насычанасцю.

Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы А. Разанава, утвораныя прадуктыўнымі словаўтваральнымі спосабамі, выклікаюць не меншую цікавасць у параўнанні з аказіяналізмамі, створанымі непрадуктыўнымі або аказіянальнымі словаўтваральнымі спосабамі, бо, з аднаго боку, набліжаюцца да ўзуальных слоў сваімі словаўтваральнымі сродкамі, з другога – адрозніваюцца ад узуальных слоў больш экспрэсіўнай і складанай семантыкай, што абумоўлена аўтарскім светабачаннем.

Кантэкст і наяўнасць у ім слоў з агульнымі семантычнымі элементамі, а таксама вядомасць словаўтваральнай мадэлі з’яўляюцца вызначальнымі для інтэрпрэтацыі аказіяналізмаў.

Пры ўтварэнні аказіяналізмаў-назоўнікаў А. Разанаў выкарыстоўвае прадуктыўныя марфемныя і немарфемныя спосабы словаўтварэння, прычым сярод марфемных пераважае суфіксальны спосаб. Варта заўважыць, што паходжанне аказіяналізмаў звязана не толькі з узуальнымі, але і аказіянальнымі словамі. Часам аўтар дапускае структурныя адхіленні ад традыцыйных словаўтваральных мадэляў; некаторыя аказіяналізмы ўступаюць у антанімічныя адносіны не толькі з узуальнымі словамі, але і з аказіянальнымі; што сведчыць не проста аб моўным эксперыменце паэта, а аб пошуку самавыражэння, імкненні папоўніць лексічную скарбонку беларускай мовы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Басава, Г. І.* Аказіяналізмы / Г. І. Басава // *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1984. – Т. 1. – 727 с.*

2. *Солахаў, А. В.* Рэдкія спосабы словаўтварэння ў мове твораў Алеся Разанава / А. В. Солахаў // *Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 21–22 кастр. 2010 г. / рэдкал.: Г. А. Арцямёнак (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, ВДУ, 2010. – С. 132–135.*

3. *Земская, Е. А.* Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

4. *Шуба, П. П.* Сучасная беларуская мова: Марфаналогія. Марфалогія: [вучэб. дапаможнік для філал. фак. ун-таў]. – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – 334 с.

5. *Разанаў, А. С.* Маланка жне, гром малоціць: вершаказы / Алясь Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 2020. – 158 с.
6. *Разанаў, А.* Танец з вужакамі : выбранае / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.
7. *Солахаў, А. В.* Выданне слоўнікаў індывідуальна-аўтарскіх (аказіянальных) слоў як надзённай задачы беларускай лексікаграфіі / А. В. Солахаў // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2005 г. / Інст-т мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – С. 266–271.
8. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
9. Тэорыя і практыка мовы : паланізмы [Электронны рэсурс]. – Режим доступу: <https://www.movananova.by/zaniatki/teoryya-i-praktykamou-palanizmu.html>. – Дата доступу: 20.01. 2022.
10. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный: свыше 136000 словарных статей: около 250000 семантических единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1 : А – О. – 1232 с.
11. *Солахаў, А. В.* Словаўтварэнне : дапам. для студэнтаў фак. дашкольнай і пачатковай адукацыі / А. В. Солахаў. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2008. – 82 с.

Паступіў у рэдакцыю 14.02.2022 г.
Кантакты: samsonova_margarita@rambler.ru
(Самсонава Маргарыта Аляксандраўна)

Samsonova M. A. SOME WAYS OF FORMING NONCE NOUNS IN RYAZANOV'S POETIC WORKS

The article deals with nonce words, their features, reasons of emerging. Derivative analysis of A. Ryazanov's occasional nouns created by morphemic and non-morphemic ways is carried out. Attention is drawn to the fact that A. Ryazanov's nonce words are based not only on words of common usage, but also on occasional words. It is confirmed that the poet allows some structural deviations from traditional word formation models.

Keywords: occasionalism, nonce word, neologism, word formation patterns, ways of word formation, noun.

РЭЦЭНЗІІ

УДК 33(091) (510) «1937/1945»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

(рецензия на книгу Дай Цзяньбина

«Война без порохового дыма: валютные битвы в Китае

в годы Войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945)».

Москва : НИИ истории, экономики, права, 2022)

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Л. В. Гавриловец

кандидат исторических наук, доцент,
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина

Монография Дай Цзяньбина посвящена проблеме противостояния Китая и Японии в денежно-финансовой сфере на оккупированных территориях в период с 1937 по 1945 г. В рамках исследования событий японо-китайской экономической войны уделено внимание вопросам денежной эмиссии и организации денежного обращения на территории Китайской Республики, проанализирована японская политика по созданию незаконных финансовых организаций, направленная на подрыв китайской экономики. Автор особое внимание уделил проведению валютной политики в районах, контролируемых китайскими коммунистами.

Ключевые слова: экономическая война, валютная политика, облигации, банкноты, финансы, санкции, денежная эмиссия, псевдобанки.

Цель данной публикации – выявить научную ценность монографии Дай Цзяньбина «Война без порохового дыма: валютные битвы в Китае в годы Войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945)». Автор данной работы доктор исторических наук, вице-президент Китайской ассоциации историков, профессор Хэбэйского педагогического университета, лауреат премии Государственного совета КНР, член редколлегии ряда престижных журналов по экономической истории Китая. Им опубликовано 7 основных крупных научных работ по истории китайских бумажных денег и кредиток, развитию коммерческой банковской системы в современном Китае и земельных отношений в отдельных провинциях Китая.

Название рецензируемой работы полностью совпадает с ее содержанием. Она всецело посвящена экономике и финансово-денежной

системе Китая в указанный период. Можно согласиться с утверждением автора, что экономика выступает фундаментом военной силы, а валюта является важнейшим орудием экономической войны [1, с. 11]. Анализируя историю современной Азии, видно, что военные репарации из Китая сыграли важную роль в развитии японского общества. Как справедливо отмечает автор, за счет выплат по Симоносекскому договору Япония вошла в группу высокоразвитых стран и успешно интегрировалась в мировую денежную систему [1, с. 12–13].

Справедливым является возмущение китайского народа прямым грабежом, изъятием денежных и материальных ресурсов страны и созданием в Китае незаконных марионеточных банков, которые, выпустив в оборот большие объемы незаконной валюты, ограбили страну [1, с. 127, 131, 137]. Кроме того, в работе дается четкое разграничение между пониманием содержания терминов «псевдо-валюта» и «фальшивая валюта». Псевдо-валютой называли банкноты, выпущенные псевдо-банками, а поддельную валюту было принято считать «фальшивой валютой». Так, в Северном Китае японские фальшивомонетчики использовали поддельные банкноты для совершения закупок [1, с. 277].

В работе анализируются денежно-финансовые операции японских оккупационных властей и представлен достаточно обширный статистический материал о выпуске денежной массы на территории Китая как в период оккупации, так и накануне поражения японских милитаристов. Выпущенная в оборот невероятная сумма в 13,6 млрд юаней оказала нега-

© Воробьев А. А., Гавриловец Л. В., 2023

тивное влияние на развитие экономики Северо-Восточного Китая [1, с. 340–341].

Особый интерес представляет характеристика автором хождения двух китайских валют, которые противопоставлялись незаконным платежным средствам японских интервентов. Среди них стоит отметить «фаби» – валюта, выпущенная национальным правительством Китайской Республики, и валюта, выпущенная Коммунистической партией Китая. Две основные валюты вели ожесточенную войну с денежными суррогатами, выпускавшимися на территории Китая властями Японии, и одновременно противостояли друг другу [1, с. 95, 280]. Валюта «фаби» способствовала поддержанию экономических связей Китая с Англией и США и устанавливала необходимый контроль над местными банкнотами, но, ввиду тесной интеграции «фаби» с британским фунтом и долларом США, это позволило Японии использовать валютный рынок для осуществления спекуляций с валютой Китая [1, с. 105]. Что касается денег Коммунистической партии Китая, то можно согласиться с утверждением автора, что они не позволили японским захватчикам установить свое полное господство на финансовом рынке [1, с. 16, 285–286].

Интересен и тот факт, что, унифицировав денежную систему Северо-Востока Китая в 1931–1934 гг., японские власти не только запретили выпуск разнообразных местных частных банкнот, заменив их псевдоманьчжурской валютой, но и использовали медные деньги в качестве военного сырья, так как в то время гильзы патронов делались из меди. Все псевдобанки, созданные Японией в Китае, использовали китайские деньги в первую очередь для обслуживания японцев [1, с. 124, 133].

Осуществляя политику «раздробленного» Китая, японские власти стремились создать в Центральном Китае независимую валютную систему, в связи с чем оккупанты насильственно ввели в обращение бесполезные для населения военные билеты. Цель японских властей заключалась в том, чтобы иены, вложенные в Китае, могли быть возвращены для консолидации внутренней экономики Японии. Таким образом, справедливым является утверждение автора, что военные бонны использовались для получения припасов и финансирования войны. Массовое обращение иены в Центральном Китае было использовано спекулянтами, наживавшимися на разнице в стоимости между различными бумажными деньгами – фаби, военными бонами и иеной. Так, стоимость японской иены

за рубежом и в Шанхае была выше, чем стоимость фаби, а стоимость фаби в Северном Китае – выше, чем стоимость банкноты Объединенного подготовительного банка (ОПБ). Спекулянты меняли иену на фаби в Шанхае, фаби в Северном Китае – на банкноты ОПБ, а затем обменивали по валютному паритету на японские иены и, таким образом, получали большую прибыль с оборота [1, с. 140–142].

Можно согласиться с мнением автора, что псевдобанками в Китае исключительно называли банки, созданные японцами в четырех независимых валютных экономических округах: Северо-Восточном Китае, Северном Китае, Мэнцзяне и Южном Китае. Все псевдобанки осуществляли финансирование военных расходов и сотрудничали с японской армией с целью осуществления экономического «контроля» за оккупированными китайскими территориями [1, с. 150–154].

Как Гоминьдан, так и КПК пытались создать систему защиты валютно-финансовой сферы в Китае. Провинциальные финансовые учреждения национального правительства были разделены на две группы. Первая объединяла банки районов, граничивших с зоной боевых действий, и ее банкноты рассматривались правительством как авангард фаби, они не подлежали обмену на иностранную валюту. Вторую группу составляли банки тыловых провинций и районов, прилагавшие все усилия для развития экономики Китая. Банки КПК создавались в различных стратегических областях и выпускали антияпонскую валюту, которая позволила им добиться больших успехов в экономическом строительстве баз и валютной борьбе с противником [1, с. 160, 176].

Верным является утверждение автора, что основной политический принцип японцев в Китае «разделяй и властвуй» применялся ими в денежно-кредитной и финансовой сферах. Так, японское правительство экспортировало товары в больших количествах, продавая их по дешевке в Китае, а также покупая импортные товары из Китая по более выгодным ценам и расплачиваясь при этом банкнотами, выпущенными Банком Кореи, Банком Тайваня, Банком Маньчжурии, Банком Мэнцзяна и др. В свою очередь, правительство Гоминьдана реализовывало следующие стратегии – поддержание валютного курса фаби любой ценой и запрет на использование оккупационных денег в подконтрольных провинциях [1, с. 186, 191].

В 40-е гг. XX в. Гоминьдан обеспечил выпуск новых банкнот, введенных в обращение

в Национальной контролируемой зоне, и продвижение законной валюты обратно в неподконтрольную Гоминьдану зону, создание обращения таможенной золотой валюты в Национальной контролируемой зоне и увеличение выпуска таможенных банкнот. Коммунисты также пытались укрепить свою валюту, выстроить отношения с валютой правящего Гоминьдана и бороться с фиктивными деньгами противника [1, с. 198, 205]. Можно согласиться с автором, что приведенные им высказывания Мао Цзэдуна о деньгах определяли основное содержание валютной политики ЦК КПК на начальном этапе войны сопротивления японским захватчикам. Во второй половине 1943 г. легальная валюта «фаби» в районах, подконтрольных КПК, была выведена из оборота, а цены на товары значительно снизились.

Автор четко охарактеризовал типы наступательной тактики японской валютной агрессии, направленные на занятие рынка денежного обращения валютой, выпущенной собственно японцами, вытеснение денег, введенных в оборот противником и овладение доминирующими экономическими позициями с использованием потенциала своей собственной валютной зоны. Однако благодаря наличию базовой валюты, позиции законной валюты на оккупированной территории сохранялись, тем самым создавая угрозу фиктивной валюте противника [1, с. 232].

Несомненный интерес вызывала борьба Китая и Японии за драгоценные металлы – золото и серебро. Наличие золота и серебра эквивалентно наличию иностранной валюты. Японская армия на территории Китая разыскивала золотые и серебряные украшения, были распространены случаи, когда японцы принуждали марионеточные режимы вносить так называемые пожертвования в виде золотых украшений. На северо-востоке Китая японцы монополизировали торговлю золотом, при этом закупочная цена золота была чрезвычайно низкой и составляла всего лишь 2,47 юаня за грамм. Экспроприировав запасы зерна, японцы предлагали местным жителям выкупить их за серебряные монеты. Таким образом, автор справедливо отмечает, что банки на оккупированной китайской территории были захвачены противником, а золото и серебро – украдены [1, с. 246–247].

Особое внимание автор уделит и проблеме подделки валюты, так как подделка валюты противника с древних времен была средством ведения войны. Во время войны против Китая

Япония напечатала большое количество китайских денег, которые подрывали китайскую экономику. Так, стоимость материалов, изъятых с использованием фальшивой китайской валюты в Шанхае, превысила 7 млрд юаней, что свидетельствует об очень высоких объемах подделки законной валюты Китая [1, с. 266].

Немалый объем работы посвящен военным репарациям и экономической помощи Китаю. Компенсация за совершенные военные преступления не стала должным наказанием для Японии, развязавшей войну в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экономические потери Китая составили 100 млрд долларов, а косвенные – около 500 млрд долларов. Однако, как справедливо отметил автор, несмотря на статистику военных потерь, Китай получил только 22 млн долларов на выплаты компенсаций пострадавшим и 18 млн долларов – в виде материальных ресурсов, т.е. 40 млн за ущерб в 600 млрд долларов. Китай смог вернуть ценности на сумму около 30 млн долларов, но большое количество ценных материалов, разграбленных Японией, не были возвращены. Общая сумма выплат Японии таким странам, как Лаос, Камбоджа, Южная Корея, Таиланд, Малайзия и Сингапур, которые в ответ отказались от своих требований о компенсациях за войну, составила 663,8 млрд иен, или 1,8 млрд долларов США, но Китай, как основная жертва японской агрессии, не получил ни цента. В то же время необходимо отметить, что Япония оказала Китаю экономическую помощь, начиная с 1979 г., предоставив сумму в размере 3641,2 млрд иен, или 35 млрд долларов США, на поддержание реформ открытости и модернизации в этой стране [1, с. 355, 358, 361].

Несомненным достоинством работы является проанализированный огромный пласт литературы и источников как на китайском, японском, так и на русском языках (общий список литературы и источников составляет 245 наименований), что позволило автору обосновать сделанные в работе выводы. Монография Дай Цзяньбина, безусловно, вызовет значительный интерес специалистов и широких масс читающей публики, чему, кроме затронутых научных проблем, в немалой степени способствуют ее художественные достоинства в виде приложений монет, банкнот и т.д., что, в свою очередь, заинтересует современных исследователей-бонистов. Она явно будет способствовать переосмыслению устоявшихся оценок экономических потерь Китая в годы

Второй мировой войны, ввиду чего поставленную автором задачу автора можно считать успешно выполненной.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. Дай Цзяньбин. Война без порохового дыма: валютные битвы в Китае в годы Войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945) / Цзяньбин Дай ; отв. ред. И. В. Турицын. – М. : НИИ ИЭП, 2022. – 420 с.

Поступила в редакцию 05.01.2023 г.
Контакты: рах4@yandex.ru
(Воробьев Александр Александрович),
lussjawlad@mail.ru
(Гавриловец Людмила Владимировна)

Vorobyev A. A., Gavrilovets L. V. FUNDAMENTAL WORK ON THE ECONOMIC HISTORY OF CHINA (BOOK REVIEW: DAI JIANBING. WAR WITHOUT POWDER SMOKE: CURRENCY BATTLE IN CHINA DURING THE WAR OF RESISTANCE TO THE JAPANESE INVADERS (1937–1945). MOSCOW: SRI OF HISTORY, ECONOMY, LAW, 2022)

Dai Jianbing's monograph is devoted to the problem of confrontation between China and Japan in the monetary and financial sphere in the occupied territories from 1937 to 1945. As part of the study of the events of the Sino-Japanese economic war, attention is paid to the issues of money emission and the organization of money circulation on the territory of the Republic of China and its occupied territories by the Japanese invaders. The Japanese policy of creating illegal financial organizations aimed at undermining the Chinese economy is analyzed. The author pays special attention to the monetary policy in the areas controlled by the Chinese Communists.

Keywords: economic war, monetary policy, bonds, banknotes, finance, sanctions, money issue, pseudo-banks.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку 09.03.2023 г.
Фармац 70x108¹/16. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 10,5. Ул.-выд. арк. 12,4. Тыраж 100 экз. Заказ № 1650.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў